АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Ю. Д. ЛЕВИН

ОССИАН В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

КОНЕЦ XVIII — ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIX ВЕКА

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
Ленинградское отделение
1980

Ответственный редактор
академик *М. П. АЛЕКСЕЕВ*

Л $\frac{70202\text{-}546}{042\ (02)\text{-}80}$ 544.80.4603010101. © Издательство «Наука», 1980 г.

lib.pushkinskijdom.ru

Я не слыхал рассказов Оссиана,
Не пробовал старинного вина,—
Зачем же мне мерещится поляна,
Шотландии кровавая луна?

И перекличка ворона и арфы
Мне чудится в зловещей тишине,
И ветром развеваемые шарфы
Дружинников мелькают при луне!

Эти стихи Осипа Мандельштама[1] — выразительное свидетельство отношения к оссиановской поэзии современного культурного человека. Он ее «не слыхал», но в его сознании живет неясное представление о неком поэтическом мире, связанном с древней Шотландией, сумрачном, зловещем и воинственном. Тот мир ему чужд, он — лишь смутное воспоминание об одном из «блуждающих снов» человечества.

Так пишет поэт XX столетия. Иначе обстояло дело полтора—два века назад. Опубликованные в 1760-е гг. творения шотландского барда Оссиана имели сенсационный всеевропейский успех. Их переводили, ими зачитывались, их прославляли. Молодой Гете упивался Оссианом, ставил его выше Гомера и вложил свои восторги в уста Вертера. Оссиановскими поэмами Гердер обосновывал теорию народной поэзии. Вообще оссианизм явился важным моментом преромантического движения в литературах Европы. Позднее образами Оссиана вдохновлялись Байрон и Гюго, не говоря уже о множестве менее значительных поэтов-романтиков. На сюжеты его поэм художники писали кар-

[1] *Мандельштам О.* Стихотворения. Л., 1973, с. 86 («Библиотека поэта», б. сер., 2-е изд.).

lib.pushkinskijdom.ru

тины,[2] композиторы сочиняли балеты и оперы. Во Франции пристрастие к Оссиану Наполеона сделало на время увлечение бардом своего рода официозной модой. С другой стороны, его поэзия вдохновляла поборников национальной независимости в Шотландии и Германии.

И Россия не оставалась в стороне от этого европейского литературно-общественного движения. «Велик ты, Оссиан, велик, неподражаем!» (*20*),[3] восклицал молодой Карамзин. Батюшков, просивший в 1808 г. прислать ему книгу оссиановских поэм, писал: «Я об ней ночь и день думаю».[4] Эти поэмы вдохновляли Державина и Жуковского, Озерова и Гнедича, Рылеева и Кюхельбекера, Пушкина и Лермонтова. Они оставили след в декабристской поэзии, способствовали становлению русского романтизма. Выяснить значение оссиановской поэзии для русской литературы и составляет цель предлагаемой работы.

1

Вопрос о русском оссианизме ставится не впервые. Еще в середине XIX в. А. Д. Галахов, откликаясь на выход сочинений Кострова и Аблесимова в издании А. Ф. Смирдина, писал о костровском переводе «гальских стихотворений» Оссиана, а также, хотя и кратко, о других переводах оссиановских поэм и о влиянии шотландского барда на русских поэтов.[5] И в дальнейшем исследователи творчества Державина, Карамзина, Жуковского, Озерова, Батюшкова, Гнедича, Пушкина, Полежаева, Лермонтова и других русских писателей конца XVIII—первой трети

---

[2] В 1974 г. в Париже и Гамбурге демонстрировалась международная выставка «Оссиан и искусство около 1800 г.», на которой экспонировалось 126 произведений европейских художников. См. каталог: Ossian und die Kunst um 1800. München, 1974.

[3] Здесь и ниже курсивные цифры в скобках являются ссылками на номера помещенной в приложении библиографии «Оссиан в России» (с. 144). Если под данным номером перечислены несколько изданий, то ссылка без дополнительного указания года подразумевает первое издание.

[4] *Батюшков К. Н.* Соч., т. III. СПб., 1886, с. 24—25.

[5] См.: *Галахов А.* Сочинения Кострова и Аблесимова... — Отеч. зап., 1851, т. LXXIX, № 11, отд. V, с. 28—30, 38—43.

lib.pushkinskijdom.ru

XIX в. в той или иной мере касались восприятия этими авторами Оссиана. В начале нашего века И. И. Замотин, представитель культурно-исторической школы в литературоведении, специально занимавшийся русским романтизмом, попытался охарактеризовать роль оссианизма в этом литературном движении.[6] Ученый считал, что опубликованные Макферсоном поэмы были восприняты как образцы литературной обработки «безыскусственной поэзии народа и вместе с тем сделались, так сказать, посредниками при ознакомлении поэтов романтической школы с народным творчеством».[7] Замотин создал первый, хотя еще весьма краткий очерк русского оссианизма, отметил основные переводы поэм, охарактеризовал воздействие Оссиана на Хераскова, Державина, Батюшкова.

В 1907 г. Н. К. Пиксанов в приложении к своей статье «Пушкин и Оссиан» поместил первый опыт библиографии русского оссианизма.[8] А спустя десятилетие на Украине вышло специальное исследование, до сих пор остающееся единственной книгой об этом литературном явлении.[9] Автор книги Д. Н. Введенский (другие работы его неизвестны) поставил перед собой задачу, как он писал в предисловии, «*реально* ответить на вопрос, в чем же выразилось и когда началось влияние оссиановской поэзии на русской почве». Исследование помимо введения и заключения содержит пять «этюдов»: «Г. Р. Державин и Оссиан», «Оссиан и русские журналы», «Н. И. Гнедич и Оссиан», «М. Н. Муравьев и К. Н. Батюшков и их отношение к Оссиану», «В. Т. Нарежный и Оссиан». Метод Введенского состоял в «наглядном сопоставлении» отрывков из произведений русских писателей с отрывками из оссиановских поэм Макферсона — обычно в русском переводе Кострова, а иногда в немецком — Михаэля Дениса (ни английского текста, ни французских переводов Введенский не использовал). Таким образом устанавливался факт и мас-

---

[6] См.: *Замотин И. И.* 1) Ранние романтические веяния в русской литературе. Варшава, 1900, с. 52—66; 2) Романтизм двадцатых годов XIX стол. в русской литературе, т. I. Варшава, 1903, с. 37—50; 3) то же, изд. 2-е, т. I. СПб.—М., 1911, с. 35—48.

[7] *Замотин И. И.* Романтизм двадцатых годов... Изд. 2-е, т. I, с. 35.

[8] *Пушкин.* [Соч.], т. I. СПб., 1907, с. 113—114.

[9] *Введенский Д. Н.* Этюды о влиянии оссиановской поэзии в русской литературе. Нежин, 1918. 111 с. (ниже в ссылках: Введенский).

lib.pushkinskijdom.ru

штабы влияний. В большинстве своем эти сопоставления убедительны, хотя иногда соответствия между текстами носят случайный характер. Причины обращения того или иного автора к Оссиану Введенский не объяснял, и сколько-нибудь серьезного историко-литературного анализа его книга не содержит.

В советское время восприятием поэзии Оссиана в России специально занимался В. И. Маслов, известный также своими работами о русском байронизме и стернианстве. Маслов исследовал оссианизм Карамзина, первые русские переводы поэм Оссиана.[10] Особую ценность представляет созданная им библиография «Оссиан в России» с хронологическими рамками 1781—1832 гг., включающая 188 номеров русских переводов, переделок поэм Оссиана, подражаний им, статей о них, оссианических реминисценций и т. п.[11]

После Маслова долгое время не появлялось специальных работ по русскому оссианизму, хотя вопрос этот неоднократно затрагивался в историях русской литературы эпохи сентиментализма, преромантизма и романтизма и в исследованиях творчества писателей этих периодов.[12] В известном смысле итоговой явилась статья Р. В. Иезуитовой «Поэзия русского оссианизма», где, опираясь на достижения отечественного литературоведения последних десятилетий, исследовательница стремилась на основании анализа «наиболее характерных и по большей части крупных явлений в русской поэзии» начала XIX в. «показать значение и смысл обращения русских поэтов к Оссиану». В статье выявляются «две основные идейно-эстетические тенденции: героико-эпическая (Гнедич, декабристы) и субъективно-лирическая (Жуковский), которые, однако, находились в сложном взаимопереплетении, характеризуя противоречивые процессы в русском романтизме (Пушкин, Батюшков)». Оссианизм, считает Р. В. Иезуитова,

---

[10] См.: *Маслов В. И.* 1) Оссианизм Карамзина. Прилуки, 1928. 16 с.; 2) К вопросу о первых русских переводах поэм Оссиана—Макферсона. — В кн.: Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского. Л., 1928. с. 194—198. (Сб. Отд-ния рус. яз. и словесности АН СССР, т. 101, № 3).

[11] *Маслов В. И.* Оссиан в России. (Библиография). Л., 1928. 65 с.

[12] См., например: *Пумпянский Л. В.* Сентиментализм. — В кн.: История русской литературы, т. IV. М.—Л., 1947, с. 432—436; *Гуковский Г. А.* Пушкин и русские романтики [1946]. М., 1965, с. 230—231, 240—244, 254—255.

lib.pushkinskijdom.ru

«оказал благотворное влияние на развитие лирических и сюжетных жанров русской поэзии 1800—1810-х годов.[13]

Русскому оссианизму уделяли внимание и некоторые зарубежные исследователи, посвящавшие этой проблеме и отдельные статьи,[14] и разделы в общих трудах.[15] Однако в основном они оперировали материалом, взятым из вторых рук. Поэтому их заключения, как правило, или мало самостоятельны или же, будучи оригинальными (например, у Г. Барратта), недостаточно убедительны.[16]

Нельзя считать, впрочем, что история русского оссианизма полностью исследована в отечественных работах. При всех их достоинствах им в той или иной мере присущи два основных недостатка. Во-первых, они сосредоточены главным образом на крупнейших представителях русской литературы конца XVIII—начала XIX в. «Массовый», так сказать, оссианизм, без изучения которого невозможно составить общее правильное представление о проблеме в целом, остается вне поля зрения исследователей. Вторым недостатком является малая, как правило, осведомленность в истории европейского оссианизма. При изучении самих поэм Оссиана и оссиановского вопроса авторы русских работ опирались в основном на исследование и перевод Е. В. Балобановой,[17] которые, хотя и были научным достижением в свое время, страдают неполнотой,

---

[13] *Иезуитова Р. В.* Поэзия русского оссианизма. — Рус. лит., 1965, № 3, с. 57, 73 (ниже в ссылках: Иезуитова).

[14] См.: *Barratt G. B.* The Melancholy and the Wild: A Note on Macpherson's Russian Success. — In: Studies in Eighteenth-Century Culture, vol. III. Cleveland—London, 1973, p. 125—135; *Dukes P.* Ossian and Russia. — Scottish Literary News, 1973, vol. III, № 3 (Ossian Number), p. 17—21.

[15] См., например: *Simmons E. J.* English Literature and Culture in Russia (1553—1840). Cambridge, Mass., 1935, p. 180—189; *Neuhäuser R.* Towards the Romantic Age. Essays on Sentimental and Preromantic Literature in Russia. The Hague, 1974, p. 130—138.

[16] См. критику статьи Г. Барратта: Рус. лит., 1978, № 3, с. 202—203.

[17] Поэмы Оссиана Джемса Макферсона. (J. Macpherson.—Poems of Ossian.). Исследование, пер. и примеч. Е. В. Балобановой. СПб., 1890. *Рец.:* Вестн. Европы, 1891, № 4, с. 865—867; Книжки Недели, 1891, № 4, с. 207—215; Журн. М-ва нар. просвещения, 1891, № 6, отд. II, с. 492—503. — За свою работу «A Critical Dissertation on the Poems of Ossian» (1892) Балобанова получила от Оссиановского общества ирландских кельтов золотой жетон (см.: *Мазюкевич Т.* Памяти Е. В. Балобановой. — Библиотечное обозрение, 1927, кн. 1—2, с. 91, 94).

lib.pushkinskijdom.ru

неточностями, изобилуют ошибками. Мало учитывалось и восприятие Оссиана в странах континентальной Европы, в частности во Франции и в Германии, что необходимо, поскольку французские и немецкие переводы и переложения поэм Оссиана часто служили посредствующим звеном при создании русских переводов. Во многом устарела и библиография В. И. Маслова.

Таким образом, недостаточная изученность русского оссианизма — явления, весьма существенного в истории русской литературы на рубеже XVIII и XIX вв., — побудила нас предпринять настоящее исследование, где учитываются результаты предшествующих работ и в то же время делается попытка представить рассматриваемый предмет полнее и шире, чем раньше. В виде особого приложения ниже публикуются материалы предварительных библиографических разысканий.

2

Свое начало европейской оссианизм ведет от 1760 г., когда в столице Шотландии Эдинбурге были анонимно изданы на английском языке «Отрывки старинных стихотворений, собранные в горной Шотландии и переведенные с гэльского или эрзийского языка».[1] Сборник был подготовлен молодым шотландским учителем и начинающим литератором Джеймсом Макферсоном (1736—1796),[2] уроженцем горного края, где он собирал народные песни и легенды на гэльском (кельтском) языке, сохранившиеся в Северной Шотландии до XVIII в. Опубликованные им 15 «отрывков» представляют собою небольшие лиро-эпические фрагменты; в них повествуется о подвигах героев минувших времен, о прекрасных девах, оплакивающих воинов, своих возлюбленных, павших в роковых схватках. События разворачиваются на фоне величавого горного пейзажа. В нескольких отрывках повествование ведется от имени

---

[1] Fragments of Ancient Poetry, Coll. in the Highlands of Scotland, and Transl. from the Galic or Erse Language. Edinburgh, 1760.

[2] См. о нем: *Saunders Bailey*. The Life and Letters of James Macpherson. London, 1894 (имеются переиздания).

lib.pushkinskijdom.ru

престарелого барда Оссиана, сына короля-героя Фингала; его рассказ о былых деяниях проникнут скорбным духом.

Успех «Отрывков», потребовавший в том же 1760 г. второго издания, побудил группу патриотически настроенных шотландских литераторов, главным из которых был профессор риторики Эдинбургского университета Хью Блэр, дать Макферсону средства на путешествие в горную Шотландию и на Гебридские острова для сбора новых песен и, главное, отыскания национальной эпопеи. Результатом поездки явился опубликованный уже в Лондоне и с именем переводчика том под заглавием: «Фингал, древняя эпическая поэма в шести книгах, вместе с несколькими другими поэмами, сочиненными Оссианом, сыном Фингала».[3] Помимо «Фингала» том содержал 16 малых поэм: «Комала», «Сражение с Каросом», «Война Инис-тоны», «Битва при Лоре», «Конлат и Кутона», «Картон», «Смерть Кухулина», «Дар-тула», «Темора», «Каррик-тура», «Песни в Сельме», «Кальтон и Кольмала», «Латмон», «Ойтона», «Крома», «Берратон». Все они были написаны английской ритмизованной прозой и представлены как переводы, притом буквальные, гэльских стихотворных оригиналов.

Новая книга отнюдь не была повторением старой с добавлением новых поэм, как указывается иногда.[4] «Отрывки» не были самостоятельными поэмами. В новом издании три из них вошли в текст «Фингала», восемь — в три малых поэмы, четыре были преданы забвению.

Спустя год Макферсон выпустил следующий том, содержащий эпическую поэму в восьми книгах — «Темору» и 5 малых поэм: «Катлин из Клуты», «Суль-малла из Лумона», «Кат-лода», «Ойна-моруль» и «Кольна-дона».[5] Таким образом, в двух томах содержалось две больших

---

[3] Fingal, an Ancient Epic Poem, in six Books: together with Several Other Poems, Composed by Ossian, the Son of Fingal. Transl. from the Galic Language, by James Macpherson. London, 1762.

[4] См., например, указание Е. В. Балобановой (Поэмы Оссиана Джемса Макферсона, с. 5), перешедшее затем в книгу Д. Н. Введенского (Введенский, с. 5), в «Путеводитель по Пушкину» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. в 6-ти т., т. VI. М.—Л., 1931, с. 228) и другие работы.

[5] Temora, an Ancient Epic Poem, in eight Books: together with Several Other Poems, Composed by Ossian, the Son of Fingal. Transl. from the Galic Language, by James Macpherson. London, 1763.

lib.pushkinskijdom.ru

эпических поэмы Оссиана и 20 малых.[6] Кроме того, в примечаниях и приложениях Макферсон представил еще полтора десятка поэм Оссиана и его подражателей (главным образом в виде отрывков). Обеим книгам были предпосланы «рассуждения» (dissertations) Макферсона об Оссиане, его эпохе, истории поэм. В конце тома «Теморы» помещалось «Критическое рассуждение о поэмах Оссиана» Хью Блэра, незадолго до этого выпущенное отдельным изданием.

В 1765 г. вышли «Творения Оссиана», два тома, повторившие с незначительными изменениями сборники «Фингал» и «Темора».[7] Сам Макферсон в это время уже обратился к политической деятельности и выступал в печати главным образом как политический памфлетист и историк. Его неудачный опыт прозаического перевода «Илиады» в 1773 г., единодушно осужденный критикой, обозначил конец его литературной карьеры. Правда, в том же году Макферсон выпустил «Поэмы Оссиана» — издание с заново отредактированным текстом и перестроенной композицией.[8] Оно было трижды повторено при жизни Макферсона, но сам он уже к Оссиану не возвращался.

Что же представляют из себя эти прозаические поэмы, публиковавшиеся как переводы с гэльского? «Поэмы Оссиана» — это цикл лиро-эпических сказаний с центральным героем Фингалом, королем легендарного древнего государства Морвен, которое, по утверждению Макферсона, располагалось на западном побережье Шотландии. Здесь находился королевский дворец — Сельма. Время жизни Фингала Макферсон относил к III в. Автором поэм объявлялся Оссиан, воин и бард, старший сын Фингала, переживший всех своих соратников и воспевший подвиги былых героев.

---

[6] Во избежание недоразумений поясним, что хотя с «Фингалом» было напечатано 16 малых поэм, а с «Теморой» — 5, общее конечное их число — 20, потому что опубликованная с «Фингалом» малая поэма «Темора» стала затем первой книгой одноименной эпической поэмы.

[7] The Works of Ossian, the Son of Fingal. In two vols. Transl. form the Galic Language, by James Macpherson. The 3rd ed. London, 1765 (ниже ссылки в тексте на том и страницы при цитировании «Поэм Оссиана» Макферсона и «Критического рассуждения» Блэра даются по этому изданию).

[8] The Poems of Ossian. Transl. by James Macpherson, in two vols. A new ed., carefully corr., and greatly impr. London, 1773.

lib.pushkinskijdom.ru

Действие поэм разворачивается в Британии, особенно в Каледонии (древнее название Шотландии) и в Эрине (Ирландия), а также на прилегающих к ним северных островах, и в Лохлине (Скандинавии). Война и любовь — две основные темы. Война составляет главное занятие оссиановских героев, ее дополняет охота. Битвы, погоня за зверями, воинские забавы, пиры неизменно чередуются на протяжении поэм. Войны обычно ведутся либо против чужеземных захватчиков, пришельцев из Лохлина («Фингал»), либо против незаконных узурпаторов престола («Темора»; те же темы варьируются и в малых поэмах). Но когда вожди и ратники выходят на поле боя, практические виды отходят на задний план; основным движущим стимулом становится понятие воинской чести, напоминающее нравственный кодекс средневекового рыцарства. Геройская смерть на поле боя, которую барды увековечат в потомстве, считается высшим благом.

Величественные оссиановские герои соединяют в себе противоречивые качества. Они бесстрашны и могучи, когда сражаются. «Каждый герой — столп мрака, а меч — перун огневой в длани его», — так описывается битва («Фингал» I — т. I, с. 21). Но души их не огрубели в непрерывных войнах. «Будь же в сражении бурей ревущей, — наставляет Фингал своего внука Оскара, — а в дни мира кроток, как солнце вечернее!» («Война Инистоны» — т. I, с. 150). Сам он, повергнув наземь противника, удерживает поднятый меч, тронутый скорбью девы, невесты воина, и слезы выступают на глазах великодушного короля («Каррик-тура» — см.: т. I, с. 283). Грозные его витязи обладают чувствительными, нежными душами, они склонны к печальным медитациям даже в часы веселья.

Под стать героям и их возлюбленные — невесты и жены. Они способны пронзить мечом врага (так, Морна насмерть поражает Духомара — убийцу ее жениха: «Фингал» I), но тоска по милому их убивает. Многочисленные любовные истории в поэмах почти никогда не имеют счастливого конца. Герой обычно гибнет на войне, на охоте, в плавании. Его возлюбленная, если только она не сопровождала его, облачившись в мужские доспехи, и не погибла с ним, умирает от горя. Иногда один из любовников роковым образом является невольной причиной гибели другого и, скорбя, тоже принимает смерть (например, эпизод Комала

lib.pushkinskijdom.ru

и Гальвины: «Фингал» II); иногда влюбленных губит соперник или враг героя, и лишь в редких случаях их любовь венчается счастливым соединением («Кальтон и Кольмала», «Кольна-дона»).

Эти возвышенные герои живут и действуют вне быта. В оссиановских поэмах мы не найдем ни конкретной житейской обстановки, ни описаний материальных предметов, утвари, еды, самого жилища, кроме неопределенных чертогов (halls), где по стенам развешаны столь же неясные доспехи и куда сходятся воины на пиры. Такая оторванность от эмпирической реальности немало способствует тому, что герои предстают как некие идеальные носители высоких этических и эстетических ценностей.

Они собственно и являются вершиной мироздания, ибо высшего существа над ними нет. В отличие от гомеровского эпоса в оссиановских поэмах отсутствуют боги, играющие столь важную роль в событиях «Илиады» и «Одиссеи». Единственное исключение — огромная фигура духа Лоды, которого Макферсон отождествляет со скандинавским Одином. Однако этот смутный призрак бессилен повлиять на земную жизнь, и смертный Фингал, бесстрашно вступивший с ним в единоборство, побеждает его («Каррик-тура»). В сущности этот дух мало отличается от бесплотных теней умерших героев, сквозь которые, когда они пролетают над землей, просвечивают звезды. Тени обитают на облаках, сохраняя те же склонности, какие отличали их при жизни, слетаются на звук арфы барда, воспевающего их подвиги, или являются живым — во сне и наяву, — чтобы возвестить грядущие беды.

Важным новшеством, способствовавшим успеху поэм шотландского барда, был пронизывающий их лиризм. В гомеровском эпосе повествование объективно: рассказчик с эмоциональным отношением к событиям отсутствует. Макферсон же представил своим читателям не просто рассказы о прошлом, но проникнутые личным чувством творения престарелого слепого певца, который сам был некогда победоносным вождем и теперь, вещая о подвигах своих соплеменников — героев ушедших годов, прославляет их и оплакивает и скорбит о собственной горькой участи. Образ Оссиана как бы осеняет поэмы: то он беседует с тенями умерших героев, то обращается к небесным светилам, морям и землям, то размышляет о земной юдоли, то действует сам в описываемых событиях. Когда же он не участ-

lib.pushkinskijdom.ru

вует в сюжетном действии, он все равно присутствует как рассказчик, придающий определенный меланхолический колорит повествованию.

«Как над злачным холмом Лармона проносится луч переменчивый солнца, так в душе моей по ночам сменяются повести прошлого. Когда восвояси расходятся барды, когда повешены арфы в чертоге, тогда Оссиану слышится голос и душу его пробуждает. Это голос ушедших годов, они текут предо мною со всеми своими деяниями. Я ловлю те повести, пролетающие, и в песне их изливаю» (т. II, с. 275). Так начинается поэма «Ойна-моруль». А вот характерный конец «Песен в Сельме»: «Проходите же, мрачные годы, ибо радости вы не несете. Пусть Оссиана примет могила, ибо сила его иссякла. Упокоились уже сыны песен. Мой голос остался как последний порыв ветра, что одиноко стонет на окруженной морем скале, когда все вокруг уже стихло. Темный мох там свистит, и мореход издалека видит колыханье дерев» (т. I, с. 303).

Другое новшество поэм Оссиана, отличавшее их от привычного эпоса, заключалось в своеобразном психологизме. Рассказчик сообщает не только о поступках героев, но и об их чувствах, мыслях, переживаниях, раскрывает их душевный мир. Он приводит речи героев, обращенные к самим себе (подобно репликам «в сторону» в драме), т. е. в сущности их размышления — вещь немыслимая в поэмах Гомера. «Картон, стоя на вересковой скале, увидал, что герой приближается. Было любо ему смотреть на грозную радость лица его и на силу, увенчанную седыми кудрями. „Подниму ли копье свое, — сказал он, — что поражает врага лишь единожды? Или словами мира сохраню я жизнь ратоборца?“» и т. д. («Картон» — т. I, с. 194).

Эмоциональный мир героев обычно согласуется с переживаниями рассказчика, и в поэмах господствует скорбное, меланхолическое настроение. При этом Оссиан и его герои в самих горестях находят некое наслаждение, упиваются своей печалью, испытывают «радость скорби» (joy of grief) — эти слова постоянно встречаются на страницах поэм.[9]

---

[9] Например: «Радость скорби — удел Оссиана среди мрачно-унылых его годов» («Темора», VII — т. II, с. 176); «Скажи вождю, что сын его пал со славой... и да возвысится радость скорби его» («Дар-тула» — т. I, с. 235).

lib.pushkinskijdom.ru

С настроением барда согласуется и окружающая природа. Представленный в поэмах северный горный и морской пейзаж тоже явился поэтическим открытием, ранее неведомым в литературе. Перед читателем высятся окутанные облаками угрюмые горы и холмы, голые или покрытые дубравами и хвойными лесами, прорезанные расселинами, где разносится гулкое эхо и прячутся робкие косули и лани; пенистые ревущие потоки низвергаются с высоты; бурный ветер проносится над бесплодными равнинами, поросшими вереском и чертополохом, и гонит клубы тумана, поднятые с топких болот и озер, окаймленных тростниками; темное море катит белопенные валы на замшелые скалы. И над всем простирается суровое небо, где пролетают мрачные тучи, несущие тени павших героев, и являются небесные светила, одушевленные по воле поэта. Все движется, меняется, но движение однообразно и печально. Особенно часто пейзаж озаряется луной, тусклый свет которой, пробивающийся сквозь волны тумана и смутные края облаков, гармонирует со скорбными думами слепого барда. Сама природа, мнится ему, обречена на конечное умирание. «Падают горные дубы, сами горы с годами рушатся, океан убывает и прибывает, даже месяц теряется в небе», восклицает Оссиан и добавляет, обращаясь к солнцу: «Быть может, и ты, как и я, преходяще, и твоим годам положен предел» («Картон» — т. I, с. 200).

Такова была эта прозаическая поэзия, представленная как перевод. Богатая непривычными образами, она обладала своеобразным стилем. Ритмизованная проза, свободная от жестких границ стихотворного размера и сковывающей рифмовки, таила в себе особую прелесть. У Макферсона нашлись последователи и подражатели, прозванные впоследствии «оссианидами». В 1778 г. в Лондоне вышел в свет анонимный сборник «Творения каледонских бардов, переведенные с гэльского языка».[10] где содержалось несколько прозаических поэм в сентиментальном духе. Впоследствии выяснилось, что сборник выпустил знаток гэльского языка Джон Кларк (ум. 1807). Другой филолог и антиквар Джон Смит (1747—1807) издал в 1780 г. «Гэльские древности» — солидный том, содержавший исто-

[10] The Works of the Caledonian Bards, transl. from the Galic. London, 1778.

lib.pushkinskijdom.ru

рию каледонских друидов, рассуждение о достоверности публикаций Макферсона и английский перевод 14 ранее неизвестных поэм Оссиана и других бардов.[11] Наконец, в 1787 г. барон Эдмунд де Гарольд, ирландский офицер на службе у курфюрста Пфальца, издал в Дюссельдорфе на английском и немецком языках 17 «новонайденных» поэм Оссиана.[12]

Огромный успех эпических поэм, обнародованных Макферсоном, объясняется тем, что они отвечали преромантическим тенденциям в европейских литературах. Героями поэм были люди «естественные», свободные от развращающей цивилизации; им-то, считалось, присуще подлинное благородство, героизм и природная чувствительность неиспорченных сердец. Созвучен новым настроениям был и «романтический» северный пейзаж и лирический характер повествования. Пресловутая «радость скорби» вполне соответствовала модному философско-эстетическому понятию «возвышенного» (sublime), которое было сформулировано в Англии в середине XVIII в., а затем распространилось в Европе.[13] «Возвышенное» противопоставлялось «прекрасному» (beautiful), его источником объявлялось все, что ужасно или воздействует подобно ужасу на душу, вызывая сильнейшее волнение и своеобразный восторг, связанный с представлением о величии. Такая эмоция называлась «восхищением» (delight) в отличие от «наслаждения» (pleasure), которое вызывается созерцанием «прекрасного». «Поэмы Оссиана» при первом же своем появлении были объявлены источником «возвышенного». Блэр писал в «Критическом рассуждении»: «Две отличительные особенности поэзии Оссиана — это чувствительность и возвышенность. В ней нет ни малейшего проблеска веселья или радости; она целиком проникнута духом торжественной важности. Оссиан... запечатлевает только величавые и мрачные события, окружающая обстановка у него всегда дика и романтична» (т. II, с. 348—349).

---

[11] *Smith John.* Galic Antiquities: Consisting of a History of the Druids, particularly of those of Caledonia; A Dissertation on the Authenticity of the Poems of Ossian; and a Collection of Ancient Poems, transl. from the Galic of Ullin, Ossian, Orran. etc. Edinburgh. 1780.

[12] Poems of Ossian Lately Discovered, by Edmond Baron de Harold. Düsseldorf, 1787; Neu-entdeckte Gedichte Ossians, übers. von Edmund Freiherrn von Harold. Düsseldorf, 1787.

[13] См.: *Monk S. H.* The Sublime: A Study of Critical Theories in XVIII-Century England. New York, 1935.

lib.pushkinskijdom.ru

Помимо общих черт, объединявших их с поэзией сентиментализма (культ чувства, меланхолия, пристрастие к скорбным ночным пейзажам и т. д.), поэмы Оссиана обладали весьма существенной особенностью, привлекательной в глазах литераторов-преромантиков. В европейских литературах (в том числе и в русской) в противовес космополитическому классицизму возникает интерес к национальному прошлому, к поэтическому творчеству своего народа. «Поэмы Оссиана» Макферсона и создания «оссианидов» были вдохновлены этим преромантическим фольклоризмом и одновременно способствовали его развитию. Их национальный колорит, демонстративно народный характер внушали мысль, что каждый народ некогда имел героическую поэзию, не уступающую греческой. Шотландский бард был объявлен «Гомером Севера», и это приравнивало его к творцу «Илиады» по величию и противопоставляло по национальному духу и стилю. На Оссиана опирался крупнейший теоретик народной поэзии XVIII в. И. Г. Гердер, доказывавший в статье «Извлечения из переписки об Оссиане и песнях древних народов» (1771), что способность к поэтическому творчеству присуща всем народам.

Немаловажную роль в европейской судьбе Оссиана сыграл и одушевлявший Макферсона патриотический пафос. Англо-шотландская уния 1707 г. унижала Шотландию, ставила ее в зависимое положение: английское господство особенно усилилось после разгрома шотландского восстания 1745 г. в поддержку претендента на королевский престол, потомка шотландской династии Стюартов (Макферсон ребенком наблюдал это восстание). В таких условиях публикация поэм, воспевавших героическое прошлое шотландского народа, приобретала определенный идейный смысл. И оссиановские поэмы стали образцом при создании патриотической поэзии в других странах.

Известна полемика по поводу подлинности поэм Оссиана, возникшая после первых же публикаций Макферсона. Ирландцы заявили, что он незаконно превратил героев ирландского эпоса Финна мак Кумхала и его сына Ойсина в каледонцев (т. е. в древних шотландцев) и придумал мифическое шотландское королевство Морвен. А английские критики с Сэмюэлем Джонсоном во главе утверждали, что пресловутые древние поэмы — не что иное, как вымысел самого Макферсона, и никаких гэльских

lib.pushkinskijdom.ru

подлинников его «переводов» не существует. Здесь нет необходимости подробно останавливаться на этой «оссиановской полемике» (Ossianic controversy), которая растянулась более чем на столетие,[14] и мы ограничимся лишь кратким итоговым выводом.[15] Макферсон действительно был знаком с гэльской эпической традицией (которая в его время сохранялась и в Ирландии, и в горной Шотландии), в частности с балладами и сагами двух ее циклов — кухулинского и фенианского. На эти фольклорные материалы он опирался, когда создавал свои большие и малые поэмы Оссиана. Он как бы держал их в голове, но независимо от того, насколько близко следовал своему источнику (здесь диапазон достаточно велик — от довольно верных переводов до самостоятельных сочинений, которые преобладали), писал он в соответствии с собственной поэтической системой, созданной, правда, с ориентацией на стиль гэльских баллад, но еще более приспособленной к требованиям преромантической эстетики XVIII в.

Оссиановская полемика была известна и на европейском континенте, но те шотландские, английские и ирландские националистические пристрастия и противоречия, которые подогревали ее, мало кого волновали вне Британских островов. Зато в Европе находили живой отклик особенности поэзии Оссиана—Макферсона, отвечавшие новым идейно-эстетическим тенденциям. Можно даже считать, что для некоторых европейских литератур, в частности французской и немецкой, Оссиан имел, пожалуй, большее значение, чем для английской.[16] А посредничество этих литератур, как мы уже говорили, играло важную роль в становлении русского оссианизма.

[14] См.: *Smart J. S.* James Macpherson. An Episode in Literature. London, 1905; *Stern L. Ch.* Die ossianischen Heldenlieder. — Z. für vergleichende Litteraturgeschichte. N. F., Bd VIII. Weimar, 1895, S. 51—86, 143—174. См. библиографию: *Black G. F.* Macpherson's Ossian and the Ossianic Controversy. A Contribution towards a Bibliography, pt. 2. — Bull. of the New York Public Library, 1926, vol. XXX, No. 7, p. 508—524; *Dunn J. J.* Macpherson's Ossian and the Ossianic Controversy: A Supplementary Bibliography. — Ibid., 1971, vol. LXXV, No. 9, p. 465—473.

[15] Итоговый характер носит исследование: *Thomson D. S.* The Gaelic Sources of Macpherson's «Ossian». Edinburgh—London, [1952].

[16] *Van Tieghem P.* Ossian en France, t. I, II. Paris, 1917; *Tombo R.* Ossian in Germany. Bibliography, General Survey, Ossian's Influence upon Klopstock and the Bards. New York, 1901; *Horstmeyer R.* Die deutschen Ossianüberstetzungen des XVIII. Jahrhunderts. Greifswald, 1926.

lib.pushkinskijdom.ru

3

По представлениям Макферсона, Россия имела некоторое, хотя и косвенное, отношение к оссиановской поэзии. В предпосланном «Фингалу» «Рассуждении относительно эпохи Оссиана» он утверждал, что владения кельтов, некогда господствовавших в Европе, простирались на восток до устья реки Обь (Oby) в России (см.: т. I, с. II). Поэтому, если до него дошли сведения, что слава его Оссиана достигла этой далекой от Шотландии страны, что его поэмы переводятся на русский язык, он, вероятно, счел это вполне естественным. А такие сведения он мог получить: творения шотландского барда обрели известность в России еще при жизни Макферсона.

Долгое время считалось, что впервые Оссиан на русском языке стал известен лишь в 1788 г. после выхода в свет книжки «Поэмы древних бардов» (*5*). Но в 1928 г. В. И. Маслов установил, что рассуждения об Оссиане и отрывки его поэм содержались уже в первом русском переводе «Вертера» Гете (1781; см.: *2*, *4*).[1] А сравнительно недавно было обнаружено, что Фингал упоминался в русской печати еще в 1768 г.[2] Упоминание содержалось в «Слове о происшествии и учреждении университетов в Эвропе на государственных иждивениях», которое произнес 22 апреля 1768 г. правовед И. А. Третьяков. Говоря, в частности, о значении истории, оратор указывал на народные ее корни, ибо она «от предания свое ведет начало; тому неоспоримым доказательством суть выходящие в свете остатки такого древнего предания, которого и язык уже немногим известен». При опубликовании речи к этому месту было добавлено примечание: «В Англии недавно вышла книга, в которой содержится предание некоторого предревнего героя Фингала (Fingal's Epic Poem); сказывают, что сие предание продолжалось от рода в род чрез множество веков. И наконец один британец, которому галлической язык природный, собрав оное от читающих изустно на подлиннике стихами, перевел прозою на аглицкой язык» (*1*).

---

[1] См.: *Маслов В. И.* К вопросу о первых русских переводах поэм Оссиана — Макферсона, с. 194—196.

[2] См.: *Dukes P.* Ossian and Russia. — Scottish Literary News, 1973, vol, III, № 3, p. 18.

lib.pushkinskijdom.ru

Иван Андреевич Третьяков (1735—1776)[3] принадлежал к передовым мыслителям своего времени. Выпускник Тверской духовной семинарии, он в 1761 г. поступил в Московский университет, откуда вместе с Семеном Ефимовичем Десницким (ум. 1789),[4] тоже будущим правоведом, был направлен в Великобританию, в один из лучших университетов того времени — в Глазго — для обучения математике. Однако их больше привлекали гуманитарные науки, особенно юриспруденция, и в 1767 г., защитив диссертации, оба получили степень доктора права. Конечно, они не могли не знать о «предании Фингала», которое именно в годы их пребывания в Шотландии было у всех на устах, вызывало восторги и споры. В донесении канцелярии Московского университета в Сенат от 1 июня 1766 г. среди занятий Третьякова и Десницкого в Глазго отмечалось и «чтение аглинских избранных пиит»,[5] и трудно допустить, чтобы в такое время и в таком месте Оссиан Макферсона не входил в число этих «пиит».

И все же, как ни замечательно это сообщение о «Фингале», появившееся в русской печати всего лишь через шесть лет после опубликования поэмы Макферсоном,[6] в истории русского оссианизма оно — лишь любопытный факт, не более. Едва ли слушатели или читатели «Слова» могли составить какое-либо представление о поэзии Оссиана, тем более что имя шотландского барда не было даже названо, а в «предании Фингала» подчеркивался его исторический аспект.

К тому же русская литература 1760-х гг., в которой господствовал классицизм просветительского толка с его рационализмом, убежденностью, что в основе своей действительность разумна, а конечное торжество разума неизбежно,

---

[3] См. о нем: *Бак И. С.* Общественно-экономические воззрения И. А. Третьякова. — Вопросы истории, 1954, № 9, с. 104—113.

[4] См. о нем: *Покровский С. А.* Политические и правовые взгляды С. Е. Десницкого. М., 1955.

[5] Ист. архив, 1956, № 2, с. 172.

[6] Не совсем ясно, кто написал примечание о «Фингале», поскольку текст самой речи принадлежит, возможно, Десницкому. В библиотеке университета Глазго хранится экземпляр «Слова...» с надписью предположительно Десницкого о том, что оно только «говоренное» Третьяковым (ср. *1*), а сочинено автором надписи (см.: *Браун А.* С. Е. Десницкий и И. А. Третьяков в Глазговском университете (1761—1768). — Вестн. Моск. ун-та. Сер. IX. История, 1969, № 4, с. 84—85).

lib.pushkinskijdom.ru

эта литература еще не была готова к восприятию оссиановской поэзии. Оссиан начал проникать в нее позднее, в русле сентименталистских и преромантических веяний, которые смогли получить распространение лишь тогда, когда в стране создалась соответствующая идеологическая обстановка. Перелом, как известно, в России начался в 1770-е гг. Устои дворянского мировоззрения были поколеблены социальными потрясениями, центральным событием которых была грандиозная крестьянская война 1773—1775 гг., возглавленная Пугачевым. В передовых кругах русского образованного общества рушилась вера в рациональность социального устройства и мирового порядка вообще, возникало разочарование в идеале просвещенного абсолютизма. Неприятие действительности, екатерининско-потемкинской деспотии приводило людей, которые не могли или не хотели с нею бороться, к попытке уйти от социальной жизни в природу, в мечту, в мир субъективных эмоций. Так создавалась идейная почва для русского сентиментализма.[7]

В поисках противодействия классицизму и рационализму, утратившим былой авторитет, основоположники русского сентиментализма обращались главным образом к английской и немецкой литературам. С середины 1770-х гг. в России начинается увлечение английской сентименталистской и преромантической поэзией.[8] Сперва становятся известны поэмы Эдуарда Юнга, позднее — Джеймса Томсона, а затем — и Оссиана. По-видимому, в некоторых кругах просвещенного дворянства, в частности связанного с масонством, был сразу же замечен первый полный французский перевод поэм Оссиана, выполненный Пьером Летурнером и опубликованный в 1777 г. Примечательное свидетельство содержится в письме М. Н. Муравьева к отцу от 15 августа того же года, где он сообщал из Петербурга, что встретил на обеде у М. М. Хераскова княжну Е. С. Урусову, которая «хочет переводить в наш журнал небольшие отрывки поэм, переведенных на французский с древнего галлического языка в Шотландии».[9] «Наш

---

[7] См.: *Гуковский Г. А.* У истоков русского сентиментализма. — В кн.: *Гуковский Г. А.* Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л., 1938, с. 237—246.

[8] См. нашу статью «Английская поэзия и литература русского сентиментализма» (в кн.: От классицизма к романтизму. Л., 1970).

[9] Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980, с. 273—274.

lib.pushkinskijdom.ru

журнал» — это, очевидно, масонский «Утренний свет», издававшийся Н. И. Новиковым в 1777—1780 гг.; М. Н. Муравьев и М. М. Херасков были его ближайшими сотрудниками. «Галлические» поэмы здесь так и не появились, зато систематически печатались «Юнговы нощи» в переводе А. М. Кутузова.

В сознании многих русских литераторов конца XVIII в. Оссиан объединялся с поэтами-сентименталистами. В программном стихотворении Н. М. Карамзина «Поэзия» (1787), где объявлялось, что «Британия есть мать поэтов величайших», Оссиан, Юнг и Томсон (с добавлением Шекспира и Мильтона) соседствовали рядом (*20*). А несколько лет спустя писатель совсем иного общественного положения — крепостной интеллигент, отданный в солдаты за попытку бегства, Николай Смирнов, — излагая характерную для сентиментализма мечту об уединенном существовании, писал: «Я отрекся бы от общества, врага истинных утех, и ожидал бы спокойно в пещере сей конца жизни, меня удручающей. Собеседники мои здесь были бы Оссиан, Юнг, Томсон, Геснер и Линней... Грусть и уныние были бы дражайшими моими подругами, и скоро бы смерть примирила меня со щастием» (*26*).

Истолкованный в сентименталистском духе меланхолический Оссиан особенно часто сочетался с «певцом могил» Юнгом. В стихотворении «Сила гения» (1797) М. Н. Муравьев писал, что «воспитанник» гения (т. е. носитель божественного вдохновения)

Услышит *Духа бурь* во песнях Оссиана
Иль с Юнгом, может быть,
Он будет слезы лить.

(*38*)

А писатель-сентименталист П. Ю. Львов (1770—1825) признавался: «Часто бывает, что луна... застает меня еще недремлющим, еще беседующим с Оссианом, Юнгом или Гервеем» (*55*, с. 68).[10]

Как отмечалось выше, первое упоминание имени Оссиана и самый ранний перевод его поэм появились в русской печати благодаря переводу романа Гете «Die Leiden des jungen Werther» (1774), вышедшему в свет под заглавием

[10] Гервей (точнее Харви — Harvey) Джеймс (1714—1758) — английский писатель, автор прозаических «Размышлений среди могил» (1748).

lib.pushkinskijdom.ru

«Страсти молодого Вертера» через семь лет после оригинала. Русский читатель встречал здесь такое признание героя: «Оссиан занимает в моем сердце место Омира. Что за свет, в коем сей славный муж меня водит! Я скитаюсь по степям, обуреваем вихрем и окружен туманом, изъявляющим тени наших предков при слабом сиянии луны; слышу с высоты гор среди ревущих ключей жалостный стон духов, исходящий из мрачных пещер, и горестный вопль юной девицы, терзающейся смертельно у камня, обростшего уже мхом, на могиле возлюбленного ее воина! Встречаюсь иногда с сим почтенным сединою стариком, который странствует по полям и ищет следов своих предшественников, но увы! он находит только их гробы! Тогда, возрыдав горько, взирает он на ночное светило, погружающееся в волнах свирепствующего моря, и времена прошедшие живо начертаваются в душе сего героя» и т. д. (*4*).[11]

В словах своего героя Гете сумел передать и образную систему и эмоционально-нравственный пафос оссианизма. И как бы ни был несовершенен перевод Ф. Галченкова, русские читатели могли уже составить некоторое представление о поэзии Оссиана. Однако, дойдя до «Песен в Сельме», которые Вертер читает Шарлотте почти пол-

---

[11] См. об этом переводе: *Жирмунский В.* Гете в русской литературе. Л., 1937, с. 46—50. Попутно заметим, что роман Гете вызвал появление анонимных «Писем Шарлотты», изданных в 1786 г. по-английски в Лондоне и по-французски в Париже. Авторство приписывается некоему Вильяму Джеймсу (см.: Katalog der Sammlung Kippenberg, Bd 1. Leipzig, 1928, S. 284, No. 3327). С французского издания (Lettres de Charlotte à Caroline son amie, pendant sa liason avec Werther) был сделан русский перевод, вышедший отдельно в 1792 г., а затем присоединявшийся к «Страстям молодого Вертера» (см. *16*). В письме XLII Шарлотта рассказывает, что в споре с Вертером ее муж Алберт, не разделяющий поэтических увлечений друга, называет поэмы Оссиана «некоторым собранием северных балладов, не имеющих правил епопеи, в котором все достоинство состоит в нескольких романических картинах, которые тем только могут нравиться, коих воображение любит слишком далеко залетать». Шарлотта же признается, что очень любит «многие места из Оссиана», но однообразные «изображения» и «беспрерывные напряжения к высокому... утруждают дух». «Оссиан, — продолжает она, — подобен угрожающей каменной горе, повешенной над колеблющимся лесом; со всех сторон видны одни только пенящиеся волны, мрачные пещеры и ужасные стремнины» (*16*, с. 119—120). Таким образом, «Письма» содержали и возражения на восторги Вертера с точки зрения классика и умеренного сентименталиста.

lib.pushkinskijdom.ru

ностью, переводчик, видимо, убоявшись трудностей, перевел лишь самый конец, чем вызвал упрек рецензента «Санктпетербургского вестника» (возможно, это был сам издатель журнала Г. Л. Брайко), который даже привел собственный перевод начала «Песен в Сельме» (*3*).

Упрек этот знаменателен: он показывает, что в 1781 г. в России уже существовал определенный (хотя, вероятно, еще узкий) круг читателей, которые интересовались Оссианом и знакомились с ним, пусть не прямо, а через «Вертера» или через французские и немецкие переводы. К их числу относился и Е. И. Костров: в его оде 1782 г. обнаруживается заимствование из Оссиана (см. ниже). Были и такие русские читатели, правда, немногие, которые могли читать оригинальный текст Макферсона. Так, английским языком владел молодой Карамзин, и в середине 80-х гг. он и его друг А. А. Петров «нередко за Оссианом, Шекспиром, Боннетом просиживали половину зимних ночей» (*25*). А летом 1789 г., находясь в Лейпциге, Карамзин «купил себе на дорогу Оссианова Фингала»[12] и через пару дней, уже в Веймаре, «сев на мшистом камне, прочитал... первую книгу Фингала» (*19*, ч. III, с. 56, 68).

И в дальнейшем русские литераторы не раз знакомились с Оссианом и по английскому тексту, и особенно по западноевропейским переводам. В июне 1803 г. Александр Тургенев, находясь в Геттингене, доставал для брата Андрея, по его просьбе, какой-то из немецких переводов.[13] По немецкому переводу Михаэля Дениса с Оссианом знакомился в 1806 г. С. П. Жихарев.[14] К. Н. Батюшков в письме 1808 г. из Финляндии просил Н. И. Гнедича достать ему Оссиана в итальянском переводе аббата Чезаротти.[15] Тот же перевод читал А. С. Шишков.[16] Это происходило в начале XIX в., когда существовал уже русский перевод Оссиана, но он, видимо, удовлетворял не всех.

---

[12] По-видимому, Карамзин приобрел дешевое немецкое переиздание английского текста: Fingal, an Epic Poem in Six Books, Taken from Ossian's Works. Gottingue, 1788.

[13] См.: *Тургенев А. И.* Письма и дневник геттингенского периода (1802—1804 гг.). СПб., 1911, с. 90 (Архив братьев Тургеневых, вып. 2).

[14] См.: *Жихарев С. П.* Записки современника. М.—Л., 1955, с. 287.

[15] См.: *Батюшков К. Н.* Соч., т. III. СПб., 1886, с. 24.

[16] См.: ГПБ, ф. 862, № 3, с. 75—99; № 4, с. 108—113.

lib.pushkinskijdom.ru

4

В конце 1780—начале 1790-х гг. несколько русских литераторов, уже знакомых с поэзией Оссиана, начали независимо друг от друга приобщать к его поэтическому миру своих соотечественников. В 1788 г. Александр Иванович Дмитриев (1759—1798), брат поэта И. И. Дмитриева и друг Н. М. Карамзина, известный своими переводами с французского,[1] перевел с этого языка фрагменты поэм Оссиана, составившие сборник «Поэмы древних бардов» (*5*).

Начало было положено, и в 1791 г. Карамзин опубликовал в своем «Московском журнале» переводы «Картона» (*7*) и «Сельмских песен» (*8*). В следующем году сентименталист В. С. Подшивалов (1765—1813) перевел «Дартулу» (*13*), переводчик И. С. Захаров (1754—1816) — ту же поэму (*14*) и «Ойну-Моруль» (*15*). И тогда же вышло двухтомное издание поэм Оссиана в переводе Е. И. Кострова (*12*). Здесь творения шотландского барда были уже представлены в полном объеме.

Карамзин и, возможно, Подшивалов переводили с английского, остальные, за незнанием английского языка, обращались к французским переводам, в которых Оссиан уже подвергся обработке под определенным углом зрения, ибо во Франции господство эстетики классицизма было несравненно более прочным, чем в Англии или Германии, и новые тенденции утверждались с трудом.[2] После опубликования английского «Фингала» некоторые критики здесь заявили, что французский перевод Оссиана был бы невыполним, а в 1770 г. сам Вольтер критиковал и пародировал оссианический стиль. Поэтому французские переводчики искали некоего среднего пути, чтобы примирить новое литературное явление, вызвавшее широкий интерес, с общепринятым вкусом.

А. И. Дмитриев воспользовался французским сборником «Избранные эрзийские сказки и стихотворения», где

---

[1] См. о нем: *Державин*. Соч. с объяснит. примеч. Я. Грота, т. I. СПб., 1864, с. 800—801.

[2] Подробнее об этом см.: *Заборов П. Р.* «Литература-посредник» в истории русско-западных литературных связей XVIII—XIX вв. — В кн.: Международные связи русской литературы. М.—Л., 1963, с. 71—81.

lib.pushkinskijdom.ru

помещались четырнадцать переводов из Оссиана.[3] Анонимный переводчик,[4] оставя в стороне «Фингала» и «Темору», обратился к малым поэмам, с которыми поступал весьма вольно: то перелагал целые поэмы, то делал из них извлечения или брал отрывки, то соединял фрагменты разных поэм, уделяя особое внимание лирическим пассажам. В результате получились изящные печальные рассказы, исполненные чувствительности, действие которых разворачивалось на фоне поэтического пейзажа горной Шотландии. Они значительно отдалились от текста Макферсона, но зато приблизились к господствующему вкусу.

А. И. Дмитриев перевел десять этих прозаических элегий (см. 5). Непереведенными остались более пространные повествовательные произведения («Oithona», «Calthon et Colmal», «Lathmon»); видно, русского переводчика больше привлекали лирические медитации, нежели рассказы о событиях. Мы не знаем, как приняли его сборник читатели. Вероятно, резонанс не был слишком велик; недаром сборник не переиздавался. Основная заслуга в распространении известности и славы Оссиана в России выпала на долю Кострова.

В истории русской литературы Ермил Иванович Костров (ок. 1750—1796) — весьма симптоматическая фигура. Как писал Г. А. Гуковский, «он чрезвычайно чутко и быстро реагировал творчески на новые явления искусства, отчетливо улавливал художественные веяния времени и в краткий срок — менее одного десятилетия — совершил эволюцию, последовательно отразившую основные этапы развития русской литературной культуры второй половины XVIII в.».[5] Этапами творческого пути Кострова были барочные «похвальные» оды в стиле Ломоносова, затем классический перевод «Илиады» александрийским стихом и, наконец, преромантический Оссиан, к которому, возможно, привлек его внимание «Вертер», его «одно из любимых

---

[3] Choix de contes et de poésies erses, trad. de l'anglois, pt. II. Amsterdam—Paris. 1772, p. 5—90.

[4] Перевод приписывался П. Летурнеру (см.: *Cushing M. G.* Pierre Le Tourneur. New York, 1908, p. 90—92), но эта атрибуция вызывала возражения (см.: *Van Tieghem P.* Ossian en France, t. I. Paris, 1917, p. 248).

[5] *Гуковский Г. А.* Костров. — В кн.: История русской литературы, т. IV. М.—Л., 1947, с. 462.

lib.pushkinskijdom.ru

чтений».[6] Во всяком случае, Костров знал поэмы Оссиана уже в начале 80-х гг. В «Оде Екатерине II на открытие губернии в столичном граде Москве» (1782) в описании заходящего солнца содержатся те же образы и выражения, которые впоследствии появятся в его переводе «Карриктуры»:

Но запада отверзлись двери...
. . . . . .
Почил, и любопытны волны
Приблизиться к тебе спешат,
Да, радости и страха полны,
На красоту твою воззрят:
Трепещущи главы подъемлют...
. . . . . .
Благоговея вспять текут.[7]

Запад отверз тебе врата свои...
Волны Океана приближаются,
чтоб взирать на твою красоту:
они подъемлют свои трепещущие
главы и... убегают вспять с
благоговением (*12*, т. I, с. 257).

Костров переводил Оссиана с французского перевода Летурнера. Едва ли у него были какие-либо особые соображения для этого. Просто этот перевод был тогда единственным полным на том из западных языков, которым Костров владел.

Пьер Летурнер (Letourneur, 1736—1788) был, пожалуй, наиболее ревностным пропагандистом английской литературы во Франции XVIII в. Он переводил поэмы Юнга, «Размышления среди могил» Джеймса Харви, а в середине 1770-х гг. принялся за основной труд своей жизни — перевод Шекспира. В 1777 г. он выпустил двухтомное издание «Оссиан, сын Фингала, бард III века. Гальские стихотворения», куда вошли обе эпопеи, все двадцать малых поэм, а также извлеченные из примечаний и приложений в издании 1765 г. и представленные в виде отдельных поэм: «Минвана», «Описание октябрьской ночи в северной Шотландии» и «Смерть Оскара и Дермида». Заключая обширное введение, Летурнер бегло коснулся своих переводческих принципов. Оссиан, указывал он, «пел для народа, не видевшего вокруг ничего, кроме картин природы», из которых он «без конца заимствовал свои образы и сравнения... Мы же сильно урезали эти сравнения, поскольку повторение их утомляет, но мы знаем, что их осталось еще

---

[6] *Вяземский*. Выдержки из записной книжки.—Моск. телеграф, 1827, ч. XIV, № 6, отд. II, с. 94.

[7] *Костров*. Соч. СПб., 1849, с. 73—74. — На это заимствование из Оссиана указал еще А. Д. Галахов (см.: Отеч. зап., 1851, ч. LXXIX, № 11, отд. V, с. 28—29). Ср.: Введенский, с. 8.

lib.pushkinskijdom.ru

слишком много для всякого читателя, который захотел бы, чтобы горы Шотландии непременно походили на цветущий холм Франции, а век Оссиана — на век г-на де Вольтера».[8]

Перевод, таким образом, был компромиссным: Летурнер «улучшал» свой текст согласно принятому литературному вкусу. Он разрушал ритм английского оригинала, образуемый краткими, отрывистыми предложениями, сглаживал живописность описаний, сокращал многочисленные у Макферсона эпитеты и сравнения из мира природы, заменял простые предложения торжественными перифразами и т. п. И в то же время он старался в умеренных дозах передавать особенности оссиановского стиля. Но как раз эта компромиссность и обеспечила переводу успех, способствовала распространению славы Оссиана не только во Франции, но и за ее пределами — в странах, где французский язык был распространен в образованном обществе (в Испании, Польше, России).

Костров перевел летурнеровского Оссиана полностью, исключив лишь «Описание октябрьской ночи...», которое приписывалось подражателю Оссиана, отделенному от него тысячей лет. Следуя точно за французским текстом в передаче вербального содержания поэм, русский писатель в то же время стремился придать «гальским стихотворениям» эпическую возвышенность за счет широкого употребления архаических славянизмов. Приведем для наглядности несколько параллельных примеров из английского текста Макферсона и переводов: французского — Летурнера и русских — Карамзина и Кострова.

«Песни в Сельме»

Макферсон: «Star of the descending night! fair is thy light in the west! thou liftest thy unshorn head from thy cloud: thy steps are stately on thy hill. What dost thou behold in the plain?» (vol. I, p. 291).

Летурнер: «Étoile, compagne de la nuit, dont la tête sort brillante des nuages du couchant, et qui imprimes tes pas majestueux sur l'azur du firmament, que regardes-tu dans la plaine?» (t. I, p. 201—202).

---

[8] Ossian, fils de Fingal, barde du troisième siècle. Poésies galliques, trad. sur l'anglais de M. Macpherson, par Le Tourneur. Nouv. éd., t. I. Paris, an VII [1799], p. LXII. Ниже ссылки на это издание даются в тексте.

lib.pushkinskijdom.ru

ОССІАНЪ,
СЫНЪ ФИНГАЛОВЪ,
БАРДЪ ТРЕТЬЯГО ВѢКА:
ГАЛЬСКІЯ (*) СТИХОТВОРЕНІЯ.

Переведены съ Французскаго

Е. Костровымъ.

Часть Первая.

(*) Иначе Эрскія, или Ирландскія.

МОСКВА,
ВЪ Университетской Типографіи
у В. Окорокова.
1792.

«Оссиан. Гальские стихотворения», перевод Е. Кострова
Титульный лист (М., 1792)

lib.pushkinskijdom.ru

Карамзин: «Звезда ниспускающейся ночи! прекрасен свет твой на западе. Ты подъемлешь из облака блистающую главу свою; шествуешь величественно по холму. Что видишь ты в долине?» (*8*, с. 134).

Костров: «Вечерняя звезда, любезная подруга ночи, возвышающая блистательное чело свое из облаков запада и шествующая величественными стопами по лазори небесной! что привлекает взор твой на долине?» (*12*, ч. I, с. 281).[9]

«Картон»

Макферсон: «They fought like two contending winds, that strive to roll the wave. Carthon bade his spear to err; for he still thought that the foe was the spouse of Moina» (vol. I, p. 195).

Летурнер: «Les deux héros combattirent. Carthon défendait à sa lance de blesser le vieillard: toujours il croit voir dans son ennemi l'époux de Moïna» (t. II, p. 14).

Карамзин: «Они бились, подобно двум борющимся ветрам, вдруг стремящимся волновать море. Картон уклонял копие свое, помышляя о супруге Моинином» (*7*, с. 139).

Костров: «Они сражаются. Картон воспящал копию своему поражать старца: всегда мнил он видеть в сопостате своем супруга Моины» (*12*, ч. II, с. 17).

Макферсон: «The fox looked out, from the windows, the rank grass of the wall waved round his head» (vol. I, p. 186).

Летурнер: «Les animaux sauvages habitaient la demeure de l'homme; leurs têtes se montraient au milieu des ruines et de l'herbe épaisse dont elles étaient couvertes» (t. II, p. 6—7).

Карамзин: «Лисица выглядывала из окон; дикая трава стен вокруг головы ее колебалась» (*7*, с. 127).

Костров: «Пустынные звери обитают в жилище человеков; они выглядывают из среды развалин; вокруг голов их развеваются дикие травы» (*12*, с. II, с. 9).

---

[9] А. С. Шишков, сличавший переводы Карамзина и Кострова (без оригинала), писал по поводу этого места: «Мечтание же, будто она (звезда, — *Ю. Л.*) *шествует по лазори небесной*, принадлежит больше нынешнему стихотворцу, рассуждающему о течении звезд. Но воображение, что она *шествует по холму*, есть совсем не естественное» (ГПБ, ф. 862, № 3, с. 78—79).

lib.pushkinskijdom.ru

Макферсон: «Who comes so dark from ocean's roar, like autumn's shadowy cloud? Death is trembling in his hand! his eyes are flames of fire!» (vol. I, p. 199).

Летурнер: «Quel est ce sombre guerrier qui sort des vagues mugissantes de l'Océan? La mort est dans sa main, ses yeux lancent la flamme» (t. II, p. 18).

Карамзин: «Кто идет так страшно от шумного моря? Подобен он облаку осени мрачной. Трепещет смерть в его руке; как огнь, как пламя взор его!» (*7*, с. 144).

Костров: «Кто сей страшный ратоборец, текущий от шумящих волн Океана, как мрачный облак? В деснице его смерть, взор его как ярый пламень» (*12*, ч. II, с. 20).

Летурнер, как мы видим, переводя, усиливал торжественную риторику. В обращении к звезде он объединил пять предложений (резкая обособленность предложений — характерная черта стиля Макферсона) в одно и при этом заменил эпитет к «голове» unshorn (лохматая) на brillante (блистательная). В описании единоборства героев он исключил сравнение их с ветрами. Вместо конкретной лисицы, которую он, видимо, счел вульгарной, у него появляются неопределенные «дикие звери» и т. п.

Карамзин переводил близко к оригиналу. Он, правда, тоже убоялся «лохматой» головы, сделав ее «блистающей», но в остальном старался быть точным. Примечательна явственно обнаруживаемая в последнем примере (отрывок из песни бардов) попытка Карамзина вслед за Макферсоном ритмизовать свою прозу. Заметна у него и некоторая склонность к стилистической возвышенности, отсюда в его переводе «глава», «подъемлешь», «шествуешь», «огнь».

Но то, что у Карамзина было весьма скромной тенденцией, у Кострова приобретало характер стилистической доминанты. Торжественные речения, архаические славянизмы составляют основу его лексики. Только в приведенных примерах мы находим «блистательное чело», «лазорь небесную», «воспящал», «сопостат», «сей страшный ратоборец», «ярый пламень». На страницах перевода постоянно встречаются: бранноносец, дщерь, чадо, власы, рамена, перси, глас, криле, древо, елень, ловитва, пагуба, синета (синева), воззреть, вострепетать, течь (идти), простираться (двигаться вперед), изъязвить (ранить), почто, зане, паки, сей, оный и т. п. Такое обилие архаизмов и церковнославянизмов в лексике Кострова в какой-то мере можно отнести

lib.pushkinskijdom.ru

за счет его обучения в Московской славено-греко-латинской академии.[10] Однако бо́льшую роль здесь, видимо, играло сознательное стремление к «высокому штилю», как его в свое время определил Ломоносов. Там, где у Карамзина «прийти», у Кострова «низойти», где «сказать», «ответить» — «вещать» и «рещи», где «дочь» — «дщерь», где «рука» — «десница», где «добыча ловли» — «корысти ловитвы» и т. д.

С первых же строк повествование велось в величаво торжественном тоне: «Бесстрашный Кушуллин сидел пред вратами Туры при корени шумящего ветвиями древа. Его копие стояло, уклонясь к твердому и мхом покрытому камени. Его щит покоился близ его на злачном дерне... Как вдруг Моран, посланный бодрствовать над Океаном, возвращаясь, возвещает ему о успехе своих недремлющих очей. „Восстани, Кушуллин, восстани, — рек юный ратник: — я зрел корабли Свараповы. Кушуллин! сопостаты многочисленны: мрачное море стремит на брег сонмы героев“», и т. д. (*12*, ч. I, с. 78). Так начинается «Фингал».

Несомненно, что эта стилистическая приподнятость служила уже созданию не классического, но романтического колорита, передаче сумрачного настроения «песен» Оссиана, их эмоциональной напряженности. И она немало способствовала успеху перевода Кострова. А. В. Суворов, которому Костров посвятил свой труд, в стихотворном послании 1795 г. особенно подчеркнул стиль переводчика:

Виргилий и Гомер, о! естьли бы восстали,
Для превосходства бы твой важный слог избрали.[11]

Журналист Ф. О. Туманский, откликаясь на выход костровского «Оссиана» (см. *24*), поместил в своем отзыве параллельно отрывки из этого перевода и переводов Карамзина и Захарова. Он считал, что одного такого сопоставления достаточно для доказательства превосходства Кострова.[12] А спустя двадцать лет Н. И. Греч утверждал

---

[10] См.: *Морозов П.* Е. И. Костров, его жизнь и литературная деятельность. Воронеж, 1876, с. 12.

[11] Собрание анекдотов графа Суворова и писем, им самим и к нему от разных лиц писанных. М., 1810, с. 58.

[12] Карамзин в этой связи писал И. И. Дмитриеву 28 января 1793 г.: «Я видел, как бедный Туманский хотел зацепить меня в своем журнале» (*Карамзин Н. М.* Письма к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, с. 33).

lib.pushkinskijdom.ru

даже: «Перевод Кострова несравненно лучше подлинника» (*143*). Правда, по выходе в свет в 1818 г. второго издания «Оссиана» рецензент журнала «Благонамеренный» заметил: «Русский перевод очень хорош, но, по мнению моему, был бы еще лучше, если бы встречали в нем менее славенских слов и фразов» (*197*, с. 246). Тем не менее А. А. Бестужев в 1823 г. заявлял в обозрении российской словесности: «Проза *Кострова* в переводе Оссиана и доныне может служить образцом благозвучия, возвышенности» (*253*, с. 12).

Костров представил своим соотечественникам не только поэмы Оссиана, но и обширное предисловие Летурнера — очерк легендарной истории воспетых бардом «цельтов» и «каледонян», который был составлен французским переводчиком на основании «рассуждений» Макферсона и Блэра и примечаний Макферсона к поэмам. Здесь провозглашались новые философские и эстетические принципы, объявлялись важными «мнения, мысли, обычаи, склонности, страсти и увеселения какого-нибудь народа, исходящего, так сказать, из рук созидающей природы» (*12*, ч. I, с. XXVI), т. е. непросвещенного. Шотландский бард уподоблялся Гомеру, ибо «тот и другой в сочинениях своих имели образцом природу». Но этим следованием природе — своей у каждого — объяснялось и различие двух народных певцов. «Нравы и умы греков и цельтов были весьма между собою различны. Греки были живы, быстры, веселы и многоречивы; но цельтам свойственна была важность, притом краткое и сильное выражение: и посему видим мы, что стихотворения Гомеровы и Оссиановы имеют на себе знаки и, так сказать, печать различного свойства своих народов» (там же, с. LIX). Таким образом, романтические идеи проникали не только в художественную практику Кострова, но он передавал их и в прямом теоретическом выражении.[13]

Несомненно, что перевод Кострова явился основной базой русского оссианизма. Прозаические переводы макферсоновских «Поэм Оссиана» после него в сущности прекратились. Какие-нибудь вышедшие в 1800-е гг. отдельные публикации никому не известных переводчиков вроде Петра Война-Куренского (*58*, *59*), Якова Лизогуба (*69*), князя И. И. Одоевского (*104*) или появившиеся

---

[13] См.: *Гуковский Г. А.* Костров, с. 472.

lib.pushkinskijdom.ru

позднее три перевода некоего В. Литвинова (*151*), который самим заглавием своего сборника «Уединенные часы пустынника в хижине» подчеркивал свою оторванность от движения литературы, — все эти немногие и в сущности случайные переводы не могли сколько-нибудь серьезно противостоять переводу Кострова. Внимание переводчиков-прозаиков привлекали скорее сборники «оссианидов» — Эдмунда де Гарольда (см. *53*, *67*, *68*) и Джона Смита (см. *126*) именно потому, что Костров их не переводил. Не случайно С. Филатов, переводивший Смита, счел нужным подчеркнуть в самом заглавии, что публикуемые поэмы «г. Костровым переложены еще не были».

В 1818 г. «Оссиан» Кострова был переиздан, следовательно, спрос на него продолжался. Между тем, когда в 1806 г. московский издатель С. И. Селивановский задумал выпустить новый перевод «Оссиана», на этот раз прямо с английского,[14] его намерение осталось неосуществленным. Селивановский, видимо, понял, что такое издание не сможет конкурировать с переводом Кострова и не найдет сбыта.[15]

«Кому из любителей российской литературы не известен теперь *Оссиан*?» (*36*, с. 81), писал в 1796 г. критик А. И. Ханенко. Такой риторический вопрос имел вполне определенный смысл. Перевод Кострова сделал шотландского барда доступным каждому грамотному русскому человеку, и читатели самых различных общественных слоев увлеклись им. Костров недаром посвятил перевод Суворову. Доверенное лицо полководца Е. Б. Фукс свидетельствовал, что «Оссиан, ему переводчиком посвященный, был любимое его чтение, был с ним во всех походах». Сам Суворов говорил: «Оссиан, мой сопутник, меня воспламеняет; я вижу и слышу Фингала в тумане, на высокой скале сидящего и говорящего: „Оскар, одолевай силу в оружии; щади слабую руку“» (*285*). Еще в 1792 г., находясь

---

[14] Об этом свидетельствует письмо С. С. Боброва к Селивановскому от 2 октября 1806 г.; Бобров соглашался сделать такой перевод и просил выслать ему в Петербург деньги на покупку оригинала (Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980, с. 400—401).

[15] Перевод Кострова имел значение не только для России; он был известен в Чехии, и на него опирались Вацлав Ганка и Йозеф Линда при создании в оссианическом духе Краледворской и Зеленогорской рукописей (см.: *Dolanský Julius*. Záhada Ossiana v Rukopisech královédvorském a zelenohorském. Praha, 1975).

lib.pushkinskijdom.ru

в Финляндии, Суворов записывал в дневнике: «Странствую в сих каменомшистых местах, пою из Оссиана; о, в каком я мраке. Пронзающий темноту луч денного светила дарит меня». И далее следует чисто оссианический образ: «Где же мой друг Истенгел? В объятиях ли его любезной супруги, или в беседе с *душами, переселенными в густые туманы*?».[16]

А вот читатель совсем иного рода. Востоковед Е. Ф. Тимковский (1790—1875) вспоминал, что, когда он был 10—11-летним учащимся, среди немногих книг у него «были и поэмы шотландского барда Оссиана, переведенные или, справедливее сказать, созданные в гомерическом вкусе Костровым; ибо, как учители наши утверждали, перевод лучше самого оригинала Макферсонова». Тимковский со старшим братом укрывались в дубовую рощу и «повторяли гармонические звуки Оссиановой арфы... Бесподобные отрывки произносились на память, и мы с братом знали наизусть почти всего Оссиана».[17]

Увлечение русских читателей конца XVIII в. Оссианом отразилось и в литературе. Выше цитировались признания о чтении песен шотландского барда параллельно с творениями сентименталистов. Но его читали и отдельно, главным образом в переводе Кострова. Анонимный автор очерка «Досуг в августе» описывал прогулку по кладбищу, чтение у могил: «Подле меня шумят в изрядном беспорядке рассаженные березы и при царствующем унынии придают силу мечтать о Фингаловом Оссияне, величественном барде героев» (*40*). А в «истинной русской повести» П. Ю. Львова «Александр и Юлия» героиня, представлявшая, по мысли автора, современное поколение дворянской молодежи, «предается... удовольствию чтения песней Оссиановых», и «трогательные песни шотландского барда» волнуют ее чувства; «он томит и возвышает душу» Юлии, мечтающей подражать его воинственным девам (*48*). Характерно, что, когда сам Львов в очерке «Сельское препровождение времени» описывал собственное чтение «унылых песен Оссиана» и картины, возникающие в его вооб-

---

[16] *Данилевский Г.* Суворовские бумаги, сохраненные в семействе бывшего его правителя дел Куриса. — Журн. М-ва нар. просвещения, 1856, ч. XCII, отд. VII, с. 36—37 (курсив мой, — *Ю. Л.*).

[17] *Тимковский Е. Ф.* Воспоминания. Киев, 1894, с. 19.

lib.pushkinskijdom.ru

ражении, он довольно близко пересказывал костровский перевод.[18]

Костров обеспечил Оссиану известность в России, и оссианические реминисценции, встречающиеся в русской литературе на рубеже XVIII и XIX вв., будь то «восторженный нежносердый сын Фингалев», кому являлись «герои Сельмские» (*35*), или даже «кисть сына Фингалова» (*82*), или «мрачные песни шотландского барда», возникающие в памяти при виде осеннего пейзажа (*46*), или ссылка на обращение Оссиана к солнцу и т. п., — все они могли появиться, потому что этот поэтический мир был уже хорошо знаком читателю.

5

Одним из первых воспринял творческие импульсы от оссиановской поэзии крупнейший русский поэт конца XVIII в. Гаврила Романович Державин (1743—1817). Оссианические мотивы и образы в его поэзии отмечались уже давно,[1] но подлинное историческое осмысление эти заимствования получили лишь в советское время.[2] В оссианизме Державина переплелись два момента: идейный и эстетический. Общественное сознание поэта было потрясено крестьянской войной, которую он наблюдал лично, а затем французской революцией. Он уже не мог, как его предшественники, воспевать безоблачное торжество монархической государственности. Величие России — победительницы в турецкой войне — рисовалось ему в трагических тонах. С другой стороны, он искал новой поэтической образности, связанной с близкой ему северной природой.

---

[18] Например: «...пустынные звери выглядывают из средины развалин; вокруг голов их развеваются дикие травы» (*55*, с. 66). Ср. выше отрывок из «Картона» в переводе Кострова (с. 29).

[1] См. примечания Я. К. Грота в кн.: *Державин*. Соч., т. I. СПб., 1864, с. 344, 354—355, 461—463, 473, 575—578; т. II, СПб., 1869, с. 270—273, 287. См. также: *Замотин И. И.* Романтизм двадцатых годов XIX стол. в русской литературе. Изд. 2-е, т. I. СПб.—М., 1911, с. 40—43; Введенский, с. 11—30 (Введенский, однако, допускал преувеличения, рассматривая, например, как заимствование всякое упоминание «тени» в значении «призрака» и т. п.).

[2] См.: *Пумпянский Л. В.* Сентиментализм. — В кн.: История русской литературы, т. IV. М.—Л., 1947, с. 433.

lib.pushkinskijdom.ru

Все это вело к Оссиану, а также к скандинавской поэзии, воспринятой через «Введение в историю Датскую» швейцарского ученого П.-А. Малле, которое вышло в русском переводе в 1785 г. и вызвало живой интерес в литературных кругах. Переплетение оссианизма и скандинавизма как явлений типологически близких было характерно для русских преромантических исканий на рубеже веков.[3]

Первоначально Державин, видимо, знакомился с Оссианом по сборнику «Поэмы древних бардов», и уже в оде «На взятие Измаила» (1790), написанной в целом в ломоносовской традиции, он при изображении русских воинов испытывал влияние оссианической образности, которую сам определял впоследствии как соединение мрачных картин и мужества, возбуждающее к героизму (см. *159*). Близко к Оссиану сравнение наступающих «россов» с горным водопадом: «Как воды с гор весной, в долину Низвержась, пенятся, ревут», или следующие далее строки: «Идут в молчании глубоком, Во мрачной страшной тишине»[4] (хотя только что говорилось о реве трехсот орудийных жерл). На оссиановскую поэзию ориентировано уподобление священника, идущего впереди солдат, барду, воодушевляющему воинов: «Не бард ли древний, исступленный Волшебным их ведет жезлом?». Наконец, целиком в оссианическом духе выдержана строфа 26:

Уже в Эвксине с полунощи
Меж вод и звезд лежит туман,
Под ним плывут дремучи рощи;
Средь них, как гор отломок льдян,
Иль мужа нека тень седая
Сидит, очами озирая;
Как полный месяц, щит его,
Как сосна, рында обожженна,
Глава до облак вознесенна, —
Орел над шлемом у него.[5]

Оссианические черты обнаруживаются в оде «На взятие Варшавы» (1795), стихотворении «На кончину Ольги Павловны» (1795), позднее — в одах «На победы в Италии» и «На переход Альпийских гор» (1799); в последней Державин прямо писал:

[3] См.: *Шарыпкин Д. М.* Скандинавская тема в русской романтической литературе. — В кн.: Ранние романтические веяния. Л., 1972, с. 96—167.

[4] *Державин.* Стихотворения. Л., 1933, с. 94.

[5] Там же, с. 99—100.

lib.pushkinskijdom.ru

Но что? — не дух ли Оссияна,
Певца туманов и морей,
Мне кажет под луной Моана,
Как шел он на царя царей?

(*50*)

И далее следуют горные пейзажи, написанные в оссианическом стиле. А оду «На победы в Италии» русский поэт начинал строками:

Ударь во сребряный, священный,
Далеко-звонкий, Валка! щит:
Да гром твой, эхом повторенный,
В жилище бардов восшумит.

И поясняя это место, Державин писал: «Древние северные народы, или варяго-руссы, возвещали войну и сбирались на оную по ударению в щит. А Валками назывались у них военные девы или музы».[6] Здесь дева-воительница германской мифологии валькирия («Валка») соседствует с оссиановскими бардами и призывает на бой ударами в щит, как это постоянно делают вожди в поэмах Оссиана. Державин ошибался, называя Валку музою. Но для нас в примечании важна эта попытка обосновать единую поэтическую образную систему для всех северных народов, включая и «варяго-руссов», т. е. предков русского народа, согласно распространенным в то время немецким историческим теориям. И оссианизм являлся органической составной частью этой системы. Поэтому в оде следуют образы, взятые из Оссиана: «Встают. — Сто арф звучат струнами; Пред ними сто дубов горят»,[7] и далее является покрытая «белых волн туманом» тень Рюрика, который «пленяется певцами, поющими его дела».

В 1794 г. после смерти жены Державин стал переводить «Каррик-туру»; в скорбной песне Шильрика о погибшей Винвеле из этой поэмы Оссиана он находил созвучие своим чувствам. И в набросках песни «На смерть Плениры» он описывал кончину своей героини, близко следуя изображению заходящего солнца в начале «Каррик-туры». Но высшим достижением оссианизма Державина по праву

---

[6] *Державин.* Соч., т. II, с. 270—272.

[7] Там же, с. 272. Ср.: «Тако пели барды на высоте Моры, в часы молчаливой ночи. *Пламень ста дубов...* расстилается и озаряет окрестность; пиршество уготовано...» (*12*, ч. II, с. 113; курсив мой, — *Ю. Л.*).

lib.pushkinskijdom.ru

считается ода «Водопад» (1794), где тема могущества екатерининской державы воплощена в зловещей картине ночи, катастроф и страшных видений:

Но кто там ѝдет по холмам,
Глядясь, как месяц, в воды черны?
Чья тень спешит по облакам
В воздушные жилища горни?
На темном взоре и челе
Сидит глубока дума в мгле! [8]

Значение оссиановской поэзии для Державина было замечено уже его современниками. Карамзин посвятил ему перевод «Сельмских песен» (см. *8*). А некоторые почитатели даже уподобляли его шотландскому барду, считая, что тем самым утверждают его величие. В очерке за подписью Ф. Ф. «Тень Оссиана» лирический герой обращался к тени и восклицал, подразумевая творца «Водопада» и оды «Бог»: «Есть бард во стране ужаса и славы. Глас его гремит во уши всей Европы; суд его верен; лавр и пальма раздается им по достоянию; его ирои возвышают достоинство струн его; струны его украшают достоинства ироев. Не се ли возлюбленный сын твой, наследовавший златую твою арфу? приятно внимать ему, когда он воспевает величие бога, правоту и истинное мужество» (*34*, с. 167—168). Позднее поэт Алексей Богословский в стихотворении «Лире росского Оссияна» представил Державина в символическом образе поэта Севера и торжественно вопрошал:

Иль древний бард то с лирой громкой
Бессмертный вечно Оссиян?

(*131*, с. 175)

Тем не менее генетически связанные с оссианизмом некоторые элементы поэтики Державина настолько органично вошли в его поэтическую систему, что впоследствии Гоголь мог с полным основанием писать о нем: «У него своя самородная, дикая, сверкающая поэзия, не оссиановская, не германская, не итальянская, текущая, колоссально разливаясь, как Россия».[9]

---

[8] *Державин.* Стихотворения, с. 169.
[9] *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч., т. VIII. [М.—Л.], 1952, с. 538.

lib.pushkinskijdom.ru

6

Иной характер носил оссианизм Карамзина. Восторженный почитатель шотландского барда с юношеских лет, он совершил свое европейское путешествие 1789—1790 гг., когда его воображение, как он сам признавался, было «наполнено Оссианом». В ночном горном пейзаже с рекой, ревущей между скалами, ему чудится «нечто весьма Оссианское» (*19*, ч. VII). Он размышляет о тщете стремлений и завоеваний, о том, что «народы земные», словно цветы, «увядают в свое время — придет странник, который удивлялся некогда красоте их; придет на то место, где цвели они; придет — и печальный мох представится глазам его!». И Карамзин восклицает: «Оссиан! ты живо чувствовал сию плачевную судьбу всего подлунного, и для того потрясаешь мое сердце унылыми своими песнями!» (*19*, ч. VIII; сравнение с цветами, которых не найдет странник, заимствовано из «Берратона»). Эта мысль о бренности и обреченности всего земного ему особенно близка. Он находит ее в драме Шекспира «Буря», которую цитирует в «Поэзии» и «Письмах русского путешественника». Утрата просветительской веры в необратимость прогрессивных завоеваний и как следствие — отказ, хотя бы декларативный, от активной общественной деятельности, уход в личную жизнь питали сентиментализм Карамзина вообще и в частности его оссианизм. Примечательно, что не битвы, не героические подвиги, но картины природы привлекают Карамзина в «Оссиановых песнях». Их достоинства, как указывал он в «Предуведомлении» к «Картону», состоят в «неподражаемой прекрасной простоте, в живости картин из дикой природы, в краткости, в силе описаний и в оригинальности выражений, которые, так сказать, сама натура ему представляла» (*11*, с. 117).

И Карамзин деятельно пропагандировал поэзию Оссиана. В своих журналах помимо собственных переводов он печатал стихотворные переложения И. Дмитриева, Капниста, П. Кайсарова, Вышеславцева (см.: *9*, *33*, *37*, *44*), а также пространную статью об Оссиане (*43*).

«О дабы мечты мои уподобились некогда мечтам Омировым и Оссияновым... которых песни поныне суть источники пользы и удовольствия для смертных, посвященных в мистерии Поэзии!» — восклицал 22-летний Карамзин (*6*).

lib.pushkinskijdom.ru

В его творчестве 1790-х гг. обнаруживаются явные следы оссиановского влияния. В «древней балладе» «Раиса» (1791) на сюжет из Г. А. Бюргера он разворачивал действие на фоне оссианического пейзажа:

Во тьме ночной ярилась буря;
Сверкал на небе грозный луч;
Гремели громы в черных тучах,
И сильный дождь в лесу шумел.[1]

Следуя за Оссианом, в повести «Наталья, боярская дочь» (1792) Карамзин заставил героиню облачиться в мужские воинские доспехи. Фраза: «...прекрасная Наталья, в одежде воина, бросилась в его объятия; шишак спал с головы ее, и русые волосы по плечам рассыпались»,[2] приводит на память Суль-маллу из «Теморы», Инибаку («Фингал», VI), Кольна-дону и других воинственных героинь Оссиана. Отзвуки макферсоновской образности, связанной с миром природы, обнаруживаются и в повести «Марфа Посадница, или Покорение Новагорода» (1803) в описаниях бури и битвы.[3] Оссианические мотивы проникали в творчество Карамзина и косвенно, через гетевского «Вертера», под влиянием которого написана неоконченная повесть «Лиодор» (1792).[4] Наконец, в карамзинских повестях неоднократно встречается самое имя шотландского барда для обозначения заимствованных у него выражений: тут и «сын опасности и мрака» (*18*), и пиршественная «чаша радости» (*17*), и «тесный домик» (т. е. могила; *61*).[5]

Однако эти отголоски оссиановских мотивов носят у Карамзина во многом внешний характер. Шотландский бард вызывал у него сочувствие и восхищение. Автору «Бедной Лизы» несомненно был близок характер оссиани-

---

[1] *Карамзин Н. М.* Полн. собр. стихотворений. М.—Л., 1966, с. 101. См.: *Cross A. G.* N. M. Karamzin. A Study of his Literary Career. 1783—1803. London—Amsterdam, 1971, p. 181.

[2] *Карамзин.* Соч., т. III. СПб., 1848, с. 136.

[3] Например: «Густая туча висела и волновалась над Новымградом; из глубины ее сверкали красные молнии и вылетали шары огненные»; «Воины Иоанновы стояли твердынею непоколебимою: новогородские стремились на них, как бурные волны» (там же, с. 189, 215).

[4] См.: *Сиповский В. В.* Очерки из истории русского романа, т. I, вып. 2. СПб., 1910, с. 520—524.

[5] См.: *Маслов В. И.* Оссианизм Карамзина. Прилуки, 1928, с. 11.

lib.pushkinskijdom.ru

ческого психологизма, меланхолическая настроенность «Поэм Оссиана», т. е. то, что объединяло их с сентиментализмом вообще. Но сама их поэтика, образная система мало соприкасались с его художественным миром. Не случайно оссиановские реминисценции даются у Карамзина нередко в шутливом тоне, вводятся в произведения, написанные в иной стилистической манере. А в «Дремучем лесе» само имя барда включается в литературную игру (см. *30*). По-видимому, права Н. Д. Кочеткова, утверждая, что «Карамзин видит в песнях Оссиана не столько пример и образец для подражания, сколько особый мир, по-своему привлекательный и поэтичный. Этот мир интересен Карамзину, но он предпочитает не сливаться с ним, а остаться сторонним, хотя и сочувствующим наблюдателем».[6]

Можно даже предположить, что со временем Карамзин охладел к былому кумиру. В 1798 г. в своем «Пантеоне иностранной словесности» он напечатал статью «Оссиан», посвященную сборнику Джона Смита. Статья эта переведена из французского «Magasin encyclopédique», поэтому нет оснований приписывать Карамзину все высказанные там суждения (как это делал Маслов).[7] Однако издатель «Пантеона» не только сочувствовал основным ее положениям, но и переводил вольно, сообразуясь со своими взглядами. В статье признавались достоинства поэзии Оссиана («Описания его живы и прекрасны, некоторые повествования отменно трогательны, и слезы о падших героях часто извлекают слезы из глаз читателя»; *43*, с. 211), но в то же время указывался основной его порок — унылое однообразие: «...беспрестанное повторение одних чувств, однех картин скоро утомляет... Основание и подробности сих гимнов всегда единообразны, и читатели, имеющие вкус, не должны уподоблять их таким творениям, в которых соединяются красоты и чувства всякого роду» (*43*, с. 201—202). Поэтому, говорится в статье, приравнивание Оссиана к Гомеру ошибочно, ибо жизнь барда в дикой стране среди грубого народа не могла обогатить его воображение. К такому мнению, видимо, приближался и Карамзин в пору зрелости. Тем не менее приверженность

---

[6] *Кочеткова Н. Д.* Карамзин и литература сентиментализма. — В кн.: Русская литература и фольклор (XI—XVIII вв.). Л., 1970, с. 355.

[7] См.: *Маслов В. И.* Оссианизм Карамзина, с. 12—15.

lib.pushkinskijdom.ru

его к Оссиану прочно вошла в сознание современников.[8]

Оссианизм Карамзина при самом своем возникновении был формой ухода от жизни в мечту, в меланхолическую медитацию. Он писал в стихотворении «Поэзия» (1787):

Как шум морских валов, носяся по пустыням
Далеко от брегов, уныние в сердцах
Внимающих родит, — так песни Оссиана,
Нежнейшую тоску вливая в томный дух,
Настроивают нас к печальным представленьям;
Но скорбь сия мила и сладостна душе.

Упоение сладостной скорбью, та самая «радость скорби», что пронизывает поэмы Оссиана, — в этом состоял эмоциональный пафос сентиментализма самого Карамзина и его последователей, привлекавший их к шотландскому барду. Среди сентименталистов исповедовалась философско-этическая концепция «мучительной радости». Грусть приятна, сладостна, потому что питает самолюбие, убеждает человека, что он достоин лучшего жребия, нежели тот, что ему достался. Такие мысли развивались в статье немецкого писателя Х. Ф. Геллерта «О приятности грусти»,[9] переведенной сентименталистом А. М. Кутузовым, влияние которого испытал молодой Карамзин. В русле этих идей становится понятным его собственное утверждение, предпосланное переводу «Картона»: «Глубокая меланхолия — иногда нежная, но всегда трогательная, — разлиянная во всех его (Оссиана, — *Ю. Л.*) творениях, приводит читателя в некоторое уныние; но душа наша любит предаваться унынию сего рода, любит питать оное и в мрачных своих представлениях сама себе нравится» (*11*, с. 117).

Близкие эмоции выражались и в произведениях других русских сентименталистов. Они услаждались дикими мрачными пейзажами, меланхолическими песнопениями. Племянница М. М. Хераскова Александра Хвостова (1768—1853) в «отрывке» «Камин» (1795) в мечтах переносится из «мрачной Финландии» «в дремучие леса и грозные горы Шотландии». «Там... — представляет она себе, — ищу на песке следов храброго войска Фингалова; сижу

---

[8] А. С. Шишков, нападавший на стилистические принципы Карамзина, иронически писал, подразумевая своего противника: «...мы думаем быть Оссиянами и Стернами» ([*Шишков А. С.*] Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. СПб., 1803, с. 58).

[9] Моск. ежемесячное издание, 1781, ч. III, окт. с. 141—153.

lib.pushkinskijdom.ru

с его героями вокруг горящего пня дубового; внимаю победоносному бардов пению и ловлю в воздухе унылый звук печальных песней Оссиана» (*31*, с. 73—74). Издатель журнала В. С. Подшивалов, сам переводивший Оссиана, печатая «Камин», счел нужным подчеркнуть, что здесь соединились «дух Оссианской горести, нежность и глубокость меланхолических чувств» и «неизъяснимая во всем приятность» (там же, с. 68).

С легкой руки Хвостовой воображаемые полеты в дикую Шотландию на поиски Оссиана и его героев становятся своего рода бродячим сюжетом сентименталистов. «В сладких мечтах я прелетаю в страну, где на развалинах селений каледонских возвышаются убежища чад Ирландии», — писал автор упомянутого очерка «Тень Оссиана» (1796) и далее описывал встречу с «великим царем песней шотландских» (*34*, с. 163, 167). За ним следовал князь Федор Сибирский со своим «Подражанием Оссиану» (1798): «Мне мечтается, будто я нахожусь в Шотландии и живу в те времена, когда сей славной бард пел и бряцал на златострунной арфе своей исполинские подвиги Фингала; я мню слышать звук мечей и щитов, сподвижников славы его» (*45*, с. 203—204). Подобные воображаемые картины содержатся, как мы уже отмечали, и в «Сельском препровождении времени» П. Ю. Львова (см. *55*).

Из сентименталистской прозы тема такого воображаемого полета перекочевала в раннюю романтическую поэзию. В стихах 15-летнего Константина Батюшкова поэт, объятый «сладостной мечтой»,

...пренесен во Сельмские леса,
Где ветр шумит, ревет гроза,
Где тень Оскарова, одетая туманом,
По небу стелется над пенным океаном.

(*98*)

Позднее молодой Николай Гнедич в послании Батюшкову (1807) предлагал другу, «пренесясь в страны Морвена», узреть «барда слепого» и его героев (*132*).[10]

---

[10] В поздней редакции послания Гнедич повторил в этом месте образ, найденный у Державина (см. выше, с. 37):

Иль посетим Морвен Фингалов,
Ту Сельму, дом его отцов,
Где на пирах *сто арф звучало*
И пламенело сто дубов.

(*132*, 1832; курсив мой, — *Ю. Л.*)

lib.pushkinskijdom.ru

Но вернемся к сентименталистам. Князь Петр Шаликов (1767—1852), в чьем творчестве сентиментализм карамзинского толка был доведен до слащаво-эпигонской крайности, в послании «К другу» (1799), ссылаясь на пример Хвостовой, также мысленно переносился в древнюю Шотландию. «Здесь, — писал он, — живо вижу ужасные предметы; живо слышу разительные звуки орудий, печальные песни бардов. — Фингал! Оссиан! что делают с воображением, с чувствами имена ваши?..». И далее: «...грозные скалы, дикие леса, мрачные облака, свирепые ветры, бурные ночи, шумное море в песнях Оссиана доставляют несказанное удовольствие моему воображению. Отчего это? верно оттого, что ужас имеет в себе что-то весьма приятное» (*49*). Тогда же юный Яков Галинковский (1777—1815) в сборнике «Часы задумчивости» (1799), прославляя чувствительность — «сладостный бальзам для сердца», — уверял читателей, что «в диком безмолвии мрачныя дубравы» он пел бы «*задумчивые песни уныния*, — песни Оссиановы, толь любезные духу моему, когда он обременяется печалию» (*47*).

Нетрудно понять, что в такой «мечтательной» интерпретации героический аспект оссианизма нередко отступал на задний план, освобождая место меланхолической чувствительности, не смешанной уже ни с какими иными эмоциями. И неудивительно, что некие сестры Елизавета и Мария Москвины, составившие сборник «Аония» (1802), представляли себе Оссиана не воином, а только певцом.

Здесь *нежный* Оссиан с любезною Мальвиной
Мне мнился не с мечом, а с арфою единой,
Которой стройностью бессмертный сей певец
Две тысячи уж лет (!), как сплел себе венец...

(*63*; курсив мой, — *Ю. Л.*)

Таким образом, последовательная сентиментальная эволюция довела оссианизм в сущности до самоотрицания, полностью исключив из него воинственное героическое начало.

lib.pushkinskijdom.ru

7

Впрочем, сентименталистскую направленность имело наиболее значительное, наиболее масштабное произведение русского оссианизма. Мы имеем в виду трагедию В. А. Озерова «Фингал», которая впервые была поставлена на сцене петербургского Придворного театра 8 декабря 1805 г., пользовалась огромным успехом и продолжала ставиться до середины XIX в. А изданная в 1807 г., она неоднократно переиздавалась (см. *108*) и была переведена на французский и немецкий языки.[1] «Многие считают Фингала лучшею трагедиею г-на Озерова», — писал М. Н. Загоскин (*178*, с. 165).

Владислав Александрович Озеров (1769—1816), крупнейший русский драматург начала XIX в., стремился, сохраняя в основном неизменной внешнюю форму классической трагедии, воплотить в ней новые сентименталистские идеи и настроения. Стяжав славу трагедией на античную тему «Эдип в Афинах» (1804), он обратился к Оссиану по совету своего друга А. Н. Оленина, государственного деятеля, знатока археологии и художника-любителя, который считал, что здесь можно найти основу для помпезного эффектного спектакля. В посвящении к «Фингалу» Озеров свидетельствовал:

С совета твоего, Оленин, я решился
Народов северных Ахилла описать
И пышность зрелищу приличную придать.

(*109*)

Назвав Фингала Ахиллом «народов северных», драматург как бы перекидывал мост от былой своей античной тематики к новой. Рекомендация Оленина несомненно учитывала театральный опыт западноевропейских стран, особенно Франции, где заимствованные из Оссиана сюжеты уже не раз служили основой оперных и балетных постановок.[2] В частности, в 1804 г. в Париже огромным успехом пользовалась пышно поставленная трагическая опера

---

[1] См.: *Арапов Пимен.* Летопись русского театра. СПб., 1861, с. 172; см. также: *108*, 1808.

[2] См.: *Van Tieghem P.* Ossian en France, t. II. Paris, 1917, p. 115—140 (chap. IV. Ossian au théâtre).

lib.pushkinskijdom.ru

Лесюэра «Оссиан, или Барды». Суждения о пригодности оссиановских сюжетов для театральных постановок проникали и в русскую печать (см. *93*).

Завязкой трагедии Озерова служит ненависть Старна, царя Локлинского (т. е. скандинавского), к царю Морвенскому, юному Фингалу за то, что тот некогда взял его в плен и потом великодушно отпустил, а главное — сразил в единоборстве его сына Тоскара. Замыслив убить Фингала, Старн приглашает его к себе, обещая отдать за него свою дочь, прекрасную Моину, которую связывает с Фингалом чувство взаимной любви. Прибывает Фингал. Молодые отправляются в храм локлинского божества Одена для свершения брачного обряда. Но жрец, которого подговорил Старн, прерывает церемонию, утверждая, будто бы явившаяся ему тень убитого Тоскара требует свершения поминальной тризны. Фингал противится, но Моина уговаривает его согласиться. Действие переносится на могилу Тоскара. Во время тризны Старн хитростью заставляет Фингала отдать свой меч. Локлинские воины нападают на него, безоружного, но Фингал, схватив висящий над могилой меч Тоскара, защищается. Моина, узнавшая тем временем о коварном плане отца, приводит на помощь возлюбленному морвенское войско. Тогда Старн сам бросается с кинжалом на Фингала, путь ему преграждает Моина, и он, заколов ее, закалывается сам. Фингал в горе хочет лишить себя жизни, но бард Уллин останавливает его словами: «Для подданных твоих ты жизнь хранить обязан», и Фингал остается жить.

В основу сюжета Озеров положил вставной эпизод из книги III макферсоновского «Фингала», но преобразовал его по своему усмотрению. В поэме Старн одержим желанием мести только за унижение, испытанное им, когда Фингал одержал над ним победу; историю гибели Тоскара придумал сам Озеров. Кроме того, русскому драматургу принадлежит сложный ход осуществления мести Старна (брачный обряд в храме, тризна на могиле Тоскара); в поэме нападение локлинцев на Фингала должно осуществиться во время охоты. Наконец, Озеров ввел самоубийство Старна для канонического наказания порока. У Макферсона погибает только его дочь Агандека, убитая отцом за то, что она раскрыла его замыслы Фингалу. Драматург назвал героиню более благозвучно — Моина (имя матери Картона).

lib.pushkinskijdom.ru

Опираясь на оссиановский сюжет, Озеров создавал по внешней форме классическую трагедию: соблюдал единство времени и действия, почти не нарушил единства места (три места, в которых разыгрывается трагедия, расположены вблизи друг от друга), ввел фигуры наперсников: Коллу для Старна и Морну для Моины, употреблял традиционный александрийский стих. Преромантический Оссиан легко осваивался классицизмом, чему способствовали и некоторая абстрактность повествования, и психологический схематизм, и идеализация героических персонажей, и отсутствие бытового реализма. Однако Озеров не был ортодоксальным классиком, и его отход от классицизма состоял не только в формальном ограничении трагедии тремя актами (в чем он имел предшественников), но в попытке, весьма еще робкой, правда, придать трагедии историческую и психологическую достоверность.

В отличие от классической трагедии, действие которой обычно происходило в некоей абстрактной среде, Озеров пытался воссоздать в «Фингале» обычаи, нравы, обряды древних кельтов и скандинавов, обстановку их жизни. Для этого он внимательно изучал «рассуждения» Макферсона (скорее всего, по «Предуведомлению» к переводу Кострова), и «Введение в историю Датскую» Малле.[3] И Оленин, руководивший оформлением спектакля, по утверждению историка театра, «сам занимался составлением рисунков всех костюмов и аксессуарных вещей для „Фингала", которые исторически были верны».[4] Разумеется, эта «историческая верность» в отношении легендарных царств была весьма условна, тем не менее здесь была налицо осознанная тенденция к воссозданию, хотя бы в ограниченных пределах, национально-исторического колорита. И современники это оценили. Ф. Ф. Вигель свидетельствовал, что в озеровской трагедии «дикая природа севера, которою отзываются характеры всех действующих лиц, нашим северным зрителям, „Spectateurs du Nord", весьма пришлась по вкусу».[5] А французский критик и переводчик русских пьес А. Сен-Прист отмечал как основное достоинство трагедии ее стиль: «он полон картин, то мрачных, то прелестных,

---

[3] См.: *Бочкарев В. А.* Русская историческая драматургия начала XIX века (1800—1815 гг.). Куйбышев, 1959, с. 179—186.

[4] *Арапов Пимен.* Летопись русского театра, с. 172.

[5] *Вигель Ф. Ф.* Записки, т. I. М., 1928, с. 332.

lib.pushkinskijdom.ru

извлеченных из скандинавской мифологии, меланхолия которой так обаятельна».[6]

«Самая новость сцены, — писал, разбирая трагедию, А. Ф. Мерзляков, — дикость характеров и мест, старинные храмы, игры и тризна, скалы и вертепы; все вместе с арфою и стихами Озерова, облеченное северными туманами, — придает пиесе этой какую-то меланхолическую занимательность» (*179*, с. 46—47). Той же «меланхолической занимательности» добивался Озеров и при изображении внутренней жизни своих героев. Место «чистых» абстрактных страстей, раскрытию и противоборству которых посвящалась классическая трагедия, заняли чувства, лирические излияния Фингала и Моины. Страстью одержим один лишь Старн, но он почти не встречает противодействия. Моина в отличие от Агандеки не подозревает о коварстве отца. Тем самым Озеров, вероятно, сознательно лишил себя возможности представить в своей героине внутреннее противоборство любви (к Фингалу) и долга (к отцу) — эту обычную пружину классической трагедии. Пассивен и Фингал, более рассуждающий, чем действующий, и в сущности, за исключением последней сцены, подчиняющийся Старну.

Но при таком поведении протагонистов они вызывали в зрителе сочувственную жалость, на которую, видимо, и рассчитывал Озеров. Этот эмоциональный эффект трагедии не противоречил оссиановской поэзии с присущей ей унылой меланхолической тональностью. Но Озеров воспринял Оссиана односторонне. Он сам писал в посвящении Оленину, что стремился извлечь из «песней бардов» «черты разительны, унылы, В которых Оссиан явил Фингалов дух» (*109*). Героика битв, суровая дикость характеров отошли на задний план, превратились в своеобразный экзотический фон. О них лишь вспоминают барды в песнях да герои в своих раздумьях о прошлом, весьма напоминающих мечтательные полеты воображения писателей-сентименталистов. Лейтмотивом трагедии стала лирическая тема любви Фингала и Моины.

Соответствующую метаморфозу претерпел и заглавный герой. Это прекрасный юноша, влюбленный и нежный. Он храбр, законы чести для него святы, но перед женскими слезами он бессилен. Лишь в последней сцене, когда обна-

---

[6] Chefs-d'oeuvre des théatres étrangers... Paris, 1823, p. 11.

lib.pushkinskijdom.ru

руживается коварство Старна, Фингал обретает силу героя. Страстным любовником предстает он перед Моиной.

Когда бы знала ты, как много я страдал
Со дня, как в первый раз твои красы увидел!..
Дотоле мыслью дик, любовь я ненавидел,
Считал ее мечтой и слабостью умов;
Как стужа наших зим, был дух во мне суров.
Твой взор переменил нрав дикий и суровый;
Он дал мне нову жизнь, дал сердцу чувства новы,
И огнь, палящий огнь пролив в моей крови,
Мне дал почувствовать страдания любви,
Уныние, тоску, отчаянье разлуки,
И страх немилым быть, и ревности все муки...
и т. д.

(*108*, с. 13)

Фингал противостоит вероломному царю не как один монарх другому, но как духовно свободная человеческая личность — деспоту. Недаром Озеров наделил его изрядной долей вольнодумства, вольтерьянского деизма,[7] чем даже вызвал впоследствии иронические замечания А. А. Жандра и П. А. Катенина (см.: *219*, с. 176; *220*, с. 323).

Конечно, молодой Белинский преувеличивал, когда утверждал в «Литературных мечтаниях», будто бы Озеров «из Фингала сделал аркадского пастушка»,[8] но несомненно, что под пером драматурга оссиановский могучий «король щитов», воин и полководец преобразился. Озеров, в сущности игнорируя героический аспект поэзии Оссиана, сделал ее в сентименталистском духе «некоей подцветкой, изящно украшающей стиль речей персонажей трагедии и сгустками собранной в описательных ремарках».[9] Основное место заняли элегические монологи, которые, отделяясь от пьесы, приобретали самостоятельную жизнь лирических стихотворений. По свидетельству Р. М. Зотова, весь Петербург твердил наизусть монолог Моины:

---

[7] См. монологи Фингала в действии I, явл. 4 («Не рассуждаю я, приличен ли кумир...», *108*, с. 11) и действии II, явл. 3 («Оден! Локлинцев бог, коль ныне в первый раз...»; *108* с. 24—25). См. также: *Потапов П. О.* Из истории русского театра. Жизнь и деятельность В. А. Озерова. Одесса, 1915, с. 599—600.

[8] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., т. I. М., 1953, с. 61. — При этом Белинский допустил ошибку, назвав в той же фразе Фингала «грозным поклонником Одена», т. е. божества локлинцев.

[9] *Медведева И. Н.* Владислав Озеров. — В кн.: *Озеров В. А.* Трагедии, стихотворения. Л., 1960, с. 35.

lib.pushkinskijdom.ru

В пустынной тишине, в лесах, среди свободы,
Мы возрастаем здесь, как дочери природы,
И столько ж искренны, как искренна она
и т. д.

(*108*, с. 14)[10]

Современники, однако, считали, что «Фингал» Озерова «одушевлен оссиановскою поэзиею», как писал А. А. Бестужев (*253*, с. 20). Поэтому неудивительно, что монологи трагедии вызвали к жизни особую группу стихотворных оссианических подражаний, определили их стиль и лексику. Ограничимся одним довольно выразительным примером. Последний монолог Фингала у Озерова начинается словами:

Моины нет! увы! я с нею все теряю.
О злополучие! о горестный удар!
И я живу еще?..
и т. д.

(*108*, с. 49)

В середине 20-х гг. молодой поэт А. П. Крюков (1803—1833) написал элегию «Сетования Фингала над прахом Моины», где само имя оплакиваемой девы свидетельствовало, что автор шел не от Макферсона, а именно от Озерова, развивая его поэтические находки.

Моины нет! — прости, покой и радость!
Мне тесен мир, мне мрачен божий свет...
В тоске, в слезах моя увянет младость...
Моины нет! Моины нет...

(*270*)

«Фингал» Озерова вызвал отклик и в области драматургии. Уже после смерти автора популярный и плодовитый драматург князь А. А. Шаховской (1777—1846) создал пьесу «Фингал и Роскрана, или Каледонские обычаи», которая впервые была представлена в петербургском Большом театре 23 января 1824 г. Шаховской — писатель весьма переменчивый, в недавнем прошлом противник сентиментализма, приверженцев которого он зло осмеивал в своих комедиях, — в 20-е гг., убедившись, что романтизм одержал верх в литературе, сам обратился к поискам новых театральных форм и пытался создать некий синтети-

[10] См.: *Зотов Р.* Биография Озерова. — Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров, 1842, № 6, отд. II, с. 10.

lib.pushkinskijdom.ru

ческий жанр романтической комедии-балета, где в качестве сюжетной основы использовались романы Вальтера Скотта, пьесы Шекспира, поэмы Пушкина и т. п. В ряду тех же исканий находилась и «взятая из песней Оссияновых» пьеса, жанр которой определялся в подзаголовке как «драматическая поэма в трех действиях с пением, хорами, поединком, морвенскими обычаями и великолепным спектаклем».[11]

Сюжет пьесы вкратце следующий. Фингал, возвращаясь на родину после победы над скандинавами, спасает дочь короля Инисторского — Роскрану от преследований Гиддолана, сына вождя Балвы, слепого провидца Ламора. Гиддолан повержен в единоборстве Фингалом, но тот дарует ему жизнь и посылает сражаться с римлянами. Между Фингалом и Роскраной вспыхивает взаимная любовь. Сам Фингал тоже отправляется на войну. В последнем действии Гиддолан, одержимый ревностью, приносит ложную весть о его гибели, и Роскрана сходит с ума. Но Фингал возвращается. Гиддолан не в силах снести позора и бросается на меч, который он вложил в руку отца. Роскрана вновь обретает рассудок, и все кончается общим ликованием.

Шаховской использовал мотивы из двух поэм Оссиана: «Комала» (ложная весть Гиддолана), где заменил имя заглавной героини на Роскрана (имя матери Оссиана), и «Сражение с Каросом» (смерть Гиддолана). Опираясь на эти мотивы, а также на рассеянные в поэмах Оссиана упоминания о войнах Фингала с римлянами, он создал довольно сложный сюжет (мы вынужденно упростили его в пересказе).

Сложным было и отношение «Фингала и Роскраны» к «Фингалу» Озерова (как и самого Шаховского к создателю трагедии).[12] Формально «драматическая поэма» служила как бы продолжением трагедии. В начале ее Фингал вспоминает о былой возлюбленной, «деве Локлинской, убитой отцовской рукой». Названное при этом имя Моины, как и в случае с Крюковым, указывало на озеровского «Фингала». С другой стороны, новая пьеса была внутренне

---

[11] Рукопись в Театральной библиотеке им. А. В. Луначарского (Ленинград), шифр: I, 20, 3, 46.

[12] В свое время Шаховской содействовал постановке «Фингала» на сцене, но затем перешел в лагерь противников Озерова. Считалось, что он был причастен к провалу последней трагедии драматурга «Поликсена» (см.: Рус. архив, 1869, ч. I, стб. 2029—2045).

lib.pushkinskijdom.ru

полемична по отношению к своей предшественнице. Любовная тема утратила здесь былое господствующее положение; рядом с нею на равных правах утверждается героическая тема борьбы с иноземными захватчиками, и вполне вероятно, что она вызывала ассоциации с событиями Отечественной войны.[13] Показателен в этом отношении монолог Фингала, обращенный к римскому воину Публию, которого он освобождает от плена:

Но вот что скажите вождю своему:
Фингал, царь Морвена, не ищет сражений,
Не любит он крови, пролитой для ложныя славы,
Но любит с друзьями на пиршествах Сельмы
О истинно славных делах вспоминать.
Когда же, кто б ни был, с какою бы силой и с скольким числом,
Дерзнет оскорбленьем и рабством грозить
Не только Морвену,
Но дружным соседям его,
То радостно к брани подъемлет копье,
И весело так же, как в Сельме пирует,
Он смерти в долину стремится и сходит с нее
При песнях победных.

(*290*, с. 129—130)

Так театральная интерпретация оссиановского сюжета обретала героическое и патриотическое звучание. Видимо, не случайно именно эта сцена появилась в печати. И все же «драматическая поэма» Шаховского несравнима с трагедией Озерова. Поэтически она слаба. И сыгранная несколько раз при первой постановке, она сошла со сцены, чтобы более не возвращаться. Опубликованы из нее были только два отрывка (см.: *289*, *290*).

8

Мы уже указывали, что перевод Кострова в сущности положил конец русским прозаическим переводам макферсоновского Оссиана, дальнейшее освоение которого приняло в основном форму стихотворных переложений и подражаний. Впрочем, до конца XVIII в. такие переложения были еще единичными явлениями. Регулярно они начали появ-

[13] См.: *Гозенпуд А.* А. А. Шаховской. — В кн.: *Шаховской А. А.* Комедии, стихотворения. Л., 1961, с. 59.

lib.pushkinskijdom.ru

ляться в печати примерно с 1803 г. В 1811—1813 гг. число таких публикаций уменьшилось (возможно, в связи с издательскими трудностями военного времени).[1] Но с 1814 г. стихотворные обработки поэм Оссиана следуют одна за другой, достигают наибольшего числа к концу 1810-х гг., после чего начался постепенный спад.

Если проследить, какие именно поэмы Оссиана—Макферсона привлекали русских поэтов, то бросается в глаза несомненная избирательность. Чаще всего они обращались к «Песням в Сельме» и «Картону», и это не случайно. Обе поэмы при небольшом объеме вобрали в себя как бы в концентрированном виде основные особенности и главные мотивы оссианической поэзии Макферсона. Недаром Карамзин переводил именно их. В «Картоне» содержатся и драматические истории (рассказ Клессамора о женитьбе на Мойне и последующей разлуке; роковое единоборство отца с неузнанным сыном), и описание сражения (бой дружин Фингала и Картона), и победный гимн бардов, открывающий поэму, и размышления о бренности жизни и тщете человеческих стремлений (песнь Фингала о павшей Балклуте), и воспевание единственной достойной цели — славы, обретенной подвигами (гимн Оссиана солнцу).[2] «Песни в Сельме» — воспоминание о состязаниях певцов в королевском дворце Сельме — объединяют три плача о погибших, но каждый плач имеет особый характер: дева Кольма оплакивает брата и возлюбленного, которые убили друг друга; Альпин прославляет павшего Морара, великого героя, ныне обращенного в прах; плач Армина — сюжетное повествование о трагической гибели его детей.

К «Песням в Сельме» обращались двенадцать русских поэтов, к «Картону» — одиннадцать. Не все, правда, перелагали поэмы полностью. Первая имеет пять полных переложений (*71*, *78* и *88*, *127*, *136*, *302*), вторая — четыре (*32*, *186*, *288*, *301*). Из «Песен в Сельме» выделялся плач Кольмы (*28*, *105*, *154*, *300*), обращение к вечерней звезде,

---

[1] Державин писал В. В. Капнисту 30 декабря 1813 г., что в Беседу любителей русского слова представлены для прочтения «многие подражания Оссиану» (*Державин*. Соч., т. VI. СПб., 1871, с. 279).

[2] Анонимный русский журналист писал: «Стоит только прочесть поэму „Картон“, по моему мнению, совершеннейшую из всех Оссиановых поэм, чтобы увериться в тех неописанных красотах, пылком воображении и великом уме, коими одарен был Оссиан» (*96*).

lib.pushkinskijdom.ru

открывающее поэму (*201*, *268*), другие эпизоды (*165*, *246*); из «Картона» — рассказ Клессамора (*111*, *188*, *214*), песнь Фингала о падении Балклуты (*72*, *118*, *152*, *214*, *287*, *303*), гимн Солнцу (*33*, *226*). Следующее место по числу стихотворений (9) занимает приложение к поэме «Берратон», известное как «Плач Минваны над Рино» (*44*, *89*, *106*, *120*, *162*, *167*, *287*, *317*, *318*) — скорбные причитания девушки над павшим возлюбленным, созвучные элегической лирике этого времени.

Пользовалась успехом и сама поэма «Берратон». Правда, полное переложение было только одно (*301*). Четыре поэта, изъяв повествовательную часть, объединяли начало и конец, где Оссиан вспоминает ушедшие годы, павших героев и прощается с жизнью, уповая на грядущую славу, и это представлялось читателям как «Последняя песнь Оссиана» (*79*, *166*, *239*, *248*). Остальные поэмы перелагались лишь в единичных случаях. По три стихотворных переложения имеют вставной эпизод Комала и Гальвины из второй книги «Фингала» (*148*, *211*, *262*) и повесть об Оскаре и Дермиде (*9*, *141*, *183*). Только один поэт (Н. Ф. Грамматин) отважился на создание полного стихотворного переложения эпической поэмы «Темора», но не смог довести до конца свое предприятие. В отношении же «Фингала» не было даже таких попыток.

Отмеченный нами отбор отчасти был связан с переложениями французских поэтов Мари-Жозефа Шенье (1764—1811), и особенно П.-М.-Л. Баур-Лормиана (1772—1854), выпустившего в 1801 г. целый том эффектных оссианических стихотворений.[3] Оба поэта переложили (в основном по переводу Летурнера) «Песни в Сельме», плач Минваны, гимн к Солнцу из «Картона», оба по «Берратону» создали «Последнюю песнь Оссиана». Среди переложений Баур-Лормиана были «Песнь Фингала на развалинах Балклуты», «Смерть Оскара и Дермида». В одних случаях русские поэты переводили французские стихи непосредственно (см.: *72*, *226*, *239*, *263*, *282*, *287*, *303*, *318*), в иных — следовали примеру предшественника в выборе темы. Впрочем, здесь возможны и совпадения, когда два поэта, русский и французский, независимо друг от друга,

---

[3] Ossian, barde du troisième siècle. Poésies galliques en vers français. Par P. M. L. Baour Lormian. Paris, an IX [1801]. — Сборник переиздавался с добавлениями.

lib.pushkinskijdom.ru

сочли выигрышным один и тот же фрагмент из поэм Оссиана.[4]

Что же касается оссиановских произведений Э. Гарольда, изданных в прозаическом русском переводе в 1803 г. (*67*), то они перекладывались стихами в единичных случаях (см.: *70, 128, 130, 170, 185, 199, 202*), и только одна из этих поэм — «Ларнуль, или Отчаяние» перелагалась дважды (*184, 187*). А из оссиановских поэм Смита стихотворной обработке подвергся единственный отрывок из поэмы «Падение Туры» (*171*). Как видно, «Стихотворения эрские или ирландские» (см. *126*) не вызвали сколько-нибудь серьезного интереса.

Если, рассматривая здесь комплекс русских стихотворных откликов на поэзию шотландского барда, мы зададимся вопросом, какое место эти произведения занимали в творчестве их создателей, то обнаружим, что для подавляющего большинства русских поэтов обращение к Оссиану в той или иной форме было лишь эпизодом в их творческой биографии, не слишком продолжительным, как правило. В. Н. Олин, перелагавший оссиановские поэмы свыше десятилетия, или упомянутый Н. Ф. Грамматин, который занимался этим с юных лет до конца жизни, составляют исключение. Более того, для многих поэтов обращение к Оссиану было не только эпизодическим, но относилось к началу их творческого пути (у некоторых с этим было связано первое выступление в печати). Едва ли следует удивляться тому, что престарелый бард стал любимым поэтом юношества. Сам Макферсон был молод, когда создавал его образ и поэтический мир. В некоторых учебных заведениях почитание Оссиана стало традицией, сохранявшейся на протяжении десятилетий. Особенно это относится к Московскому университетскому благородному пансиону, откуда вышли многие переводчики оссиановских поэм и авторы стихотворений на оссианические темы.

Юношеское увлечение Оссианом переживали самые разные поэты, отличавшиеся друг от друга и размерами дарования, и творческими судьбами, и значением в истории литературы, и даже относившиеся к разным поколениям и литературным группировкам. Среди них не только гении —

[4] Например, Баур-Лормиан, перелагая эпизод Комала и Гальвины из «Фингала», назвал героя Армин. Следовательно, русские переложения, где герой зовется Коннал (по Летурнеру и Кострову), с ним прямо не связаны.

lib.pushkinskijdom.ru

Пушкин и Лермонтов, не только выдающиеся деятели русской литературы — Гнедич, Батюшков, Катенин, Языков, Веневитинов, но и забытые ныне, известные лишь специалистам А. П. Бенитцкий, Д. П. Глебов, А. А. Крылов, Ф. И. Бальдауф, В. Е. Вердеревский, В. Н. Григорьев, А. Н. Муравьев и многие другие. Свои оссианические произведения они создавали до 25 лет, а некоторые (в том числе Катенин, Пушкин, Лермонтов) — до 20. По-видимому, для этих поэтов первой трети XIX в. оссианизм являлся некоей ступенью на пути к овладению романтической поэтикой.

Как известно, повесть об Оскаре и Дермиде была первым «отрывком», с которого Макферсон начал создавать своего Оссиана.[5] Случилось так, что именно она послужила основой первого русского оссианического стихотворения, которое принадлежало И. И. Дмитриеву (1760—1837) и появилось под заглавием «Любовь и дружество» в 1791 г. (*9*). Но создано оно было раньше, в 1788 г., когда Дмитриев, в то время офицер, находился в Финляндии по случаю войны со Швецией. Впоследствии он вспоминал, что его окружала там «природа, дикая, но Оссияновская, везде величавая и живописная: гранитные скалы, шумные водопады, высокие мрачные сосны».[6] Для своего стихотворения он воспользовался переводом во французском сборнике «Избранные эрзийские сказки и стихотворения», откуда его брат почерпал материалы для своих «Поэм древних бардов» (ср. *5*). Рассказ из сборника И. И. Дмитриев пополнил по переводу Летурнера и добавил к нему собственное вступление, где заявлял: «я петь стихи печальные хочу» и посвящал их «священну дружеству».

Стихотворение относится к раннему этапу творчества Дмитриева: тогда он писал в основном печальные лирические песни, согласные с сентименталистской концепцией «мучительной радости».[7] «Любовь и дружество» написаны в том же эмоционально-стилистическом ключе. Мужественный воин Оскар, не желая того, сражает на поединке своего друга и соперника в любви Дермида, а их возлюблен-

---

[5] См.: *Saunders B.* The Life and Letters of James Macpherson. New York, 1968, p. 69—70.

[6] *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь. М., 1866, с. 50.

[7] См.: *Макогоненко Г.* «Рядовой на Пинде воин». (Поэзия Ивана Дмитриева). — В кн.: *Дмитриев И. И.* Полн. собр. стихотворений. Л., 1967, с. 29—30.

lib.pushkinskijdom.ru

ная так же нечаянно убивает Оскара и в безутешном горе закалывается. Эта история изложена патетически и чувствительно.

Три жертвы, бедственно любовию сраженны,
По смерти стали быть навеки сопряженны.
Чувствительны сердца их вместе погребли
И кроткий памятник над ними вознесли...

Так кончает русский поэт трагическое повествование, добавляя характерную сентиментальную концовку:

Невинны пастыри незлобивых овец
Стекаются вкушать при гробе сем отраду,
Где, вспомня жалостный почиющих конец,
Лиют потоки слез, забыв идти ко стаду.

Стихотворение появилось в «Московском журнале», помещенное туда Карамзиным, как утверждал Дмитриев, «по собственному его произволу».[8] Сам Дмитриев не включал его в свои сборники и в дальнейшем поэм Оссиана не перелагал, хотя и одобрял обращение к шотландскому барду молодых поэтов (в частности Н. Ф. Грамматина).

Следующее хронологически стихотворение В. Л. Пушкина (1770—1830) «Колма» (*28*) не имело особого значения. Переложенный шестистопным нерифмованным ямбом эпизод из «Песен в Сельме» получился вялым и однообразным.

Се ночь!.. и я одна оставлена на холме!
Куда укрыться мне от бури, от дождя?
На каменных горах шум ветров раздается!
Потоки мчатся в дол... Куда укрыться мне?..

Сам автор чувствовал слабость стихотворения. Он специально подчеркнул случайный его характер и довольно проницательно высказал сомнение, не «противятся» ли стихам «течение и гармония» «Оссиановых песен» (см. *28*). Характерно, что и В. Л. Пушкин не включил свой оссианический опыт в прижизненный стихотворный сборник.

Более эмоциональной была появившаяся в карамзинских «Аонидах» «Минвана» (*44*) М. М. Вышеславцева (род. 1758), переводчика, в чьем творчестве преобладали

---

[8] *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь, с. 69.

lib.pushkinskijdom.ru

сочинения религиозного толка. В числе его переводов были также апокрифические «Письма Фонтенеля и Юнга»,[9] и отзвуки юнгианского надгробного плача обнаруживаются в его оссиановском стихотворении.

Увы! Фингалов сын лежит в долине браней!
Рука сильнейшая повергла в гроб его.
Осталась я одна, осталась ненадолго,
Как страшно воет ветр, волнует мне власы!
Не долго мне вздыхать и выть не долго с ветром.
О друг души моей! не вижу я тебя!

(*44*, с. 308)

Для поэтической трактовки оссиановской темы в русском сентиментализме несомненный интерес представляет самостоятельное (хотя и представленное как перевод) стихотворение М. Н. Муравьева «Романс, с каледонского языка переложенный» (*81*).[10] Жанровое определение «романс» сближало его с сентименталистскими подражаниями народным песням; той же цели служил и стихотворный размер — хорей.

Лес священный, помаваешь
Со крутых своих вершин.
Кажется, что ты взываешь:
«Встань, Фингалов бодрый сын!»

Далее в образе «Фингалова сына», не названного по имени певца и воина, который погиб в расцвете сил, контаминируются и сын Фингала Оссиан и его внук Оскар, сын Оссиана, бесстрашный вождь, павший в юности (стихотворение обращено к подруге погибшего — Мальвине, которую Макферсон представлял как невесту Оскара и спутницу престарелого Оссиана). Этот «витязь юный» некогда «На горах гремел восточных Посреди своих врагов», а в мирные часы «арфы стройны струны Гласом сладким провождал». Оссиановский герой приобретает обычный в сентименталистской поэзии облик юного певца, до вре-

---

[9] Об этих «письмах» см.: *Ям К. Е.* Произведения Фонтенеля в России в XVIII—начале XIX в. — Французский ежегодник. 1976. М., 1978, с. 189—191.

[10] Стихотворение предположительно датируется 1804 г. (см. *81*). Впервые опубликовано в издании «Библиотеки поэта» (1967) с неточностями. Ниже цитируется по автографу (ГПБ, ф. 499, № 24, л. 10—10 об.), в прочтении которого большую помощь оказал В. Э. Вацуро.

lib.pushkinskijdom.ru

мени угасшего. Муравьев оперирует характерными для этого направления образами и сравнениями: «Смерти хладно покрывало Не сорвет рука его». Или:

Так, как утренней росою
Оживленный только цвет
Пожинается косою.
Так упал он в цвете лет.

«Блестящий дух» умершего, «со облаком парящий», объединяет обычную у Оссиана тень павшего и христианское представление о душе в загробных скитаниях. Показателен дидактический характер завершающей романс строфы:

Он окончил дней теченье —
Нас волнует жизни ток.
Бойтесь бури: в небреженье
Не застал бы лютый рок.

9

Стремление связать оссиановские темы с русской фольклорной поэтикой, которое еще слабо обнаруживается в «романсе» М. Н. Муравьева, несравненно больше проявилось в творчестве других поэтов. Мы уже отмечали зависимость оссиановских поэм Макферсона от европейского преромантического фольклоризма, развитию которого они в то же время способствовали. И в России творения легендарного шотландского барда попадали в русло близких идей. Русские писатели в это время сами обращались к фольклору,[1] и поэмы Оссиана, осмыслявшиеся как воплощение народной поэзии Севера, казались им близкими. Художественные особенности этих поэм: сочетание дикости и величия, мрачные, преимущественно ночные и туманные пейзажи, скорбный меланхолический тон — все это распространялось на северную поэзию вообще, включая и русскую. Оссиан служил, таким образом, неким подспорьем при освоении русскими поэтами отечественного народного творчества. А это имело и обратное последствие: в родном

[1] См.: *Пыпин А. Н.* История русской литературы, т. IV. СПб., 1907, с. 110—112; Русская литература и фольклор (XI—XVIII в.). Л., 1970, с. 226—247.

lib.pushkinskijdom.ru

фольклоре они искали формы для пересоздания творений шотландского барда по-русски. На рубеже XVIII и XIX вв. крупнейшие русские писатели — Херасков, Радищев, Карамзин, Капнист экспериментировали, стремясь воспроизвести в своем творчестве формы народной поэзии. Со временем такие эксперименты захватили и переложения поэм Оссиана. И первый опыт в этом направлении принадлежал В. В. Капнисту.

Обладая сравнительно скромным поэтическим дарованием, Василий Васильевич Капнист (1758—1823) был, однако, поэтом ищущим. Его стихотворные опыты в конце XVIII в. касались, в частности, возможностей использования в поэзии «простонародных» размеров. На него влиял близкий ему Н. А. Львов, деятельный пропагандист сближения родной литературы с народным творчеством. Львов подал пример, когда извлек из датской истории Малле «Песнь норвежского витязя Гаральда Храброго» и переложил ее «на российский язык образом древнего стихотворения с примеру „Не звезда блестит далече во чистом поле...“».[2] Капнист сам признавался: «Пользуясь советами его (Львова, — *Ю. Л.*), перевел я небольшую поэму Оссиянову „Картона“, поместя в оной для сравнения как простонародными песенными, так и общеупотребительными ныне размерами сочиненные стихи».[3] Делал же он это, как писал в предисловии к переводу, «вникая в коренное народное русское стихосложение... и сожалея, что отечественное богатство сие коснеет в презрении» (*160*).

Создав своего «Картона» еще в 1790-е гг., Капнист на протяжении по крайней мере двух десятилетий неоднократно возвращался к нему: переделывал отдельные строки, заменял в некоторых местах белый стих на рифмованный и т. д.[4] Его перевод-переложение (*32*) в основном

---

[2] Поэты XVIII века, т. II. Л., 1972, с. 211.

[3] *Капнист В. В.* Собр. соч. в 2-х т., т. II. М.—Л., 1960, с. 210.

[4] До сих пор «Картон» Капниста публиковался по списку, хранящемуся в Институте русской литературы АН СССР (ИРЛИ, ф. 122, № 71; см.: *32*; *Капнист В. В.* Собр. соч. в 2-х т., т. II, с. 8—23). Список этот, судя по водяному знаку на бумаге, сделан не ранее 1812 г. Между тем в Центральной библиотеке АН УССР хранится автограф «Картона», писанный на бумаге 1803 г. (шифр: I. 5674). Здесь содержится разновременная правка, лишь часть которой учтена в списке ИРЛИ; остальная правка производилась, очевидно, после изготовления списка. Таким образом, автограф дает возможность установить последнюю редакцию поэмы, созданную

lib.pushkinskijdom.ru

состоит из фрагментов, написанных белыми и рифмованными стихами двухсложных силлабо-тонических размеров различной стопности — ямбов (в том числе и вольных) и хореев. Но между ними Капнист поместил несколько вставок, имитирующих народный стих, например, как он писал, «по размеру простонародной песни „Кровать моя кроватушка, кровать тесова́я“»:

Я видел сам огромные балклутские башни;
Но пусты уж, оставлены их теремы были.
Пожрал огонь с оградою высокие кровы.
Народа глас не слышался, и стремленье Клуты
С стези своей свратилося твердых стен паденьем.

(*32*, с. 253)

Или по размеру песни «У соловушки, у голубчика одна песенка» (строенный пятисложник):

Но в сражениях | многочисленных | отличился я;
И в далекие | царства слух о мне | простирается.
Не грози ты мне; | и не здесь ищи | робких слабых душ,
Чтоб совет им дать | пред царем твоим | покоритися.

(*32*, с. 257)

В «Картоне» содержится пять подобных отрывков, созданных по образцу русских народных песен. Насколько внимательно изучал Капнист в этой связи образцы народной поэзии, свидетельствуют его записи на полях автографа, где не только приводится название песни, служившей образцом, но и дается графическое изображение принятого размера.[5]

Капнист читал свой опыт Хераскову и Карамзину и снискал их одобрение. Однако он так и не решился опубликовать поэму целиком, опасаясь, как признавался, «дабы лютые критики не взяли и самого меня в их мучительные тиски» (*161*). Из всего «Картона» в 1796 г. был напечатан лишь заключительный «Гимн к Солнцу» (*33*), состоящий из 8-строчных строф канонического 4-стопного ямба. Только спустя два десятилетия Капнист включил в свое «изыскание» о «коренном российском стихосложении» отрывок «простонародного» размера «Я видел сам

около 1815 г. В настоящее время эта редакция публикуется в приложении к изданию «Поэм Оссиана» Джеймса Макферсона в серии «Литературные памятники».

[5] ЦНБ АН УССР, I. 5674, л. 4 об., 7 об.

lib.pushkinskijdom.ru

огромные балклутские башни» с последующим «правильным» отрывком, чтобы наглядно показать, «каким образом русского коренного состава стихи могут по произволу сливаться с ямбическими, ныне общеупотребляемыми стихами» (*152*).

Целиком «Картон» Капниста был опубликован почти через полтора века после создания. Поэтому, хотя этот опыт соединения Оссиана с русским народным стихом и предварял соответствующие искания Н. И. Гнедича, Н. Ф. Грамматина, Ф. Ф. Иванова и других в 1800-е гг., влияния на них он не оказал.

Среди сентименталистских опытов конца XVIII в. по сближению литературы с фольклором важное место занимает незавершенная сказочно-богатырская поэма Карамзина «Илья Муромец» (1794). Написав ее белым 4-х стопным хореем с дактилическими окончаниями, Карамзин утверждал, что эта «мера» «совершенно русская. Почти все наши старинные песни сочинены такими стихами».[6]

Утверждение было не вполне точным,[7] но оно отвечало потребностям времени. В пору, когда возникло стремление реформировать литературу на фольклорной основе, был установлен размер, признанный национальным, народным. Впечатление народности создавалось сочетанием хорея, к которому, считалось тогда, тяготеет русская песня, с дактилической клаузулой, свойственной былинному стиху.[8] Этот размер, встречавшийся и раньше (у Сумарокова, Попова), теперь получил названия «русского стиха», «русского размера», «русского склада». Использовавшийся по примеру Карамзина в сказочных поэмах («Бахарияна» Хераскова, 1803; позже «Бова» Пушкина-лицеиста, 1814), «русский склад» получил в начале XIX в. и более широкое распространение, стал применяться в эпических произведениях (например, поэма Востокова «Певислад и Зора», 1804) и даже лирических — таких, которые ориен-

---

[6] *Карамзин Н. М.* Полн. собр. стихотворений. М.—Л., 1966, с. 149.

[7] См.: *Томашевский В. В.* Стилистика и стихосложение. Курс лекций. Л., 1959, с. 374; ср.: *Штокмар М. П.* Исследования в области русского народного стихосложения. М., 1952, с. 20.

[8] См.: *Астахова А.* Из истории и ритмики хорея. — В кн.: Поэтика. Временник Отдела словесных искусств Гос. института истории искусств. I. Л., 1926, с. 60—63. См. также уточнения к статье А. М. Астаховой: *Вишневский К. Д.* Русская метрика XVIII века. — В кн.: Вопросы литературы XVIII века. Пенза, 1972, с. 192—196.

lib.pushkinskijdom.ru

тировались на народные жанры: песни, плачи, причитания. Характерно, что этим размером было осуществлено еще в 1805 г. первое переложение «Слова о полку Игореве», а затем и несколько последующих. За «русским складом» утвердилась репутация героического, позднее им пользовались при написании патриотических поэм, связанных с Отечественной войной.[9]

Поэзия Оссиана воспринималась как героическая, народная и северная. Поэтому было вполне естественно при передаче ее по-русски обратиться к «русскому складу». Первый шаг в этом направлении сделал Н. И. Гнедич (1784—1833). Увлеченный идеей народности в литературе, молодой поэт, который вскоре обратится к «Илиаде», делает попытку сроднить шотландского барда с отечественным фольклором. В 1804 г. он опубликовал «Последнюю песнь Оссиана»:

О источник ты лазоревой,
Воды льющий из горы крутой,
С пеной белою — жемчужною!
О источник! — покати струи,
Ты разлей струи холодные
По долине чистой *Лутау*...

(*79*, с. 65)

В специальном примечании Гнедич, ссылаясь на мнение «многих», солидарных с ним, утверждал, «что к песням Оссиана никакая гармония стихов так не подходит, как гармония стихов русских» (см. *79*). На одной из рукописных редакций он пометил: «Это не перевод, но подражание Оссиану»[10] и в достаточной мере вольно передавал начало и конец «Берратона», дополняя их мыслями и мотивами из других поэм.[11] Р. В. Иезуитова права, считая, что Гнедич тем самым «усиливает героическое звучание темы прошлого».[12] Но при этом героическая тема проникнута скорбью: прошлое ушло безвозвратно. «И в чертогах праотеческих След героя позабыт уже!» (*79*, с. 69). «В этом стихотворении, — подчеркивал Г. А. Гуковский, —

---

[9] См.: *Соколов А. Н.* Очерки по истории русской поэмы XVIII и первой половины XIX века. М., 1955, с. 373—386.

[10] Чтения в О-ве истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1868, кн. 4, отд. V, с. 69.

[11] См.: Введенский, с. 72—76.

[12] Иезуитова, с. 61.

lib.pushkinskijdom.ru

звучат воинственные мотивы гражданской поэзии и тема гибели народной героики в тусклой современности».[13]

В этой связи характерны добавления к «Берратону», взятые Гнедичем из других поэм Оссиана. Здесь и жалоба певца-воина, пережившего боевых соратников, из заключения к «Фингалу»:

Все герои, все товарищи
Той поры, когда рука моя
Раздробляла щит трелиственный,
Все сокрылись — и оставили
Одинокого на всей земле
Оссиана престарелого,
Седовласого — ослепшего!

(*79*, с. 66)

Здесь и почерпнутая из «Картона» картина запустения на месте былого жилища героя: «Лишь терновник там колеблется, Тихо с ветрами беседуя», и меж развалин «сверкают очи огненны Зверя дикого — пустынного» (*79*, с. 69).

Единственное, что поддерживает барда, это надежда на посмертную славу, которая переживет все, даже саму природу:

...пройдут и ветры бурные,
Почернеет солнце светлое,
Слава *Барда* — будет ясная,
Будет вечно, как заря блистать!

(*79*, с. 69)

Так завершил Гнедич «Последнюю песнь Оссиана». Сходная тональность пронизывает и другое его переложение «Красоты Оссиана, или Песни в Сельме» (*78*, *88*). В примечании поэт оговорил свое вольное обращение с источником, чтобы «все красоты *Оссиана* слить в эти песни» и таким образом «показать, каков *Оссиан*» (*78*, с. 100). В сущности это был «опыт воссоздания целостного облика стиля Оссиана как замкнутого эстетического канона, противостоящего гомеровскому».[14] Одни места Гнедич распространял (например, обращение к вечерней звезде), другие изымал (например, плач о Мораре), третьи видоизменял согласно своему замыслу (так, в рассказе Армина обман Дауры Эратом только упомянут) и т. п. Но главное состояло в сближении Оссиана с поэтикой русского на-

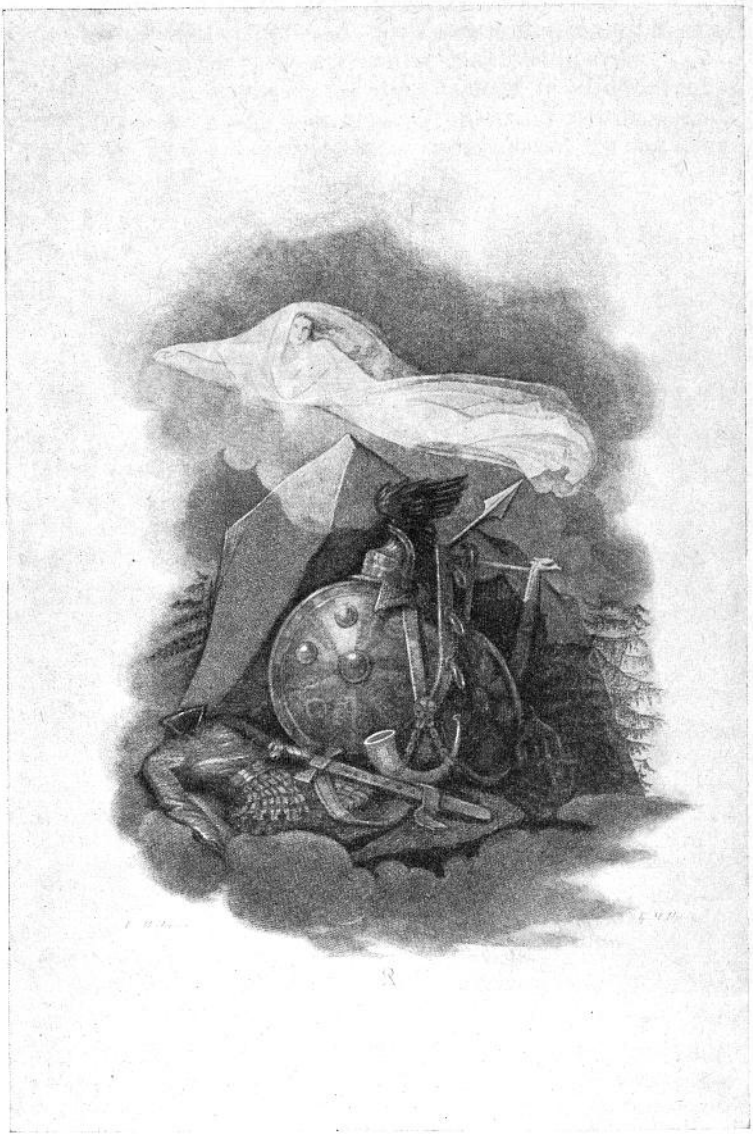
[13] *Гуковский Г. А.* Пушкин и русские романтики. М., 1965, с. 241.
[14] Там же, с. 240.

lib.pushkinskijdom.ru

«Оссиан»
Литография Н. И. Тончи (М., 1839)
Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина

Ю. Д. Левин

lib.pushkinskijdom.ru



«Фингал»
Заставка к трагедии В. А. Озерова
Гравюра М. Иванова с рисунка И. Иванова

lib.pushkinskijdom.ru

родного творчества. Воссоздание фольклорных параллелизмов содержалось и в поэмах Оссиана—Макферсона, но у Гнедича число их множится. «Так звучали арфы стройные, Так гремели барды славные» (*88*, с. 64), вводит русский поэт повтор, отсутствующий в оригинале. Этот прием особенно характерен для русских плачей и причитаний, и Гнедич соответственно стилизовал жалобы оссиановских героев. Приведем один пример того, как он преобразовывал текст Кострова, на который, видимо, опирался. Кольма обращается к брату и возлюбленному, сразившим друг друга.

Костров: «О друзья мои! беседуйте со мною, услышьте голос мой. Но увы! они безмолвны, они безмолвны навсегда; сердца их уже охладели и не бьются под моею рукою» (*12*, т. I, с. 284—285).

Гнедич:

Вы молчите? Побеседуйте —
Хоть полслова вы скажите мне,
Хоть полслова — на стенания;
Но увы! они безмолвствуют!
Навсегда уже безмолвствуют!
Уж не бьются и сердца у них —
Не забьются никогда они!

(*78*, с. 104)

Так оссианизм соединялся с русской народной поэзией.

«Песнями в Сельме» закончились переложения Гнедича из Оссиана. Правда, три года спустя в упомянутом выше послании «К К. Н. Батюшкову», призывая друга перенестись в мечтах «в страны Морвена», он описывал Оссиана и его героев:

Узрим, как Бард слепой мечтает,
В восторг священный погружен,
И лирою златой бряцает,
Тенями предков окружен;

Как сам Тренмор, отец героев,
Чертог воздушный растворив,
Лежит на тучах в сонме воев,
Ко старцу взор и слух склонив;

Вдали там легка тень Мальвины,
С златою арфою в руках,
Обнявшись с тению Моины,
Плывут в туманных облаках.

(*132*)

lib.pushkinskijdom.ru

Вновь подчеркивается, что этот героический мир — в прошлом, но теперь уже он не соотносится с русской народной поэзией. Напротив, нагнетание на ограниченном 20-строчном пространстве типичных оссиановских мотивов, реалий и имен характеризует не только поэта и его стиль, «но и облик народа, создавшего его».[15] Оссиановский мир представлен как самостоятельный, равный по значению другим поэтическим мирам — Гомера, Тасса, — но отличный от них. Ниже мы покажем, что в этом отразился новый этап осмысления Гнедичем фольклора. Однако его опыт русификации оссиановской поэзии не прошел даром. То один, то другой поэт принимались вслед за ним сближать Оссиана с отечественной народной поэзией, применяя для этого «русский склад».

Ориентируясь на использование Гнедичем поэтики народных причитаний, П. Медведев в 1805 г. передает плач Минваны (*89*) и создает самостоятельное подражание Оссиану — жалобу воина на гибель возлюбленной, которая, не дождавшись его возвращения, утопилась с горя (*90*). Два года спустя Ф. Ф. Иванов (1777—1816), радикально настроенный поэт, стяжавший в дальнейшем известность как драматург, опубликовал новое переложение «Плача Минваны» «русским складом»:

С сердцем, грустию исполненным,
И с лицом, от слез зардевшимся,
Ждет *Минвана* белогрудая
Мила друга с поля ратного,
С поля ратного, кровавого.

(*106*)

Тем же размером в 1809 г. Д. П. Глебов (1789—1843) переложил «Крому» (*119*), в 1810 г. Н. М. Кугушев — «Сулиму» (*128* — из оссиановских поэм Гарольда) и некий М. . . . .й — «Смерть Кушуллина» (*129*).

В пору начавшихся в 1805 г. войн с наполеоновской Францией обрусение оссиановских поэм приобретало особое значение. Плач Минваны или Сулимы естественно проецировался на русских жен, невест, сестер, которые оплакивали своих близких, погибших под Аустерлицем, Прейсиш-Эйлау и Фридляндом. Конкретный, близкий смысл получало и содержавшееся в «Смерти Кушуллина» и «Кроме» прославление доблести героя, павшего в правой

[15] Там же, с. 243.

lib.pushkinskijdom.ru

битве, защищая родную землю. В заключении последней поэмы старец-король возглашает:

Сын мой кончил жизнь со славою,
Он на брани с смертью встретился.
Счастлив тот, кто, млад оставя свет,
Оставляет имя громкое;
Его память знаменитая
Воспоется в песнях бардами,
А младые красны девушки
Будут вечно слезы лить о нем.

(*119*, с. 326—327)

Нетрудно понять, какие ассоциации вызывали эти строки в сознании русских читателей 1809 г.

Хотя в 1810-е гг. число стихотворных переложений Оссиана возрастало, «русский склад» при этом применялся реже, и такие опыты носили обычно подражательный, ученический характер. Такова «Минвана» Фортунатова в «Украинском вестнике» 1816 г. (*162*), два переложения в сборнике Московского университетского благородного пансиона «Труды друзей» (1818). подписанные М. Ф.: «Картон» (*186*) и «Ларнуль, или Отчаяние» (*187*) и, наконец, «Отрывок из Картона» за подписью Z в «Благонамеренном» (*188*). В 20-е гг. «русский склад» вышел из употребления,[16] и поэты-переводчики Оссиана к нему уже не обращались. Исключение составлял лишь Н. Ф. Грамматин. на деятельности которого следует остановиться особо.

Николай Федорович Грамматин (1786—1827), поэт и филолог, происходил из костромских дворян. С 1802 по 1807 г. он учился в Московском университетском благородном пансионе, затем в университете, где в 1809 г. получил степень магистра за «Рассуждение о древней русской словесности» (*122*). Его первые стихи появились в сборниках пансиона «И отдых в пользу» и «Утренняя заря». Владея несколькими европейскими языками, Грамматин по окончании пансиона предпринял первый свой филологический труд — составление англо-русского словаря.[17] Последующая чиновничья служба не прекратила его литературной и ученой деятельности, и он сотрудничал в журналах.

---

[16] См.: *Трубицын Николай*. О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века. СПб., 1912, с. 308.

[17] Новый английско-российской словарь, составленный... Николаем Грамматиным. Ч. I. От А до I. М., 1808.

lib.pushkinskijdom.ru

В 1811—1812 гг. Грамматин служил в Министерстве юстиции, куда его пригласил И. И. Дмитриев, в то время министр юстиции. В 1812 г. Грамматин переехал в Кострому и до 1819 г. был директором костромской гимназии, после чего вышел в отставку и поселился в своем имении, продолжая до конца жизни литературные труды.[18]

Его первое переложение из Оссиана, отрывок из второй книги «Фингала» «Видение Коннала» (*80*), появилось в том же году, что и оссиановские опыты Гнедича. Не исключено, что оба поэта воспользовались «русским складом» независимо друг от друга, тем более что Гнедич находился в Петербурге, а Грамматин — в Москве. Но можно предположить и косвенную связь между ними через А. Ф. Мерзлякова.[19] Однако это относится к области догадок. Достоверно же известно, что к трудам Грамматина имел прямое отношение Дмитриев, первооткрыватель Оссиана для русской поэзии. Дмитриев обратил внимание на способного юношу, когда тот еще был в пансионе, а дав ему место в министерстве, поселил его у себя. Впоследствии, посвящая ему своего «Картона», Грамматин вспоминал, что Дмитриев «кротким одобрением» побудил его «Состязаться в песнопении Со Омиром хладна Севера... С Оссианом нежным, пламенным!» (*306*, с. 137). Благодаря за посвящение, Дмитриев писал 21 марта 1820 г.: «...мне очень нравились и первые ваши опыты, и я не однажды убеждал вас к продолжению оных». И далее он просил: «...подарите нашу словесность полным переводом шотландского барда. Желал бы притом, чтоб вы не употребляли другого размера».[20]

---

[18] См.: [*Грамматин А. Ф.*] Николай Федорович Грамматин. — Сын отечества, 1827, ч. CXVI, № 23—24, с. 223—236; *Андроников В. А.* Памяти Н. Ф. Грамматина. Кострома, 1904.

[19] В 1800—1802 гг. Гнедич до переезда в Петербург учился в Московском университетском пансионе и сблизился с Дружеским литературным обществом, к которому принадлежал Мерзляков и где часто беседовали об Оссиане (см. ниже), а также ценили «русские стопы» поэмы Карамзина «Илья Муромец» (см.: *Фомин А.* Андрей Иванович Тургенев и Андрей Сергеевич Кайсаров. — Рус. библиофил. 1912, № 1, с. 26). Не здесь ли возникла мысль об использовании этого размера для переложений Оссиана (вспомним слова Гнедича о «многих» единомышленниках в этом вопросе)? В свою очередь Грамматин, попав в тот же пансион, примыкал к литературному окружению Мерзлякова и Жуковского и мог получить отсюда творческий импульс.

[20] *Дмитриев И. И.* Соч., т. II. СПб., 1895, с. 262.

lib.pushkinskijdom.ru

Такая рекомендация, видимо, соответствовала намерениям самого Грамматина. Начав в 1804 г., он не оставлял переложений Оссиана в течение всей своей сравнительно недолгой творческой жизни, совмещая их с другими своими работами. После «Видения Коннала» он через два года опубликовал поэму «Конлат и Кютона» (*97*). Из «Сельмских песен» он сперва напечатал небольшой отрывок «Романс Кольмы» (*105*), затем расширил его и, наконец, включил в сборник своих стихов «Досуги» (1811) полный перевод поэмы (*136*). Так же поступил он с «Картоном», опубликовав в 1808 г. отрывок «Клессамор» (*111*); более обширный отрывок с тем же заглавием появился в «Досугах». Полностью же поэма была переведена, судя по письму Дмитриева, около 1820 г., а напечатана была лишь в посмертном издании «Стихотворений Грамматина» (*301*). Там же впервые появились шесть из восьми песен «Теморы» и «Берратон», а старые переложения печатались в заново отредактированном виде. Все они были объединены заглавием «Древние гальские песнотворения», снабжены предисловием и примечаниями.

Страстный приверженец романтического фольклоризма, Грамматин проявлял широкий интерес к древним памятникам словесности разных народов и выступал их поборником и пропагандистом. «Веки, называемые нами варварскими, гораздо благоприятнее для поэзии веков просвещения и философии», — утверждал он.[21] Имитируя разные формы народного стиха, он перелагал и «Слово о полку Игореве», и «Краледворскую рукопись» (не подозревая, разумеется, что это подделка), и библейские фрагменты («Древние еврейские песнотворения»). К народному стиху прибегал он и в оригинальном творчестве.

В круг этих интересов входили и его труды над Оссианом. Это был поистине труд упорный и длительный. В отличие от большинства современных ему поэтов Грамматин читал Оссиана по-английски. Он изучал «рассуждения» Макферсона, «Критическое рассуждение» Блэра (отрывок из которого перевел еще в пансионе; см. *100*) и использовал их для предисловия и примечаний. Грамматин знал об оссиановской полемике, но нимало не сомневался в достовер-

---

[21] *Грамматин Николай.* Рассуждение о древней русской словесности. М., 1809, с. 10.

lib.pushkinskijdom.ru

ности публикаций Макферсона. «Что Оссиан жил и пел на гальском языке, в том нет никакого сомнения», заверял он читателей (*307*, с. 3).

В его представлении Оссиан с Гомером — «два величайшие епические песнопевца, каковых когда-либо произвела природа». «Живое и верное изображение природы» делает их «неподражаемыми» «и творения их драгоценными для самого отдаленного потомства». Самый «*дух Оссиана*» Грамматин находил в «простоте, возвышенности, силе, краткости и живописи слога, т. е. что оный чрезвычайно обилен смелыми и неискусственными фигурами, отличительный признак первобытной поэзии у всех народов, когда самая грубость и бедность языка сему способствуют». Особенно ценил Грамматин «Темору» и равнял ее с «Илиадой»; каждая из этих поэм, писал он, «есть правильный, обширный сад, над украшением которого искусство трудилось не меньше природы» (*255*, с. 11—12, 25, 31). Как мы уже отмечали, он, видимо, хотел перевести «Темору» полностью, и только смерть помешала ему завершить свой труд. Перевод начинается:

Волны синие, Эринские
Улыбаются при свете дня;
Солнца луч златит вершины гор;
Листья шепчут меж собою древ;
Горны, быстрые источники
С шумом льются, извиваются;
Не широкий, но зеленый дол
Простирается меж двух холмов;
Воды светлые источника
Тихо долом протекают тем.
Каирбар один, и в ужасе,
Думу думал на брегах его.

(*301*, с. 11)

И так многими сотнями тянутся однообразные стихотворные строки. Сравним отрывок из грамматинского переложения «Сельмских песен» с соответствующим цитированным отрывком из переложения Гнедича (см. с. 65):

Но увы! друзья души моей!
Вы безмолвны, вы не слышите;
Смерти сон смыкает очи их,
В них сердца не бьются хладные.

(*301*, с. 173—174)

lib.pushkinskijdom.ru

Грамматин ближе к оригиналу, чем Гнедич (который и не добивался близости), но сух и холоден; поэзия фольклорного плача ему чужда.

Оторванный после переезда в Кострому от деятельной литературной жизни столиц, он и не подозревал, что «русский склад» давно уже никого не привлекает. Переложения Грамматина из Оссиана составляют более 5000 строк. Но когда через два года после его смерти они наконец увидели свет в полном объеме, рецензент «Московского телеграфа» отметил, что приверженность поэта к размеру «Ильи Муромца» Карамзина была ошибкой. «Хорошо написать сим метром несколько строк, даже страничек; но Грамматин написал множество песен, пьес отдельных... переводил Оссиановы поэмы упомянутым метром» (*310*). Это был единственный отклик, какого удостоились «Древние гальские песнотворения». Они безнадежно устарели.

Устарели они не только потому, что вышел из моды «русский склад». Изменились и представления о народной поэзии. В сентименталистском фольклоризме упор делался на ее безыскусственность, не искаженную цивилизацией. Национальные различия при этом не улавливались: между фольклорными памятниками разных народов ставился как бы знак равенства. Поэтому и мог Н. А. Львов перелагать на русский лад «песнь норвежского витязя», а Капнист даже в 1813 г. предлагал еще передавать «Илиаду» «размером простонародной песни „Как бывало у нас, братцы, через темный лес“».[22] Но со временем возникает представление о национальном своеобразии литератур, которое первоначально объясняется разными природными условиями существования народов. Радищев еще в 1792 г., размышляя об отличиях в творчестве поэтов, указывал: «... воображение их образовалося всегда окрест их лежащею природою. Воображение Саадиево гуляет, летает в цветящемся саду, Оссианово несется в утлом древе поверх валов. А естьли кто захочет сделать сравнение исповеданий и мифологии народов, в разных концах земли обитающих, то сколь воображение каждого образовалось внешностию, никто не усумнится» (*123*).[23] Отсюда сам со-

---

[22] *Капнист В. В.* Собр. соч. в 2-х т., т. II, с. 193.

[23] Рассуждение Радищева увидело свет лишь в 1809 г. в посмертном издании его сочинений. Позднее о зависимости поэзии «барда Морвена» от природы, его окружавшей, писал К. Н. Батюшков (см. *163*) и, наконец, Н. И. Надеждин (см. *316*).

lib.pushkinskijdom.ru

бою напрашивался вывод, что пересоздание народной поэзии в чуждых национальных формах равносильно ее искажению.

В этой связи примечательна творческая эволюция Гнедича, первого, кто применил «русский склад» для поэзии Оссиана. В своем переводе «Илиады» он вначале, следуя Кострову, считал возможным использовать александрийский стих, но позднее осознал необходимость воссоздания на родном языке древнегреческого гекзаметра.[24] И тогда же он осудил свои юношеские оссианические опыты. В письме П. В. Сушкову от 18 марта 1818 г. он досадовал, что «величавую музу» Оссиана «одевал... не к лицу сельскою одеждою музы русской», и добавлял проницательное суждение: «Размер стиха есть душа его; и чем более поэзия народа оригинальна, тем более формы размеров отличаются особенностию, определяющею свойства стихов и их приличие. Вот, мне кажется, почему народный стих русский, имеющий отличительную, резкую особенность, не свойствен барду Шотландии».[25] Здесь уже проявилось романтическое понимание национального своеобразия, предваряющее пушкинские опыты воссоздания инонациональных культур.

10

Такое понимание национальной специфики утвердилось, однако, лишь к концу 1810-х гг., а для начала XIX в. соотнесение Оссиана с русской поэзией, особенно древней, и с историческим повествованием было еще весьма актуальным. В частности, это проявилось в раннем осмыслении «Слова о полку Игореве», открытого в 1790-е гг. А. И. Мусиным-Пушкиным. Цитированные выше суждения Грамматина об Оссиане извлечены из «Критического рассуждения о Слове о полку Игоревом», предпосланного коммен-

---

[24] См.: *Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков. М.—Л., 1964, с. 147—156, 174—188.

[25] Чтения в О-ве истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1868, кн. 4, отд. V, с. 55—56. — Новые воззрения не помешали, однако, Гнедичу переиздавать «Последнюю песнь Оссиана» в 1818 и 1832 гг., каждый раз улучшая текст. Встречавшаяся с ним около 1820 г. дочь А. Н. Оленина Варвара свидетельствовала в своих записках, что Гнедич «очень любил Осияна» (Вопросы литературы и фольклора. Воронеж, 1973, с. 216—217).

lib.pushkinskijdom.ru

тированному изданию «Слова» (см. *255*). Сравнение «Слова» с поэмами Оссиана было характерной чертой русского оссианизма, и оно проявилось уже в первых откликах на древнейший памятник отечественной словесности. Самый ранний из них принадлежал М. М. Хераскову, который, перерабатывая в 1796 г. свою поэму «Владимир», добавил обращение

О! древних лет певец, полночный Осиян!
В развалинах веков погребшийся Баян!
Тебя нам возвестил незнаемый Писатель;
Когда он был твоих напевов подражатель...

(*39*)

Фигура Бояна, певца-дружинника, ставшего известным благодаря «Слову», «естественно ассоциировалась с Оссианом, и объединение их вскоре стало общим местом.[1] «Боян и Оссиян забвенья стали жертвы», — сокрушался поэт А. А. Палицын в поэме «Димитрий Донской» (*114*). С Оссианом соединялся и «незнаемый» автор «Слова». В «Бахарияне» Хераскова про него говорилось: «Важный в нем Гомер и Оссиян С Ломоносовым сливаются» (*74*).

Из поэзии сопоставление двух памятников перешло в критическую литературу. Еще в 1797 г. Карамзин во французской статье для журнала «Spectateur du Nord» «Несколько слов о русской литературе», сообщая о находке «Слова», добавлял, что его «можно поставить рядом с лучшими местами из Оссиана».[2] В предисловии к первому изданию А. И. Мусин-Пушкин утверждал, что в этой древнерусской «ироической песни» «виден дух *Оссианов*» (*52*). Буквально то же выражение употребил Державин в рассуждении «О лирической поэзии» (*142*).

Грамматин стремился уже конкретно обосновать это сравнение. Он указывал, что еще первые издатели «Слова» отмечали в его авторе «*дух Оссиана*; но в чем этот дух или сходство не сказали». И далее он давал приведенную выше характеристику слога, в котором, считал он, «барды каледонский и славенский сходны между собою» (*255*, с. 25). В другом случае он предлагал «сравнить плач Свя-

---

[1] См.: *Лотман Ю. М.* «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII—начала XIX в. — В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М. —Л., 1962, с. 392.

[2] *Карамзин Н. М.* Избранные соч.. т. II. М.—Л., 1964, с. 147.

lib.pushkinskijdom.ru

тослава и Ярославны с плачем Кутуллина (см. поему Фингал, песнь IV), Мальвины и Оитоны (см. поемы сего же имени). Певец Игоря не уступает в силе чувства певцу Фингала» (*255*, с. 21).

Эти сближения «Слова» и поэм Оссиана в большинстве своем уже отмечались и объяснялись исследователями.[3] С другой стороны, научно раскрыто и доказано принципиальное различие между подлинным памятником древней словесности и псевдоисторической стилизацией XVIII в.[4] Но именно оригинальность и неповторимость «Слова» побуждали на первых этапах его освоения уподоблять его чему-то знакомому и привычному. К тому времени Оссиан уже был хорошо известен в России и воспринимался как образец древней северной воинственной поэзии. Творение Макферсона, приспособленное к современным ему вкусам и эстетическим воззрениям, было ближе и понятнее, чем подлинное древнее произведение, хотя и отечественное. И шотландский бард в каком-то смысле помогал понять древнерусского певца. Это было естественно и закономерно при том уровне, на котором находились русская историческая наука и фольклористика к началу XIX в.

Сопоставление творца «Слова» с Оссианом, а иногда и с Гомером, преследовало и другую цель — доказать, что значение древнерусского памятника не ограничивается национальными рамками, что он имеет широкое международное достоинство и, следовательно, у русских были в прошлом поэты, не уступавшие великим гениям других народов. «Песнь полку Игореву свидетельствует, что и славяне имели своих *Оссиянов*», — писал в 1801 г. Павел Львов.[5] Позднее Капнист, переводивший «Слово», отмечал в предисловии: «...вскоре после введения к нам христианства имели мы уже собственного Оссияна в творце песни о несчастном ополчении храброго князя Игоря».[6]

---

[3] См.: *Сиповский В.* Следы влияния «Слова о полку Игореве» на русскую повествовательную литературу первой половины XIX столетия. — Изв. АН СССР по рус. яз. и словесности, 1930, т. III, кн. 1, с. 240—241; *Елеонский С. Ф.* Поэтические образы «Слова о полку Игореве» в русской литературе конца XVIII—начала XIX вв. — В кн.: «Слово о полку Игореве». Сб. статей. М., 1947, с. 97. 107—111; Иезуитова, с. 59—60.

[4] См.: *Лотман Ю. М.* «Слово о полку Игореве...», с. 364—381.

[5] Иппокрена. 1801, ч. IX, с. 106.

[6] *Капнист В. В.* Собр. соч. в 2-х т., т. II. М.—Л., 1960, с. 90.

lib.pushkinskijdom.ru

К этим суждениям примыкает «Речь о пользе вообще слова и свойствах российского языка», произнесенная в 1803 г. профессором Виленского университета, членом Вольного общества любителей словесности, наук и художеств И. И. Чернявским.[7] Он утверждал, что еще в XII в. на русской земле создавались произведения, которые по своим достоинствам «смело могут быть поставлены наряду с лучшими чужеземными произведениями веков позднейших... Красоты Омира, Оссиана, Певца Игорева, снятые с природы, во все времена и у всех народов останутся красотами, несмотря на изменение слов и их течения».[8]

11

Существовал еще один аспект, объединявший «Слово о полку Игореве» с поэмами Оссиана, — их совместное влияние на складывавшееся в конце XVIII—начале XIX в. русское историческое повествование. Патриотический пафос, вдохновлявший Макферсона в пору оссианического творчества, находил живой отклик в европейских литературах, стремившихся воскресить и прославить прошлое своих народов. Известно, например, что Ф. Г. Клопшток и группа близких ему поэтов, гордо именовавших себя «бардами», пытались, опираясь на поэмы Оссиана (которого объявляли германцем), воссоздать древнюю германскую поэзию.[1] Нечто подобное происходило и в России.

С середины XVIII в. в русском образованном обществе растет интерес к героическому прошлому родины. Начиная с Ломоносова, постепенно складывается отечественная ис-

---

[7] См. о нем: Поэты-радищевцы. Вольное общество любителей словесности, наук и художеств. Л., 1935, с. 589—590.

[8] «Слово о полку Игореве». Сб. исследований и статей. М.—Л., 1950, с. 296. — Впоследствии, однако, сближение «Слова» с поэмами Оссиана обернулось негативной стороной, когда в России распространилась версия о мистификации Макферсона. Критик «Библиотеки для чтения» (возможно, О. И. Сенковский) писал: «Над Словом о полку Игоря носится в нашем уме сильное подозрение в мистификации: оно крепко пахнет Оссианом; его фразы словно выкроены по Мекферсоновым» (Библиотека для чтения, 1834, т. IV, отд. V, с. 5). Это суждение вызвало протест Кюхельбекера (см.: *Кюхельбекер В. К.* Путешествие. Дневник. Статьи. Л., 1979, с. 341).

[1] См.: *Tombo R.* Ossian in Germany. New York, 1966, p. 82—153.

lib.pushkinskijdom.ru

ториография, выходят труды по русской истории Татищева, Щербатова, Болтина, завершающиеся эпохальной «Историей государства Российского» Карамзина. Изучались и публиковались летописи и исторические документы. Все это создавало фактографическую базу для исторического повествования. Однако сухой летописный материал, притом довольно скудный, когда речь шла о далеких временах, не поддерживался народным эпосом: русские былины утратили связь с историей и сблизились со сказкой. И писатели на рубеже веков, стремясь воссоздать утраченный исторический эпос, нередко обращались к обработке летописных сюжетов на основе поэтических приемов оссиановских поэм и «Слова».[2]

Представление о типологической общности обоих памятников побуждало уподоблять друг другу поэтический быт древних россиян и каледонцев, как они описаны у Оссиана. «Князья российские с самых древних времен, — говорилось в одной статье, — любили при дворах своих иметь бардов, которые, будучи свидетелями их подвигов и великолепия, воспевали оные на их пиршествах и при других торжественных случаях».[3] И в доказательство автор ссылался на упоминание Бояна в «Слове». А студент Педагогического института Александровский, рассуждая о становлении отечественной словесности, уверял своих слушателей, что «вскоре после эпохи нашего летоисчисления имели славяне и собственных бардов, подобных бардам древних цельтов... Может быть, песни их, подобно песням Оссиановым, отличались дикою оригинальностию; может быть, находилась в них верная картина и описание нравов тогдашнего времени...» (*99*).

При таких воззрениях ориентация на Оссиана в художественном повествовании, посвященном древнейшим эпохам славянства, была неизбежной. Этому способствовал и перевод Кострова, который, архаизуя текст, в известной мере русифицировал его. Тем не менее «песни Оссиановы» были хотя и существенным, но далеко не единственным образцом для русской исторической прозы на рубеже веков, ориентированной также, помимо «Слова», и на бы-

---

[2] См.: *Сиповский В.* Русский исторический роман первой половины XIX ст. — В кн.: Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского. Л., 1928, с. 65.

[3] Изображение просвещения россиян. — Сев. вестн., 1804, ч. II, № 5, с. 203—204.

lib.pushkinskijdom.ru

лины, и на классическую эпопею, и на западный авантюрно-рыцарский роман.

Самые ранние следы воздействия оссианической образности обнаруживаются уже в конце XVIII в. в эпических поэмах классического толка.[4] Их молодые начинающие авторы, создавая эти во многом еще подражательные произведения, были восприимчивы и к новым веяниям. Так, В. Т. Нарежный (1780—1825), будущий основоположник русского нравоописательного романа, а в то время учащийся гимназии при Московском университете, в поэме «Освобожденная Москва» (1798), рассказывающей об отражении татарского нашествия, изобразил в оссиановском духе явление отчаявшейся Москве тени Даниила, сына Александра Невского, предвещающего «победу верну над врагом»:

...средь холмов небесных дальных
Сиянье некое скользит;
Сквозь тяжких туч громады мрачны
На крыльях молнии парит.
. . . . . .
Течет — и, воздух рассекая,
Он стал пред горестной Москвой;
Со благостью к ней взор склоняя,
Вещал: «Москва! утешься мной!..»
. . . . . .
Вещал, на облаках багряных
Воссев, направил быстр полет...[5]

Явление на облаке тени предка с предсказанием будущих событий — обычный художественный прием в поэмах Оссиана—Макферсона.

Оссиановские образы использовал и А. Ф. Воейков (1779—1839) в поэме «Светослав» (1800), посвященной походу Святослава, сына Игоря, на хозар (X в.). Например:

Славян прегрозный сонм в оружии стремится,
И молнии от их геройских ребр скользят...[6]

---

[4] См.: *Резанов В. И.* Из разысканий о сочинениях В. А. Жуковского, вып. 2. Пг., 1916, с. 21—28 (ниже в ссылках: Резанов).

[5] Приятное и полезное препровождение времени, 1798, ч. XIX, с. 38—39.

[6] Иппокрена, 1800, ч. VI, с. 503. — Ср. в переводе Кострова: «Крепкие и жилистые десницы их уже возложены на рукоять их мечей, и молния излетает от ребр, покрытых сталию» (*12*, ч. I, с. 81).

lib.pushkinskijdom.ru

По-оссиановски описывается и князь: он сравнивается с «сыном бури, вихрем свистящим» и «соколом парящим», он вздымает «меч пламенный» «и чернопламенный бросает взор на брань».[7] Применение здесь составного эпитета передавало весьма характерную особенность поэтики Макферсона.[8]

Однако большее значение имели поэмы Оссиана для становления русской исторической прозы.[9] Один из ее зачинателей, будущий историк Николай Сергеевич Арцыбашев (1773—1841), открывая по образцу зачина из «Картона» третью «книгу» своей повести на летописный сюжет «Рогнеда, или Разорение Полоцка» («Битвы веков прошедших! Знаменитые подвиги героев древности!»), тут же указывал на свои прообразы: «Почто рука моя не владеет кистию сына Фингалова? Почто не одушевляет восторга моего пламя Гомерово? Далеко б разнесся глас песней моих по вселенной, и священные лавры ваши, бременем лет подавленные, оживотворились бы в них с новою славою». И затем следует картина новгородского ополчения, созданная по примеру поэм Оссиана: «Как стада лебедей великие, слетаются в Новгород воины Владимира. Как орлы, как ясные соколы, являются средь них богатыри могучие. Грозные шлемы покрывают чело новогородцев, тяжкие брони смыкаются на раменах их сильных» (*82*). Характерное для Макферсона сравнение воссоздается в словах верховного жреца: «Величество земное — тень одна! Оно подобно легким парам, клубящимся над бурным Волховом»,[10] и т. д.

Еще раньше оссианическую образность применил в русской исторической прозе Гавриил Петрович Каменев (1772—1803), земляк Арцыбашева (оба происходили из Казани), а в конце жизни — его сочлен по Вольному обществу любителей словесности, наук и художеств, где поэзия Оссиана вызывала интерес. Недолго проживший Ка-

---

[7] Иппокрена, 1800, ч. VI, с. 503.

[8] Например, в «Картоне» мы встречаем: dark-bosomed (темногрудый — о корабле), darkly-rolling (мрачно катящиеся — о волнах), white-bosomed (белогрудая), car-borne (несомый на колеснице — о вожде) и др.

[9] См.: *Сиповский В. В.* Очерки из истории русского романа, т. I, вып. 1. СПб., 1909, с. 472—473; Резанов, вып. 2, с. 47—72; Введенский, с. 80—84, 88—107.

[10] Сев. вестн., 1804, ч. II, № 4, с. 64. — Ср.: «Он видел тень его... подобну парам, восходящим от озера Лега» (*12*, ч. II, с. 116).

lib.pushkinskijdom.ru

менев стяжал, однако, славу одного из ярких представителей русского преромантизма. По свидетельству его племянницы, Пушкин говорил о нем: «Этот человек достоин был уважения; он *первый в России осмелился отступить от классицизма*».[11]

В творчестве Каменева обнаруживается характерное сочетание оссианизма и юнгианства. Кладбищенская тема занимает важное место в его поэзии. «О Юнг! философ, утешитель! Подай мне силы, будь учитель!» — возглашал он в стихотворении 1796 г.[12] С другой стороны, в конце жизни Каменев перевел прозою две немецкие поэмы — подражания Оссиану: «Ритогар и Ванда» Л. Т. Козегартена (*51*) и «Сельмар и Селима», подписанную F. M. (*54*). Первый перевод завершается скорбными медитациями лирического героя, рассказывающего о подвигах и гибели своих соплеменников: «В несносной горести ничто бы меня не утешало, ничто бы не препятствовало оставить арфу и повесить на ветви древа... естьли б глас, раздающийся при священных дубах Коны,[13] не отзывался в моем слухе... Так! все преходит. Умирает герой, и разрушается его памятник; но песнопение бардов — вечно, вечно звучать будет!» (*51*).

Поэм Оссиана Каменев не переводил, но уже в одном из первых своих произведений, «отрывке из героической повести» «Громобой» (1796), посвященной борьбе русских в царствование Святослава с татарами, он, описывая боевые рати и военные действия, широко пользовался оссиановскими образами, почерпнутыми, возможно, из костровского перевода. Например, ратники у него «текут ко знаменитому граду (Киеву, — *Ю. Л.*), яко дожденосные тучи на зыбях небесных, имея в ребрах молнии и перуны».[14] Сам же Святослав, подобно Кухулину (или Кушуллину у Кострова), «уклонясь на дебелое свое копие... при

---

[11] *Фукс А. А.* Пушкин в Казани. — В кн.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, т. II. М., 1974, с. 219.

[12] Поэты-радищевцы. Вольное общество любителей словесности, наук и художеств. Л., 1935, с. 530. — О юнгианстве Каменева см. там же, с. 518, 812.

[13] То есть Оссиан, прозванный «голосом Коны» (the voice of Cona).

[14] Муза, 1796, ч. II, апр., с. 36. — Ср.: «Вожди предшествуют... за ними текут ратники мрачны и грозны: тако дожденосные соединяются облаки и обременяются друг другом позади воспламененных небесных огней» (*12*, ч. I, с. 81—82).

lib.pushkinskijdom.ru

корне древнего дуба взирает на сомкнутые ряды непобедимого воинства».[15] А когда наступает битва, он, как и Фингал, поручает предводительство доблестному вождю (здесь — Громобою) и сам удаляется на холм, «дабы зреть оттуда успехи победоносного войска. В неприязненном же случае воспятить стопы слабых воинов и оживотворить их к победе»[16] и т. д.

После Каменева использование в исторической прозе оссиановских ситуаций, деталей, образов стало обычным на рубеже веков. Характерный оссиановский сюжетный прием — переодевание героини в мужские воинские доспехи и участие в битве — встречается в книжке, озаглавленной «Ольга, исторический отрывок. Российское сочинение» (М., 1804), где анонимный автор весьма своевольно преобразовал летописное предание об Игоре и Ольге.

Более существенным было оссиановское влияние в другом анонимном произведении, опиравшемся на то же предание (но уже свободном от фантастических домыслов), своеобразной поэме в прозе «Ольга на гробнице Игоревой» (1800).[17] Это влияние обнаруживается уже во вступлении: «Остановись в бурном течении своем, Волхов суровый! укротите, вихри, воющие свои порывы! — я хочу слышать, как камыш, потрясая серебряною своею головкою, производит печальный звон, стоя на могиле Великого. Видишь ли, странник, в той мрачной отдаленности — видишь ли деву прелестей, прекрасную дщерь полунощи? Печальное покрывало лежит на лице ее и на белой груди; тихо идет она по пескам сыпучим, и привидения ночи не страшат ее своим могильным свистом. Се пришла она, где возвышался гроб ее любезного: тут воссела в тишине ночи и печали смерти. Дико играет ветр ее локонами; тщетно усугубляет ночь темноту свою».[18]

Здесь буквально для каждого образа и выражения можно найти параллели в костровском Оссиане. Но главное состоит даже не в этом, а в том, что описанный пейзаж не столько связан с сюжетным действием, сколько является средством лирической характеристики рассказчика

---

[15] Муза, 1796, ч. II, апр., с. 36. — Ср. начало «Фингала», см. выше, с. 31.

[16] Муза, 1796, ч. II, апр., с. 39. — Ср. «Фингал», IV.

[17] В. И. Резанов высказывал предположение об авторстве Нарежного (см.: Резанов, вып. 2, с. 53).

[18] Иппокрена, 1800, ч. VI, с. 337—338.

lib.pushkinskijdom.ru

и придает общий меланхолический колорит повествованию — типичная черта оссиановских сочинений Макферсона.[19]

Та же особенность отличает пейзажные картины в историческом произведении М. Н. Муравьева «Оскольд, повесть, почерпнутая из отрывков древних готфских скальдов». Повесть писалась, по-видимому, около 1800 г., т. е. близко по времени к «Романсу, с каледонского языка переложенному». Неизвестно, закончил ли ее Муравьев: посмертно был опубликован лишь отрывок,[20] в котором описывается начало похода Оскольда (в летописях — Аскольд), варяжского вождя из дружины Рюрика, на греков.

Двоюродный племянник Муравьева К. Н. Батюшков писал об «Оскольде»: «Действие происходит в России во времена отдаленные, которые поэту столь удобно украшать вымыслами и цветами творческого воображения».[21] Тема побуждала Муравьева обратиться к скандинавской мифологии. И действительно, в повести упоминаются девы-воительницы Валки, верховное божество Один, вечная обитель Валгалла. Но этим скандинавский элемент и ограничивается; «вымыслы и цветы» были созданы воображением, настроенным на оссианический лад. Характерен уже лирический зачин: «Яростно дыхание ветров, страшен вид твой, русское море, и черные волны со злобою умирают между сими острыми скалами, которыми усеян залив отчаяния. Какого воителя, варяга или готфа приготовляешься поглотить, гордое ополчение? Какие корабли гонят сюда девы мстительницы, неутомимые Валки?».[22]

Зависимость «Оскольда» от поэм Оссиана проявляется не только в пейзажных картинах. Сходно с оссиановскими бардами изображены скальды, которые сопровождают дружину и «возжигают вдохновенными песнями мужество воинов в час брани».[23] Последовательное описание вождей, вставших под знамя Оскольда, построено по образцу подобных описаний в самом начале «Теморы». Но, пожалуй, наиболее разительным соответствием является поединок

---

[19] Ср.: *Лотман Ю. М.* «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII—начала XIX в. — В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.—Л., 1962, с. 377—378.

[20] Вестн. Европы, 1810, ч. L, № 6, с. 81—103.

[21] *Батюшков К. Н.* Опыты в стихах и прозе. М., 1977, с. 60.

[22] Вестн. Европы, 1810, ч. L, № 6, с. 81—82.

[23] Там же, с. 86.

lib.pushkinskijdom.ru

Оскольда с призраком Рингвольда, весьма близко повторяющей бой Фингала с духом Лоды («Каррик-тура»).[24]

Почти одновременно с Муравьевым за историческую прозу берется Жуковский и обращается к легенде о Вадиме, предводителе новгородцев, восставших против самовластия Рюрика.[25] Жуковский принадлежал уже к следующему литературному поколению. Однако по сравнению с «Оскольдом» «Вадим» «написан в том же тоне», т. е. «в освещении сентиментализма и оссианизма на классической канве».[26]

Оссиан был в чести у Дружеского литературного общества, в которое входил Жуковский, — преромантического литературного кружка, объединявшего в 1801 г. группу питомцев Московского университетского благородного пансиона: Андрея и Александра Тургеневых, Воейкова, Мерзлякова, Андрея Кайсарова и др. Мерзляков вспоминал позднее, как они «в сентябрьски вечера ненастны»

Родные песенки певали
И с бурей голос соглашали,
Когда пред нами с тьмой ночной
Огонь сражался Оссияна...

(*62*)

Оссиановские поэмы были в числе произведений, намеченных для перевода Андреем Тургеневым (1781—1803), признанным главой общества.[27]

Взяться за историю Вадима, возможно, посоветовал Жуковскому Карамзин, с которым сблизился тогда молодой поэт (прославление поборника новгородской вольницы содержалось уже в карамзинской «Марфе Посаднице»).

---

[24] Ср., например: «Гнев заступил место удивления в Оскольде; уже блестящий меч его рассекал воина; но тело воздушного обитателя, легко разделяемое ударами меча, столь же легко составлялося паки, и признак язвы не оставался... Он рек, и видение разлилось в окружающие мраки воздуха» (там же, с. 90—91). «Он рек и подъемлет свое воздушное копие, уклоняясь к Фингалу огромным своим телом. Владыка Морвена, не косня, приближается, извлекает меч свой... он ударил, и блистательная сталь беспрепятственно пронзает воздушное тело. Призрак теряет вид свой и расстилается по воздуху...» (*12*, ч. I, с. 268).

[25] *Жуковский В.* Вадим Новгородский. — Вестн. Европы, 1803, ч. XII, № 23—24, с. 211—234.

[26] *Веселовский А. Н.* В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». Пг., 1918, с. 480.

[27] См.: там же, с. 55.

lib.pushkinskijdom.ru

При обработке исторической легенды Жуковский опирался на переведенную им в 1802 г. повесть Флориана «Вильгельм Тель, или Освобожденная Швейцария».[28] Но в стилистике и образной системе «Вадима» ощутимо явное оссиановское влияние.[29]

Первая книга повести открывается оссианическим зачином, который становился уже традиционным в русском историческом повествовании: «Оживись, попел протекшего! Тени героев и великих, восстаньте из гробовых развалин! Явитесь, явитесь при блеске месяца в грозном величии! Дерзаю петь вашу славу; дерзаю сыпать цветы на мшистые камни могил ваших».[30] Описывая в начале повести вслед за Флорианом местность, окружающую героя, Жуковский при этом использовал обычные черты оссиановских северных пейзажей: разорванные тучи, мрачные облака, седые туманы, озеро, вздымающее шумные волны, скалы, поросшие кустарником, черный бор, озаренный заходящим солнцем, и т. п. Оссианическая тень возникает в рассказе Вадима о смерти отца. Но наиболее явным заимствованием из Оссиана явилось превращение легендарного славянского князя Гостомысла в старца-отшельника, который, аккомпанируя себе на арфе, поет скорбную песнь о своей горькой участи, об ушедшей военной славе: «Шумите, шумите, осенние ветры... Обнажайтесь, холмы, обнажайтесь, дубравы!.. Стелитесь, густые туманы! Улети, сокройся, веселое лето, как улетело и скрылось мое счастие!.. Где вы, любимцы души моей, чада мужества и брани?.. Ах! блаженны почившие сном безмятежным: обитель их тиха и безмолвна, как час полуночи в долине уединенной. Мир вам, сыны праха! Но горе, горе мне страннику!», и т. д.[31] «Вадим» Жуковского, как и «Оскольд» Муравьева, остался незавершенным. Но интерес к Оссиану в дальнейшем проявился в его поэзии.

Опыт создания исторического произведения на легендарный древнерусский сюжет предпринял и Батюшков. В 1810 г. он написал «Предславу и Добрыню» — «старинную повесть» о любви дочери киевского князя Владимира и первого витязя в его дружине. В самом сюжете ничего

---

[28] См.: *Тихонравов Н. С.* Соч., т. III, ч. 1. М., 1898, с. 435—438.
[29] См.: Резанов, вып. 2, с. 86—105.
[30] Вестн. Европы, 1803, ч. XII, № 23—24, с. 216.
[31] Там же, с. 217—218.

lib.pushkinskijdom.ru

оссиановскою нет. Но Батюшкова, как мы видели, привлекал поэтический мир шотландского барда. И в его исторической повести Предслава уподобляется «стыдливому месяцу», а ее белая грудь — то «лебедю на заливах Черного моря», то «двум холмам чистейшего снега»,[32] воин новгородский сравнивается с дубом, а один из воевод носит шлем с орлиными перьями. Всему этому находятся соответствия в поэмах Оссиана.[33] В оссиановском же духе повесть завершается: Предслава, узнав о гибели возлюбленного, «хладна как камень... пала бездыханна на оледенелый его труп».[34]

Но, по-видимому, наиболее оссианическим произведением русской исторической прозы начала XIX в. были «Славенские вечера» (1809) Нарежного — собрание четырнадцати прозаических поэм на летописные и былинные сюжеты, прославлявшие героическое прошлое народа. Созданные в обстановке патриотического подъема, в канун новой войны с Наполеоном, «Вечера» закономерно опирались на одушевленные тем же пафосом «Слово о полку Игореве» и поэмы Оссиана. Влияние последних проявлялось, в частности, в отдельных сюжетных мотивах, например, в конце вечера I князь Кий устраивает торжественное погребение павшему противнику;[35] в вечере II в оссиановском духе описан пир победителя; в вечере III — туман, принявший вид «мужа грозного», предвещает битву[36] и т. д. По оссиановскому образцу были показаны отдельные персонажи, вроде барда, ведущего воинов (вечер I), или девы с арфой, поющей на пиру (вечер IX) и т. п.[37] Близость «Славенских вечеров» к поэмам Оссиана особенно проявлялась в лирическом характере повествования, в обращениях к одушевленным небесным светилам, ветрам, в сравнениях действий людей с природными явлениями и особенно в торжественном возвышенном стиле, явно ориентированном на перевод Кострова.

---

[32] *Батюшков К. Н.* Соч., т. II. СПб., 1885, с. 43, 51.

[33] См.: Введенский, с. 88—89.

[34] *Батюшков К. Н.* Соч., т. II, с. 60.

[35] Ср. повеление Фингала воздвигнуть могильный холм павшему в единоборстве с ним Орле, вождю из войска Сварана («Фингал», V).

[36] Ср. сходную сцену в начале поэмы «Картон».

[37] О связи «Славенских вечеров» с Оссианом см.: *Белозерская Н.* Василий Трофимович Нарежный. Историко-литературный очерк, ч. 2. Изд. 2-е. СПб., 1896, с. 68—69; Введенский, с. 90—107.

lib.pushkinskijdom.ru

«Ты склоняешься уже, солнце небесное, от взоров наших? В последний раз сего вечера златишь ты земчужные крылия облака легкого, на коем некогда во дни давно протекшие бесплотные духи витязей великих любили покоиться и в последний раз упиваться вечерним светом твоим».[38] Бросается в глаза обилие эпитетов, оценочных и эмоциональных, отражающих не столько качество предмета, сколько отношение к нему повествователя. Это — усвоенная Нарежным характерная черта оссиановской поэтики.[39]

Или другой пример: «Когда две тучи громоносные текут одна другой в сретение, — сходятся, — разливается пламень в областях небесных, и треск раздается в горах и вертепах, дубы и кедры в корнях сокрушаются, и отторженные скалы гранитные рушатся в пенящиеся волны Днепра свирепого: — тако сошлись два воинства».[40] Если бы не упоминание Днепра, фразу можно было бы принять за одно из многочисленных описаний битв в макферсоновском Оссиане.

И эта связь была сразу же замечена современниками. Рецензент журнала «Цветник» писал: «Славенские вечера можно назвать подражанием песням Оссиановым и подражанием весьма удачным. Оссиан пел подвиги бардов. Г. Нарежный описывает славные дела богатырей русских и приключения князей славянских» (*125*).

«Славенские вечера» явились, по-видимому, последним значительным произведением в жанре русской исторической прозы, связанным с оссианической традицией. Дальнейшее развитие этого жанра пошло по линии освоения вальтерскоттовского типа исторического романа с опорой на «Историю государства Российского» Карамзина.

12

Но в 1800-е гг. переход от Оссиана к древней русской истории осуществлялся не только в прозе. Показательно в этой связи, что Озеров непосредственно после «Фин-

[38] Славенские вечера, кн. 1. СПб., 1809, с. 133.

[39] См.: *Лотман Ю. М.* «Слово о полку Игореве» и литературная традиция XVIII—начала XIX в., с. 378.

[40] Славенские вечера, кн. 1, с. 88—89.

lib.pushkinskijdom.ru

гала» написал трагедию «Димитрий Донской» (1806). Ф. Ф. Иванов, переложивший «русским складом» «Плач Минваны», через год выступил со стихотворением в том же размере, но уже основанным на летописном сюжете: «Рогнеда на могиле Ярополковой» (в сущности тоже «плач»):[1]

Перестаньте, ветры бурные,
Перестаньте бушевать в полях;
Тучи грозные, багровые,
Перестаньте крыть лазурь небес!
. . . . . .
Вот те холмы величавые,
Прахи храбрых опочиют где;
Вот и камни те безмолвные,
Мхом седым вокруг поросшие,
Вижу сосны те печальные,
Что склоняют ветви мрачные
Над могилой друга милого...

Здесь летописный сюжет,[2] преобразованный в форме оссиановского плача, и оссианическая образность, введенная в стиль и размер русской былины, образуют органическое единство. При этом поэт ориентируется не только на элегический, но и на героический аспект оссианизма. Рогнеда вспоминает любимого,

Чей в боях меч, будто молния
Белый огнь струит по ребрам гор,
Рассекая так щиты врагов,
Сыпал искры ты вокруг себя.
Сколько сильных от руки твоей
Пало ниц!..
и т. д.

Выше уже отмечалось, что после 1805 г., в пору войн России с наполеоновской Францией, патриотическая настроенность поэм Оссиана приобретала злободневный смысл. Видимо, не будет преувеличением сказать, что русский оссианизм 1805—1812 гг., а возможно, даже и позже, в целом был проникнут этим пафосом. Отмеченный нами переход от оссиановской тематики к древнерусской — в это время лишь частное выражение общего процесса.

---

[1] Рус. вестн., 1808, ч. III, № 9, с. 383—388.

[2] Согласно летописи, Рогнеда была дочерью полоцкого князя Рогволода и невестой великого князя Ярополка Святославича, брат которого Владимир в 980 г. взял Полоцк и, убив Ярополка и Рогволода, насильно овладел Рогнедой.

lib.pushkinskijdom.ru

Актуальными становились и прямые переложения оссиановских поэм, причем не только выполненные «русским складом». В 1805 г. А. П. Бенитцкий (1780—1809), связанный с Вольным обществом любителей русской словесности, наук и художеств (в следующем году он стал членом общества), опубликовал «Комалу», переложенную четырехстопным рифмованным ямбом (*87*). Оссиан, видимо, вообще вызывал интерес членов Вольного общества. Еще в 1802 г. здесь обсуждалось подражание Оссиану Михаила Олешева «Лотрек» (*73*),[3] которому А. Х. Востоков посвятил подробный разбор.[4] Оссианические стихотворения создавал и член общества, сын А. Н. Радищева Николай.[5] А другой член общества, А. А. Писарев, по примеру «Плача Минваны» создал «Плач славянки над телом ее любезного».[6]

Перипетии драматической поэмы «Комала», где заглавная героиня — возлюбленная Фингала умирает при ложном известии о его гибели, разворачиваются на фоне победоносной войны «государя морвенского» с римскими захватчиками. Видимо, это и побудило Бенитцкого отобрать из перевода Кострова для переложения поэму, где барды поют:

Теки, *Каррон*, теки с стремленьем
И шумом радостной волны,
Вещай, враги как с посрамленьем
Во бегство все обращены...

(*87*, с. 328)

---

[3] Олешев приписывал «Лотрека» Оссиану, но ни у Макферсона, ни у его подражателей такой поэмы нет. Это самостоятельное произведение с заимствованием у Макферсона имен Дезагрена и Армин и сюжетных мотивов из поэмы Гарольда «Ларнуль, или Отчаяние». Само имя Лотрек французского происхождения.

[4] См.: Журн. Мин-ва нар. просвещения, 1890, № 3, отд. II, с. 68—69.

[5] В бумагах Вольного общества любителей словесности, наук и художеств сохранились сведения об утраченном впоследствии стихотворении Н. А. Радищева «Отрывок из песней в Сельме» (см.: Поэты-радищевцы. Вольное общество любителей словесности, наук и художеств. Л., 1935, с. 500). По-видимому, ему же принадлежало стихотворение «Барды на могиле Оскара», которое обсуждалось в Вольном обществе любителей российской словесности 24 января 1821 г. (см.: *Базанов В.* Ученая республика. М.—Л., 1964, с. 393).

[6] Сев. вестн., 1804, ч. I, № 2, с. 199—201.

lib.pushkinskijdom.ru

В 1807 г. Бенитцкий, издавая альманах «Талия», поместил там новую редакцию «Комалы» и ее продолжение — «Смерть Гидаллана» (*107*), вставной эпизод из поэмы «Сражение с Каросом», переложенный другим членом Вольного общества П. С. Политковским (ум. 1830). Этический пафос этой вещи, осуждающей на смерть волна, который изменил долгу чести, также соответствовал настроениям времени.

Несомненно, что мечта о победе русского оружия воодушевляла юного питомца Московского университетского благородного пансиона Алексея Чаплина, когда в 1810 г. он создавал «Песнь Фингалу после победы над римлянами» (*130*), довольно слабое переложение соответствующей поэмы Гарольда. Здесь устами Оссиана провозглашалось:

Скопились бедствия над нами в сонмах туч;
Фингал, герой, отец, отмщеньем воскриленный,
Течет — предстал врагу, как в полночь молньи луч,
Как дух, каратель злых, как бури разъяренны —
И — с шумом враг упал!

(*130*, с. 180)

Тем более закономерным было проникновение оссиановских образов в оригинальную патриотическую поэзию периода наполеоновских войн. Даже в «Песни воинов» Карамзина, написанной в 1806 г. в ином стилистическом ключе, содержится призыв в духе Оссиана: «Гремите звучными щитами, Сверкайте светлыми мечами!..» и упоминаются оссианические «тени древних сограждан» «в селеньях горних».[7]

В 1806 г. В. А. Жуковский пишет «Песнь барда над гробом славян-победителей». Обращение к прошлому своего народа здесь (как и в «Димитрии Донском» Озерова или «Рогнеде» Иванова) служило для выражения мыслей и чувств, связанных с современностью. Поэт сам указал впоследствии, что эти его стихи «относятся к военным обстоятельствам того времени»,[8] т. е. к победам русских войск осенью 1805 г. при Кремсе и Шенграбене и последующей катастрофе при Аустерлице. «Неустрашимым защитникам

---

[7] *Карамзин Н. М.* Полн. собр. стихотворений. М.—Л., 1966, с. 299.

[8] *Жуковский В.* Стихотворения. ч. II. СПб., 1816, с. 315. Первая публикация «Песни»: Вестн. Европы, 1806, ч. XXX, № 24, с. 266—280.

lib.pushkinskijdom.ru

отечества» была посвящена публикация «Песни» в виде отдельной брошюры (СПб., 1807).

Впрочем, первую мысль стихотворения, видимо, подал Жуковскому И. И. Дмитриев, который в письме к нему 1806 г., перечисляя возможные темы для стихов, назвал также «барда на поле битвы после ночного сражения».[9] Такой тематический образ естественно обратил фантазию Жуковского к шотландскому барду. И, создавая «Песнь», которая прославляла павших героев и призывала живых к новым подвигам во имя отечества, поэт широко использовал образную систему, мотивы и колорит поэм Оссиана, хорошо ему знакомых,[10] «Песнь» открывается оссиановской картиной (с державинской окраской):

Ударь во звонкий щит! стекитесь ополченны!
Умолкла брань — враги утихли расточенны!
. . . . . .
Зажжем костер дубов; изройте ров могильный;
Сложите на щиты поверженных во прах:
Да холм вещает здесь векам о бранных днях,
Да камень здесь хранит могущих след священный! [11]

Тема «Песни» созвучна оссиановским поэмам, где без пения барда над павшими их тени не могут успокоиться и соединиться с тенями праотцев в воздушных чертогах. Вначале Жуковский развивает весьма характерную для поэзии Оссиана—Макферсона идею: «падший славы друг», «бессмертья сын» противопоставляется «жителю праха — червю душой», прозябающему в безвестности. Не менее характерно и следующее далее противопоставление павших герою, пережившему свою славу.

Кульминационный момент «Песни» составляет явление теней барду:

Но се! таинственным видением во мгле
    Певец воспрянул пораженный;
    Седины дыбом на челе;
Смятение в очах и в членах трепетанье;
Как вихорь на курган он с лирой возлетел...
    Волшебной раздалось бряцанье...
И снова мощный глас пророка загремел:

---

[9] *Дмитриев И. И.* Соч., т. II. СПб., 1895, с. 207.

[10] См.: Резанов, вып. 2, 392—402, 411—416; Иезуитова, с. 63—66.

[11] *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч., т. I. СПб., 1902, с. 42. — Ср. начало оды Державина «На победы в Италии» (см. выше, с. 37).

lib.pushkinskijdom.ru

«Не вы ль, низверженных полуночные лики,
Не вы ли, призраки могучих, предо мной?
Они! средь бурных туч! сплелись рука с рукой!
О, страшный сонм! о, страшны клики! . .».[12]

У Жуковского тени не жаждут успокоения, как обычно в поэмах Оссиана, но «Отмщенья! крови! вопиют, Сверкая из-за туч ужасными очами». А потому и надгробная песнь барда вздымает живых воинов на брань:

Умолк... и сонмы всколебались...
Щитами грянули... чрез холм, сквозь дебрь и лес,
Воспламененные помчались...
И праха черный вихрь вознесся до небес.[13]

Таково завершение «Песни», принадлежащее исключительно русскому поэту.

Через шесть лет после «Песни барда» Жуковский написал «Певец во стане русских воинов» — новое стихотворение, славящее русских воинов и зовущее их к подвигам. За это время произошли важные события в жизни всей страны и самого поэта. Первая редакция стихотворения писалась после сдачи Москвы, накануне сражения при Тарутине. Жуковский находился тогда в Московском ополчении. И если в «Песни» образ барда, организующий ее композиционно и сюжетно, отчетливо восходил к Оссиану, то «певец во стане», при всей поэтической условности образа, — это сам Жуковский. А. Н. Веселовский тонко подметил: «„Песня барда“ с ее гипотетическими славянами... это восторг вчуже; „Певец“ переводит нас на более историческую, если и не реальную почву».[14] И оссиановское влияние явно ослабевает. Правда, и здесь проносятся тени праотцев:

Смотрите, в грозной красоте,
Воздушными полками,
Их тени мчатся в высоте
Над нашими шатрами...[15]

---

[12] *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч., т. I, с. 44. — Поэт придавал важнейшее значение этому месту и, поручая в декабре 1806 г. А. И. Тургеневу заботы об отдельном издании «Песни барда», он просил украсить брошюру «виньетом, на котором бы представить ту минуту, в которую Бард взбежал на холм и видит летящие тени» (*Жуковский В. А.* Письма к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895, с. 24).

[13] *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч., т. I, с. 46.

[14] *Веселовский А. Н.* В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». Пг., 1918, с. 121.

[15] *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч., т. II. СПб., 1902, с. 3.

lib.pushkinskijdom.ru

И здесь совсем по-оссиановски «тихий дух» павшего «вождя младого» Кутайсова прилетает к его возлюбленной. Но в целом и по тональности, и по образной системе стихотворение ближе к национальной традиции, к «Слову о полку Игореве» да и к собственной лирике Жуковского, к тому времени вполне сложившейся.[16]

На другой год после выхода отдельного издания «Песни барда» появилось еще одно стихотворное произведение, связавшее оссиановскую традицию с современными военными событиями. Это была «Октябрьская ночь, или Барды» (*112*) — небольшая поэма С. П. Жихарева (1788—1860), в то время чиновника, недавно закончившего Московский университетский благородный пансион, где, как уже отмечалось, Оссиан пользовался неизменным почетом. Поэма представляет собою состязание бардов, описывающих каждый по-своему осеннюю ночь в северном краю. Соответствующий английский текст был охарактеризован Макферсоном как перевод гэльской поэмы, сочиненный подражателем Оссиана около XIII в., и помещен в виде приложения к поэме «Крома». Летурнер, как мы отмечали, включил «Описание октябрьской ночи» («Description d'une nuit du mois d'octobre dans le nord de l'Ecosse») в своего Оссиана в виде отдельной поэмы, которую Костров, однако, оставил непереведенной. По-русски она существовала лишь в сокращенном виде в сборнике А. И. Дмитриева «Поэмы древних бардов» (см. *5*).

Жихарев знакомился с этой поэмой по немецкому стихотворному переводу в сборнике «Песни Оссиана и Синеда»[17] (Синед — анаграмма, псевдоним переводчика Михаэля Дениса, подписывавшего так свои подражания Оссиану). Создавая «Октябрьскую ночь», Жихарев воспроизвел внешнюю структуру образца (хотя уменьшил число бардов), а также заимствовал некоторые подробности описания ночи. Однако эти описания приобрели у него характер внешнего обрамления. Основным содержанием своей поэмы он сделал прославление героев, павших за отчизну (для чего, в частности, заимствовал некоторые мотивы из других поэм Оссиана); каждый бард по-своему развивает эту тему. Первый бард поет:

---

[16] См.: Иезуитова, с. 67.

[17] Ossians und Sineds Lieder, Bd III. Wien, 1784, S. 167—176 (Die Oktobernacht. Eine alte Nachahmung Ossians).

lib.pushkinskijdom.ru

Блуждает странник среди гор,
Уныло сердце в нем, он бодрости лишился.
Друзья! наш большею дух скорбию объят,
Навек героев взор сном смертным помрачился,
Навек заключены в сырой земле лежат.
Певцы, венчанны сединою!
Все ль радости живут во звуках ваших лир?
Ударьте в них! Пускай познает целый мир,
Что ко Отечеству любовь вела их к бою.

(*112*, с. 5)

Второй бард развивает сравнение в характерном оссиановском духе: как падает «дуб, пустыней царь», что «вырван силой бурь, ударами громов», «пали так отечества подпоры!» (*112*, с. 7). Третий бард противопоставляет отважным воинам ничтожных мирных жителей; они «трепещущи, таящися во мгле Постигнутся концом, героям не совместным!» (*112*, с. 8) и т. д.

Злободневный смысл поэмы подчеркивался посвящением ее Л. Д. Измайлову, предводителю дворянства Рязанской губернии, который в 1806 г. сформировал и возглавил рязанское ополчение.

«Октябрьская ночь» создавалась в начале 1807 г. Весною Жихарев показал ее в числе других своих стихотворений Державину и записал в дневнике 28 апреля: «Гаврила Романович был очень доволен моей „Осенью", но заметил, что в „Бардах" больше воображения и силы».[18] Державин хотел, чтобы Жихарев читал «Октябрьскую ночь» на вечерах,[19] и вообще поэма пользовалась успехом.

Конечно, стихи Жуковского и Жихарева — вещи несопоставимые по своим художественным достоинствам и значению,[20] но взятые вместе, они наглядно показывают, как важна была русским поэтам опора на Оссиана для развития героической темы в годы наполеоновских войн. Величие, сила и благородство оссиановских героев, лирическое

---

[18] *Жихарев С. П.* Записки современника. М.—Л., 1955, с. 494.
[19] См.: там же, с. 504, 507 (записи от 4 и 5 мая 1807 г.).
[20] Впрочем, сам Жихарев относился к «Октябрьской ночи» довольно скептически и находил в ней множество «разнообразной чухи» (там же, с. 494, запись от 28 апреля 1807 г.). А готовя к изданию свои «Записки», он снабдил упоминание поэмы примечанием: «Это была великолепная ахинея, но тогда имела некоторый успех, как большею частью все громкое, мрачное и напыщенное» (там же, с. 399. — Следует, однако, иметь в виду, что, когда писалось это примечание, оссианизм окончательно вышел из моды).

lib.pushkinskijdom.ru

напряжение и торжественный пафос поэм помогали русским поэтам находить средства для художественного воплощения трагичных исторических событий современности. Известная доля условности оссиановских образов не препятствовала этому: реалистическое изображение войны еще не стало достоянием «высокой» литературы. А мрачный колорит оссиановской поэзии, ее общая скорбно-меланхолическая тональность, ощущение тревоги, пронизывающее многие поэмы, — все это было особенно созвучно настроениям русских людей в ту пору, когда исход борьбы с Наполеоном не был еще решен, и особенно в 1812 г. во время продвижения французской армии к Москве.

П. Х. Граббе, в то время 25-летний артиллерийский офицер, вспоминал впоследствии, как после отступления русских войск из-под Смоленска генерал А. И. Кутайсов, молодой начальник артиллерии 1-й армии, как-то вечером в Вязьме читал вслух «Картона» в переводе Кострова. «Приятный его голос, дар чтения, *грустное содержание песни, созвучное настроению душ наших*, приковали мой слух и взгляд к нему», — писал Граббе.[21] Другой русский полководец в Отечественной войне А. П. Ермолов сам рассказывал, что он и Кутайсов читали «Фингала» накануне Бородинского сражения, оказавшегося для Кутайсова роковым.[22]

Разгром французской армии и изгнание ее из пределов России, победоносное шествие русских войск по Европе вызвали к жизни совершенно иные настроения. В патриотической поэзии 1813—1815 гг. возобладала одическая традиция, восходящая к Ломоносову и в значительной мере вытеснившая оссианические мотивы. Дмитрий Глебов, например, который еще совсем недавно перелагал стихами «Крому» и «Минвану» (см. *119, 120*), теперь, в 1813 г., выпускает одну за другой торжественные патриотические поэмы: «Сражение при Бородине», «Глас московского жителя на освобождение России от врагов», «Певец в кругу россиян», ничем не напоминающие Оссиана.

Правда, юный К. Ф. Рылеев, находившийся еще в кадетском корпусе, в том же 1813 г. написал, явно подражая

---

[21] *Граббе П. Х.* Из памятных записок. 1812-й год. — Рус. архив, 1873, вып. 3, стб. 455—456 (курсив мой, — *Ю. Л.*).

[22] См.: *Муравьев Н. Н.* Записки. — Рус. архив, 1885, кн. III, вып. 10, с. 258.

lib.pushkinskijdom.ru

Оссиану, прозаическую «Победную песнь героям»: «Низойдите тени героев! низлетите к нам на крылиях из виталища доблести! низлетите разделить радость нашу!.. Мы прогнали сильного с полей отечественных...

Возвысьте гласы свои, барды. Воспойте неимоверную храбрость воев русских! Девы красные, стройте сладкозвучные арфы свои; да живут герои в песнях ваших. Ликуйте в виталищах своих, герои времен протекших. Переходи из рук в руки, чаша с вином пенистым, в день освобождения Москвы из когтей хищного. Да, воспоминая о доблестях предков своих, потомки наши возгорят жаром велиим любви к Отечеству; и да всегда разят врагов имени Российского».[23]

Так начинается и завершается эта оссианическая «песнь». Но восходит она к Оссиану не Макферсона, а Гарольда, поэмам которого в целом присуща более жизнерадостная тональность. Особенно это относится к торжествующей «Песни Оссиана на поражение римлян», которая и послужила образцом для Рылеева.[24]

Оссианизм наложил отпечаток и на связанное с Отечественной войной элегическое творчество К. Н. Батюшкова. Представление об особом поэтическом мире шотландского барда жило в его сознании с юношеских лет и, как мы помним, отразилось уже в стихотворении 1803 г. «Мечта». В дальнейшем, неоднократно дополняя и дорабатывая стихотворение, поэт развивал в нем скандинавскую тему, представленную параллельно с оссиановской как близкую

---

[23] *Маслов В. И.* Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. Киев, 1912. Приложения, с. 81—82.

[24] В. И. Маслов (Литературная деятельность К. Ф. Рылеева, с. 115), приводя сходные выражения из «Победной песни» и «Фингала» в переводе Кострова, доказывал, что Рылеев опирался на эту поэму Оссиана—Макферсона. Это мнение принято в литературе о Рылееве; см.: *Рылеев К. Ф.* Полн. собр. соч. М.—Л., 1934, с. 724 (комментарий А. Г. Цейтлина); *Пигарев К.* Жизнь Рылеева. М., 1947, с. 14. Между тем Рылеев перенял у своего образца не отдельные выражения, но всю образную систему и композицию. Ср. соответствующие отрывки из русского перевода «Песни» Гарольда: «Сойдите на шумящих крыльях своих, сойдите тени героев! оставьте свои чертоги грома! разделите с сынами вашими радость. Владыка вселенной прогнан с полей наших... Возвысьте, барды! сладкие свои песни. Воспойте знаменитые подвиги Фингала! Белорукие девы Сельмы, возьмите арфы! пусть герой живет в ваших песнях» и т. д. (*67*, с. 128, 130—131).

lib.pushkinskijdom.ru

ей. А в послании к Гнедичу (1805) Батюшков возвращался к былой мысли: сердце, услаждаясь мечтою, хочет

В лесу на утлом пне друидов находить;
Укравшися под ель, рукой времян согбенну,
Услышать барда песнь священну;
С Мальвиною вздохнуть на берегу морском
О ратнике младом...
и т. д.

(*121*)

Позднее в очерке «Вечер у Кантемира» (1815) он вложил в уста русского писателя суждение о том, что у северных народов «чуствительность» глубже и сильнее, чем у южных, и это доказывается песнями горных шотландцев: «они напоминают древнего Омера и силою мыслей, глубиною чувств превосходят многие произведения музы италиянской» (*174*).

И налет оссианической меланхолии ощутим в стихотворениях Батюшкова, даже тех, что имеют итальянское происхождение (например, «Вечер. Подражание Петрарке»).[25] Характерные оссиановские выражения обнаруживаются в одном из лучших произведений поэта, стихотворении «Переход через Рейн» (1816), написанном по личным воспоминаниям об историческом вступлении русских войск во Францию. Реальные картины сочетаются здесь с условными, ставшими уже традиционными зáмками «в туманных облаках», «нагорными водопадами», «бардами», «чашей радости» и т. п.[26] Целиком проникнута оссианическим духом косвенно относящаяся к событиям наполеоновских войн монументальная элегия «На развалинах замка в Швеции». Тематически она связана со Скандинавией (и военные певцы соответственно зовутся здесь не «бардами», но «скальдами»), но в то же время в ней развиваются характерные мотивы оссиановских поэм. Это и престарелый воин, поседелый в боях, благословляющий сына на подвиги во имя славы, и юноша, «на крыльях бури» несущий войну «врагам отеческой земли», и «погибших бледный сонм», который возносится в загробный мир, и красавица, встречающая героя, воротившегося с победой, и скальды, готовящие на холмах пиршество, и «дубы в пламени» и т. д.

---

[25] См.: *Томашевский Б.* Пушкин, кн. I. М.—Л., 1956, с. 89.

[26] См.: *Батюшков К. Н.* Опыты в стихах и прозе. М., 1977, с. 320—324.

lib.pushkinskijdom.ru

Там чаши радости стучали по столам,
Там храбрые кругом с друзьями ликовали,
Там скальды пели брань, и персты их летали
По пламенным струнам.

Но все это, как и в поэмах Оссиана, — лишь воспоминание о героическом прошлом. Ныне же

...все покрыто здесь угрюмой ночи мглой,
Все время в прах преобратило!
Где прежде скальд гремел на арфе золотой,
Там ветер свищет лишь уныло! [27]

Отсюда и мрачный колорит, окутывающий стихотворение.

Наконец, оссианический образ возникает в элегии Батюшкова «Тень друга» (1814), посвященной И. А. Петину, погибшему в 1813 г. под Лейпцигом.

В какой-то мере оссианизм периода Отечественной войны повлиял и на Пушкина-лицеиста. Но это произошло не сразу; первоначально Оссиан воспринимался им в русле иных поэтических идей. В Царскосельском лицее благодаря Н. Ф. Кошанскому, профессору русской и латинской словесности, горячему поклоннику перевода Кострова, «Оссиан был настольною книгою... и составлял некоторое время любимое чтение Пушкина».[28]

Пушкинский ранний оссианизм уже неоднократно исследовался.[29] Отмечалось, что юношеское стихотворение «Кольна» (*147*) является вольным переложением «Кольны-Доны» по переводу Кострова. При этом Пушкин избрал единственную, пожалуй, у Оссиана—Макферсона поэму не только с благополучным концом, но и с предвидением счастливого будущего. Сделанные им сокращения и добавления имели целью подчеркнуть, выделить любовную тему. И в самый финал стихотворения он внес мотив любовного восторга, отсутствующий в источнике:

И Тоскар
Приемлет щит, пылая мщеньем.
Но вдруг *исчез геройства жар:*

---

[27] Там же, с. 204—205.

[28] *Гаевский В.* Пушкин в лицее и лицейские его стихотворения.— Современник, 1863, т. XCVII, № 7, отд. I, с. 164—165.

[29] См.: *Балобанова Е., Пиксанов Н.* Пушкин и Оссиан. — В кн.: *Пушкин.* [Соч.], т. I. СПб., 1907, с. 98—114; *Венгеров С.* «Оссиановские» стихотворения Пушкина. — Там же, с. 88—96; *Томашевский Б.* Пушкин, кн. I, с. 87—90; *Городецкий Б. П.* Лирика Пушкина. М.—Л., 1962, с. 99—102, 105; Иезуитова, с. 69, 72—73.

lib.pushkinskijdom.ru

ДУМЫ.

Сочиненіе

К. Ф. Рылѣева.

Москва.

Въ Типографіи Селивановскаго.

1825.

К. Ф. Рылеев. «Думы». Титульный лист (М., 1825)
Гравюра А. Флорова

lib.pushkinskijdom.ru

«Оссиан заклинает духов игрою на арфе»
Гравюра Джона Годфруа с картины Франсуа Жерара (1801)

Гамбургская галерея искусств

lib.pushkinskijdom.ru

Что зрит он с сладким восхищеньем?
Не в силах в страсти воздохнуть,
Пылая вдруг восторгом новым...
Лилейна обнажилась грудь,
Под грозным дышаща покровом...[30]

Эротическое преломление поэмы Оссиана в духе французской легкой поэзии характерно для юного Пушкина. Б. В. Томашевский, указывая, что в лицейские годы «иноземные поэтические явления усвоялись им сквозь французскую традицию», добавлял: «Оссиан — по Парни».[31] В этой связи показательно следующее стихотворение Пушкина — «Эвлега», относительно которого нет единого мнения, считать ли его оссианическим. «Эвлега» — вольный перевод отрывка из песни IV поэмы Парни на скандинавский сюжет «Иснель и Аслега». Но, как уже отмечалось, оссианизм и скандинавизм переплетались в европейских литературах. И если мотив любовного соперничества развивается здесь совсем не в оссиановском плане, то отдельные поэтические образы заимствованы из Оссиана.[32]

Явное сочетание Оссиана и Парни обнаруживается уже в собственной, хотя и подражательной балладе Пушкина «Осгар» (*149*). Сюжетная коллизия (юноша застает возлюбленную в объятиях соперника, убивает его и с презрением оставляет изменницу) совершенно чужда оссиановской поэзии, и строфы, излагающие эти события, представляют собой перевод-пересказ соответствующего отрывка из песни I «Иснеля и Аслеги». Но имена героев — Осгар (т. е. Оскар), Мальвина (вместо Olbrown и Rusla у Парни), зачин с сумрачным ночным пейзажем («туманы полуночи», «берег угрюмый», «дремучий бор», «луна за тучами»), заблудившийся «путник боязливый», «бард старый» — «певец веков минувших», «старец вдохновенный», вещающий о горестной участи Осгара, — все это, конечно, создано по оссиановскому образцу. Наиболее же существенным с этой точки зрения является конец баллады, где даже упоми-

---

[30] Выделенные строки не имеют соответствия у Кострова; ср.: «Пылая мщением, приемлет он щит, но под сим оружием воздымалась грудь младой девицы, бела как пух лебедя» (*12*, ч. II, с. 264).

[31] *Томашевский Б. В.* Пушкин и Франция. Л., 1960, с. 91.

[32] Например: «...и с трепетом Эвлега Падет на дерн, как клок летучий снега...» (*Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. I. М.—Л., 1949, с. 32). Ср.: «...упадает Дартула на возлюбленного своего Натоса, как снежный отломок» (*12*, ч. II, с. 57).

lib.pushkinskijdom.ru

нается Фингал, ведущий грозных воинов «в кровавый пыл сражений».

Осгар послышал весть и бранью воспылал.
Здесь меч его сверкнул, и смерть пред ним бежала:
Покрытый ранами, здесь пал на груду тел;
Он пал — еще рука меча кругом искала,
И крепкий сон веков на сильного слетел!

(*149*, с. 275—276)

Баллада завершается видением тени, которая сидит «в багровом облаке, одеянна туманом», над могилой героя.

Р. В. Иезуитова, видимо, права, утверждая, что «военная тема, составляющая важную сторону пушкинской баллады, разворачивалась в „Осгаре" уже в традициях *русского* оссианизма 1810-х годов».[33] Именно после «Осгара» в поэзию Пушкина входит военная тема, трактуемая в системе оссианических образов. При этом несомненно большую роль сыграл пример Батюшкова, чье влияние на поэта-лицеиста трудно переоценить. «Воспоминания в Царском Селе» (1814) и формою, и образной системой ориентированы на шведскую элегию предшественника.[34] «Воспоминания» по-оссиановски открываются описанием «угрюмой нощи», а в картинах войны

...тени бледные погибших чад Беллоны,
В воздушных съединясь полках,
В могилу мрачную нисходят непрестанно,
Иль бродят по лесам в безмолвии ночи...
Но клики раздались!.. идут в дали туманной! —
Звучат кольчуги и мечи!..[35]

15-летний поэт в достаточной мере эклектичен: у него античная Беллона и оссианические тени соседствуют рядом. Но и в этом он следовал за Батюшковым (ср. «Тень друга»).

В оссиановском духе изображен «Наполеон на Эльбе» (1815); сидя «один во тьме ночной над дикою скалою», император лелеет «мрачны думы» и сокрушается:

Но вкруг меня все мертвым сном почило,
Легла в туман пучина бурных волн...
. . . . . .

[33] Иезуитова, с. 72.
[34] См.: *Томашевский Б.* Пушкин, кн. I, с. 57—60.
[35] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. I, с. 77—78.

lib.pushkinskijdom.ru

И раздроблен мой звонкий щит,
Не блещет шлем на поле браней;
В прибрежном злаке меч забыт
И тускнет на тумане.[36]

Видно, должно было пройти полтора десятилетия, прежде чем Пушкин смог показать в «Полтаве» реальную обстановку сражения со штыковыми атаками пехоты, сабельным ударом конницы, орудийными залпами и т. д. А далее последовало и «Бородино» Лермонтова. Военные же картины у Пушкина-лицеиста — это несомненные отзвуки оссианизма Отечественной войны, последние, быть может.

13

Интерес к Оссиану, видимо, несколько ослабевший в русской литературе в 1813—1814 гг., вновь возрождается в середине 10-х гг., достигает вершины примерно к 1818 г. (именно тогда был переиздан перевод Кострова)[1] и продолжает оставаться действенным фактором на протяжении по крайней мере еще пяти-шести лет. В оссианизме этого времени можно различить разные течения, но главенствующее положение занимает то из них, которое можно назвать декабристским. Оно возродило некоторые отличительные черты оссианизма Отечественной войны, но уже на новой идейной основе, связанной с формированием декабристской идеологии. Передовые общественные деятели 10—20-х гг. придавали большое значение поэзии как средству пропаганды своих идей. Поэзия должна была стать гражданской по духу и содержанию. Особый смысл приобретала личность поэта-борца, поэта-гражданина. И создавая этот образ, литераторы декабристского направления опирались на различные традиции и жанры мировой литературы: и на классическую оду, и на библейскую песнь, и на оссиановскую поэму.

В 1817 г. П. А. Вяземский, идейно близкий в то время к декабристам, предпослал посмертному изданию сочине-

---

[36] Там же, с. 114—116.

[1] О спросе на костровский перевод можно судить по рецензии на второе издание, где говорится, что книга первого издания «недавно еще продавалась... по 25 и по 30 р.» (*197*, с. 246).

lib.pushkinskijdom.ru

ний В. А. Озерова статью о его жизни и творчестве, где в связи с трагедией «Фингал» характеризовал поэзию Оссиана: «Воображение Оссиана сурово, мрачно, однообразно, как вечные снега его родины. У него одна мысль, одно чувство: любовь к отечеству, и сия любовь согревает его в холодном царстве зимы и становится обильным источником его вдохновения. Его герои — ратники; поприще их славы — бранное поле; олтари — могилы храбрых» (*176*, с. XXIX). Образ шотландского барда был представлен по-новому: отличительной его чертой, источником творческого вдохновения объявлялась не чувствительность и даже не геройство как таковое, но любовь к отечеству, т. е. гражданственный пафос. Прославление героев, павших за отчизну, было, как мы видели, обычной темой оссианических стихотворений военного периода. Но осмысление в этом плане образа самого барда явилось новым словом русского оссианизма.[2]

Вяземский отмечал плодотворность обращения русской литературы к Оссиану, ибо «северной поэзии прилично искать источников в баснословных преданиях народа, имеющего нечто общее с ее народом, когда разборчивая строгость не дозволяет ей дополнить своими вымыслами скудные средства, открытые отечественною историею» (*176*, с. XXIX). И эта мысль была не нова: она стимулировала опору на Оссиана в русской исторической прозе начала века. Но контекст, в который поместил ее Вяземский, придал и ей новый, опять-таки гражданственный, смысл, созвучный декабристским идеалам.

В этой связи особый интерес представляет интерпретация Оссиана и его поэзии в Вольном обществе любителей российской словесности (1816—1825). Известно, что эта литературно-общественная организация, носившая первоначально консервативный характер, резко изменила свою направленность после того, как в 1819 г. ее председателем стал видный деятель Союза благоденствия, декабрист

---

[2] Примечательно, что А. Ф. Мерзляков, в прошлом один из создателей гражданственной традиции в русской поэзии, но позднее отставший от требований времени, в том же 1817 г. толковал оссианизм Озерова совершенно иначе: «Томный, но величественный, как полная луна, восседящая над пустынями обширных морей, явился нашему Озерову слепый старец Оссиян и один движением златого щита своего озарил брега Каледонские, в светлосиних туманах утопающие...» (*179*, № 9, с. 36).

lib.pushkinskijdom.ru

Ф. Н. Глинка, и в итоге превратилась в декабристский литературный центр со своим печатным органом — журналом «Соревнователь просвещения и благотворения» (1818—1825). И Оссиан становится здесь одним из прообразов поэта — вождя и трибуна.

Несколько членов Вольного общества переводили поэмы Оссиана. Среди них в первую очередь следует назвать Андрея Афанасьевича Никитина (1790—1859), одного из основателей и постоянного секретаря общества. Его привлек «новонайденный» Оссиан Э. Гарольда, откуда он переложил стихами сюжетно связанные между собою поэмы «Ларнуль, или Отчаяние» (*184*) и «Смерть Азалы» (*185*) — мелодраматичную историю героя-воина, которого его возлюбленная побудила убить ближайшего друга, отвергшего ее притязания, после чего и воин и дева в отчаянии налагают на себя руки. Из Гарольда Никитин переложил также «Песнь утешителей»[3] — друзей Оссиана, скрашивающих песнопениями его старость; опубликована была лишь часть — «Песнь Уллина» (*199*) — проповедь стоицизма:

Но мудрость нам велит хранить покой сердечный,
И жребий не роптать, закон Природы чтить,
И бремя горестей в сей жизни скоротечной
С душевной твердостью и мужеством сносить!

Из макферсоновского Оссиана Никитин перевел лишь отрывок из «Картона», который 15 июля 1820 г. зачитывался и был одобрен на заседании другого вольного общества — любителей словесности, наук и художеств,[4] а затем опубликован в журнале общества «Благонамеренный» (*214*).

Можно предположить, что благодаря содействию Никитина в 1820 г. к Оссиану обратился Ф. И. Бальдауф (1800—1839), будущий «первый поэт Сибири», а в то время учащийся Петербургского кадетского горного корпуса, где Никитин преподавал поэзию и российское сочинение. Никитин привлек Бальдауфа к заседаниям Вольного

---

[3] См.: *Баванов В.* Ученая республика. М.—Л., 1964, с. 272. Приводимые ниже сведения об обсуждениях произведений в Вольном обществе любителей российской словесности, а также о членстве в обществе почерпнуты (за исключением особо оговоренных случаев) из документальных материалов, опубликованных в приложении к этой книге.

[4] См.: Благонамеренный, 1820, ч. XI, № 14, с. 123.

lib.pushkinskijdom.ru

общества любителей российской словесности, познакомил с А. Бестужевым, Кюхельбекером и Ф. Глинкой.[5] Переложенные Бальдауфом три отрывка из разных поэм Оссиана—Макферсона появились в том же журнале (см.: *211—213*), что и никитинский отрывок из «Картона».

Из других членов Вольного общества к переложениям поэм Оссиана обращались А. А. Крылов (1793—1829), создавший поэму «Оскар и Дермид» (*183*), которая обсуждалась 26 марта 1818 г.;[6] а также «Минвану» (*203*) — переделку приложения к «Берратону» со счастливым концом, и В. Н. Григорьев (1803—1876), переводивший «Гимн Солнцу» (*226*) с французского переложения Баур-Лормиана. К ним примыкает и рано умерший М. П. Загорский (1804—1824), студент Петербургского университета, на которого члены Общества возлагали большие надежды, но не успели принять его в свой круг. Его «Морна» (*247*) и «Калмар и Орла» (*249*, стихотворное переложение байроновского прозаического подражания Макферсону) были одобрены в Вольном обществе в 1823 г. и появились в «Соревнователе». Следует упомянуть также и А. В. Склабовского (1794?—1831), воспитанника, а затем преподавателя Харьковского университета, который в конце 1819 г. был принят в члены-корреспонденты Вольного общества и в дальнейшем поддерживал связь с Рылеевым.[7] До этого он создал три стихотворных переложения из оссиановских поэм Гарольда (см. *202*), два из которых — «Песнь Ламина» и «Песнь Фелима» — проникнуты религиозным настроением, вообще присущим поэзии Склабовского.[8]

Параллельно с поэмами Оссиана внимание членов Вольного общества лобителей российской словесности привлекала и близкая по духу поэма Парни «Иснель и Аслега». Так, О. М. Сомов опубликовал в «Соревнователе» заимствованную оттуда «Песнь скандинавского воина», где провозглашалось:

---

[5] См.: *Петряев Е. Д.* Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Очерки из истории культуры края. Чита, 1954, с. 119—120.

[6] См.: Соревнователь просвещения и благотворения, 1818, ч. I, № 3, с. 451.

[7] См.: *Назарова Л. Н.* Неосуществленный замысел Рылеева «Исторический словарь русских писателей». — Литературное наследство, т. 59, М., 1954, с. 305—306.

[8] См.: *Сумцов Н. Ф.* А. В. Склабовский как поэт и ученый. Харьков, 1904, с. 5—7.

lib.pushkinskijdom.ru

Бесстрашный пал — и гроб его почтится,
И песнь о нем в потомстве прогремит!
Но робкий пал — и прах его забыт,
И селянин, свистя, по нем промчится.

Ударьте вдруг, бесстрашные в боях!
Один удар щиты рассыплет в прах! [9]

В плане декабристского оссианизма, однако, интерес представляют не столько переводы поэм Оссиана разной степени близости к источнику, сколько самостоятельные произведения на оссиановские темы, ибо в них наиболее полно и ясно воплотилось новое представление о народном певце, которое отразилось в цитированном суждении Вяземского и было затем закреплено в статье деятельного члена Вольного общества А. Ф. Рихтера (1793 ?—1826) «О бардах, скальдах и стихотворцах средних веков» (*235*). Кельтские барды описывались здесь в таких выражениях: «На поле ратном, чтоб быть очевидцами самого сражения, они шли... впереди войска, одетые в белое платье, с блестящею арфою в руках и окруженные музыкантами. Во время битвы место их было в некотором расстоянии от сражающихся, откуда они безопасно наблюдали кровавую сечу (ибо их лице было неприкосновенно), замечали подвиги воинов и собирали материалы для своих песней. По обычаю северных бриттов накануне сражения знаменитейшие барды своими песнями одушевляли мужество воинов. К ним имели столь великое уважение, что бросали оружие, как скоро бард восклицал: воспрещаю!» (*235*, с. 157—158).

Статья Рихтера, носившая компилятивный характер, обсуждалась в Вольном обществе 23 мая 1821 г. и была одобрена большинством голосов. Не так уж существенно, насколько она исторически достоверна. Важно то, что такое представление о певце-вожде распространялось и закреплялось в сознании передовых литераторов, тем более что далее Рихтер по образцу бардов и скальдов реконструировал и древнерусских народных певцов — боянов.

В 1820 г. В. К. Кюхельбекер в программном стихотворении «Поэты», провозглашавшем высокую миссию поэта — наставника и вдохновителя человечества, — в один ряд

[9] Соревнователь просвещения и благотворения, 1821, ч. XV, кн. 2, с. 241. — См.: *Шарыпкин Д. М.* Скандинавская тема в русской романтической литературе. — В кн.: Ранние романтические веяния. Л., 1972, с. 158. — Стихотворение обсуждалось в Вольном обществе 28 марта 1821 г.

lib.pushkinskijdom.ru

с Гомером, Эсхилом, Ювеналом, Шиллером, Ломоносовым и Державиным ставил и Оссиана. Скорбная, обращенная к замогильному миру поэзия барда, утверждал Кюхельбекер, тем не менее обладает воодушевляющей силой и в грозный час поднимает воинов на брань.

Он страшен дикими мечтами;
Он песней в душу льет печаль;
Он душу погружает в даль
Пространств унылых, замогильных!
Но раздается резкий звук:
Он славит копий бранный стук
И шлет отраду в сердце сильных.

(*218*)

Стихотворение было одобрено в Вольном обществе 22 марта 1820 г. Годом раньше такое же одобрение получило «Послание к Кулибину», первое известное стихотворение Н. М. Языкова (1803—1846), в то время учившегося (как и Бальдауф) в Горном кадетском корпусе, а позднее, в конце 1824 г., в бытность его студентом Дерптского университета, принятого в члены Вольного общества по рекомендации Рылеева. Юного Языкова воодушевлял образ барда, воспевающего героев:

Какой огонь тогда блистал
В душе моей обвороженной,
Когда я звучный глас внимал,
Твой глас, о бард священный,
Краса певцов, великий Оссиан!
И мысль моя тогда летала
По холмам тех счастливых стран,
Где арфа стройная героев воспевала.

И далее поэт описывал «Фингала непобедимого», повергающего врагов (*207*).[10]

23 октября 1822 г. В. Н. Григорьев, ранее переводивший «Гимн Солнцу» из «Картона», представил Вольному обществу стихотворение «Тоска Оссияна», которое было единогласно «избрано» для опубликования. Являясь самостоятельной разработкой некоторых мотивов из «Фингала», «Теморы» и «Берратона», произведение проникнуто тради-

[10] В примечании к первой публикации «Послания» указывалось, что общество печатает его «в поощрение возникающих дарований молодого поэта» (Соревнователь просвещения и благотворения, 1819, ч. VI, № 4, с. 90).

lib.pushkinskijdom.ru

ционными в оссиановской поэзии настроениями скорби об ушедших героических днях и безнадежности в настоящем. Слово «тоска», вынесенное в заглавие, служит как бы эмоциональным ключом для последующего стихотворения:

Ах, сколько бедствий в жизни сей
Судьба мне завещала!
Давно ль всхолмилася на лоне сих полей
Могила храброго Фингала?
И вечной ночи мрак смежил
Мои увлаженные вежды!
Мне мир как гроб, лишенному светил,
Лишенному надежды!

(*240*, с. 322)

Несомненно более яркое выражение декабристский оссианизм получил в стихотворении А. М. Мансурова «Умирающий бард». Мансуров, живший в Москве, не был членом петербургского Вольного общества любителей российской словесности.[11] Воспитанник Московского университетского благородного пансиона (окончил в 1820 г.), он с 1816 г. начал печатать в пансионских изданиях свои стихи — оригинальные и переводные (главным образом из немецких поэтов). В одном из таких изданий в 1817 г. появился его гекзаметрический «Гроб Оссияна» (*173*). Довольно несовершенное еще с точки зрения формы стихотворение говорит о бессмертии поэта-бойца — Оссиан и после смерти остается грозою врагов. Призванная бардом его тень наводит ужас на вражеский стан. Заключительные строки гласят:

Но если и бури и громы не в силах расторгнуть оковы:
Слава Морвены пребудет вовеки в струнах Оссияна.

Есть основание полагать, что Мансуров был позднее связан с каким-то декабристским тайным обществом; имя его фигурирует в следственных документах по делу декабристов.[12] В 1823 г. в «Сыне отечества», журнале, в котором в 1817—1825 гг. печатались произведения многих членов

---

[11] В 1818—1820 гг. Мансуров состоял членом Общества любителей российской словесности при Московском университете (см.: Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете. [М., 1911], с. 182—183).

[12] См.: Восстание декабристов. Документы, т. XII. М., 1969, с. 362—363.

lib.pushkinskijdom.ru

Вольного общества любителей российской словесности, был опубликован его «Умирающий бард» (*251*). Юный певец из Фингаловой рати, смертельно раненный в победном бою, обращается с мольбой к товарищам-бардам: «Да встретит смерть с завидной славой! Да слышит песнь про край отцов!». И Рино, Альпин и Оссиан (имена бардов взяты из поэм Оссиана—Макферсона) поют ему о доблестях Фингала, о славе его воинов и о горькой участи барда, кому довелось пережить свое время.

Так пели барды. — Песням их
Страдалец с жадностью внимая,
Далеко от родного края
Угас на берегах чужих.
И вкруг холма, где прах героев
И прах певца их обрекли,
В добычу вражеской земли,
Склонясь на копья, сонмы воев
Стояли в мрачной тишине.
Подобно рощам Гармаллара,
Когда под тонким слоем пара
Оне почиют при луне.

Стихотворение было замечено заинтересованными читателями. Н. А. Цертелев, член Вольного общества (принадлежавший, однако, к правому его крылу), этнограф и видный знаток народной поэзии, назвал «Умирающего барда» «прекрасным подражанием Оссиану», добавляя: «Чистота языка, гармония стихов и полнота картин суть достоинства сего стихотворения» (*257*, с. 112—113).[13]

В истории декабристского оссианизма примечательна судьба баллады французского поэта-преромантика Ш.-И. Мильвуа (1782—1816) «Выкуп Эгила» (La rançon d'Egil, 1808). Шведский скальд Эгил, оскорбленный заносчивым сыном скандинавского короля Эльмором, убивает его на поединке. Скальду грозит смерть, но последняя его песнь, в которой он славит доблести и подвиги Эльмора, воспевает его загробное блаженство и оплакивает свою горькую участь, примиряет с ним короля-отца, и тот его прощает.

Утверждавшая нравственную силу и торжество поэзии баллада была популярна в России. Ее перевели А. Ф. Во-

[13] Статья с этим отзывом подписана «Житель Васильевского острова»; некоторые библиографы приписывали псевдоним О. М. Сомову (см.: *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей, т. I. М., 1956, с. 378).

lib.pushkinskijdom.ru

ейков («Искупление барда»)[14] и юный Д. В. Веневитинов («Освобождение скальда»).[15] Но для русских читателей этого времени образ певца-воина неизбежно ассоциировался с Оссианом. М. А. Дмитриев (1796—1866), сын первого русского переводчика Оссиана, связанный в начале 1820-х гг. с некоторыми декабристами и принятый в Вольное общество по рекомендации Рылеева, написал, опираясь на Мильвуа, «драматическую картину» «Выкуп барда, или Сила песнопения» (*269*), где превратил Эгила в Эрвина «барда цельтийского», т. е. осложнил конфликт кельтско-скандинавским противоборством.[16]

Это преобразование довершил близкий Дмитриеву А. И. Писарев (1803—1828), воспитанник Московского университетского благородного пансиона, стяжавший в 20-е гг. известность как водевилист; он также выступал в печати с оригинальными и переводными стихами. В мае 1821 г. он был принят в члены-сотрудники Вольного общества любителей российской словесности. Писарев, опираясь на сюжет Мильвуа, сделал героем своего стихотворения не просто кельтского барда, но самого Оссиана и соответственно именовал Скандинавию Локлином, упоминал Фингала и т. д. Баллада «Выкуп Оссиана» была одобрена на заседании Вольного общества 1 сентября 1824 г. и опубликована в «Соревнователе» (*265*). Так имя Оссиана было закреплено за очень важным в декабристской поэзии романтическим образом поэта — трибуна и бойца, равно торжествующего, сражаясь оружием и песней.

Спешил, рыдая, царь Локлина
Оковы снять с прощенного певца:
И победил певец мечом геройство сына
И арфой мщение отца.

---

[14] Новости литературы, 1824, июль, с. 29—37.

[15] Опубликовано посмертно: Рус. старина, 1914, т. CLVIII, № 4, с. 120—127. Исследователи датируют перевод в пределах 1818—1823 гг.

[16] Характерным свидетельством восприятия современников служит статья Д. П. Ознобишина (см. *283*), который даже не заметил, что в «Выкупе барда» действие происходит в Скандинавии и цитировал «драматическую картину» в пример того, что «на севере посреди бесплодных и неприступных скал *Каледонии* видим мы людей, которых сердце согревалось высоким пламенем Музыки и Поэзии» (*283*, с. 390; курсив мой, — *Ю. Л.*).

lib.pushkinskijdom.ru

Как и в пору войны с Наполеоном, в гражданской поэзии декабристского периода оссианический образ барда, перенесенный на славянскую почву, приобретает актуальный патриотический смысл. Мы встречаем его в «Песни барда во время владычества татар в России» (1823) Н. М. Языкова[17] и в «Песни на могиле падших за Отечество» (1818) А. А. Никитина. А после разгрома восстания связанный с декабристами А. А. Шишков (1799—1832) в стихотворении «Бард на поле битвы» прославлял и оплакивал павших товарищей:

Он вызывал погибших к битве новой,
Но вкруг него сон мертвый повевал,
И тщетно глас его суровый
О славе мертвым напевал.[18]

Вершиной декабристской исторической поэзии явились, как известно, «Думы» Рылеева, целью которых было, по

---

[17] В этой «Песни» содержится оссианическое сравнение луны и щита, получившее уже распространение в русской поэзии:

Как щит, в бою окровавленный,
Восходит полная луна.

(*Языков Н. М.* Полн. собр. стихотворений. М.—Л., 1934, с 120).

Ср.: в «Песни по взятии Измаила» Державина:

Как полный месяц щит его,
Как сосна рында обожженна...

(*Державин.* Стихотворения. Л., 1933, с. 100)

В «Фингале» Озерова (песнь Уллина):

Копье, как сосна вековая,
И щит, как полная луна.

(*108*, с. 3)

В «Эоловой арфе» Жуковского:

На темные своды
Багряным щитом покатилась луна.

(*156*, с. 63)

В «Оскаре и Альтосе» Олина:

Как щит багряный и огромный,
Туманами окружена,
Плывет кровавая луна.

(*252*, с. 20)

[18] Поэты 1820—1830-х годов, т. I. Л., 1972, с. 410.

lib.pushkinskijdom.ru

словам А. А. Бестужева, «возбуждать доблести сограждан подвигами предков».[19] Здесь нет необходимости характеризовать в целом этот литературный памятник, хорошо уже изученный,[20] рассматривать его отношение к источникам и т. д. Отметим только, что юношеское увлечение Рылеева Оссианом не прошло даром и наложило свой отпечаток на «Думы». Это проявляется прежде всего в лирическом характере повествования. Подобно тому как в «Поэмах Оссиана» за всеми событиями и героями стоит образ старого барда и воина, так и в «Думах» образ автора, патриота и гражданина, является спутником исторических героев.

С Оссианом сближает «Думы» и однообразный меланхолический колорит, убедительно показанный К. В. Пигаревым, который установил, что «творческое воображение поэта как бы ограничено не только дидактической целью, но и заранее подсказанными позами и выражениями лиц героев. На „камне мшистом, в час *ночной*“ *сидит* Курбский; на „черном пне“, в *полночь сидит* царевич Алексей. Вокруг того и другого шумит и „страшно воет“ темный, дремучий лес. На „диком бреге Иртыша“ *сидит* Ермак; „над кипящею пучиною“ Волхова *сидит* Вадим. В обоих последних случаях молнии бороздят небо. Одиноко, погрузившись в свои думы, *сидят* на шумных пирах песнопевец Боян и Владимир Красное Солнце... Все герои Рылеева непременно задумчивы и почти всегда печальны. „Глубокая горесть“ воздымает „младые перси“ Рогнеды; с „*мрачной* грустью“ в стесненной груди вспоминает о былой славе Михаил Тверской. „*Склоненный на длань головою*“ Глинский летает „*угрюмою* думой в минувшем“; „*на длань склонен главой*“, взирает на шумные толпы народа Владимир: „*склоняся на руку главой, угрюмый, мрачный* и безмолвный“ коротает томительные часы изгнания Меншиков».[21]

Можно было бы, конечно, допустить, что эти неизменные позы, однородные душевные состояния рылеевских героев возникли в творческом сознании поэта независимо от

---

[19] *Бестужев А. А.* Взгляд на старую и новую словесность в России. — В кн.: Литературно-критические работы декабристов. М., 1978, с. 48.

[20] См. итоговую работу: *Фризман Л. Г.* «Думы» Рылеева. — В кн.: *Рылеев К. Ф.* Думы. М., 1975, с. 171—226.

[21] *Пигарев К.* Жизнь Рылеева. М., 1947, с. 62—63.

lib.pushkinskijdom.ru

скорбного образа шотландского барда, если бы сам Рылеев не указал на эту связь. Едва ли без его ведома гравер А. Флоров позаимствовал для титульного листа «Дум» (М., 1825) изображение Оссиана из 4-го издания оссиановских стихотворений П.-М.-Л. Баур-Лормиана.[22] Причем бард, представленный здесь, не воспевает героев и не разит врагов, но, отложив в сторону арфу и копье, склонясь на руку головой, он сидит над рекою, погруженный в глубокую думу — точь-в-точь, как герои Рылеева.

Близки к оссиановской традиции и пейзажи «Дум», условно северные, преимущественно ночные. Луна, одинокая и бледная, то выплывает из-за туч, то «ныряет» «в туманных облаках», то «сквозь тучи крадется», озаряя долы. Свистят, воют, шумят, бушуют ветры, ревет буря. Волны рек — Днепра, Волхова, Иртыша, Сосвы — плещут, клубятся, бьются в берега. Встречаются здесь и характерные оссианические сравнения: «Как тучи, с гор текли косоги. . .» или

Он к войску шел, как в океане
Валится в бурю черный вал,
И стал, как со́сна, на кургане. . .[23]

А за Святополком Окаянным даже летят оссиановские тени убитых братьев. Возможно, что эта насыщенность оссианической образностью и побудила Пушкина произнести свой суровый приговор «Думам»: «Национального, русского нет в них ничего, кроме имен (исключаю Ивана Сусанина. . .)».[24]

Рылеева в Оссиане, видимо, привлекал лейтмотив его поэм, гласящий, что гибель за честное, правое дело почетна и будет прославлена бардами в грядущих поколениях. Эпиграфом к «Думам» могло бы служить четверостишие из «Волынского»:

Славна кончина за народ!
Певцы, герою в воздаянье,
Из века в век, из рода в род
Передадут его деянье.[25]

---

[22] Ossian, barde du troisième siècle. Poésies galliques en vers français; par P. M. L. Baour Lormian. 4-me éd., avec gravures. Paris, [1822] (см. выше, с. 96 — титульный лист «Дум» Рылеева).

[23] *Рылеев К. Ф.* Думы, с. 37 («Мстислав Удалый»).

[24] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. X. М.—Л., 1949, с. 143 (письмо к К. Ф. Рылееву, май 1825 г.).

[25] *Рылеев К. Ф.* Думы, с. 85.

lib.pushkinskijdom.ru

В поэмах Оссиана часто говорится о «воздаянии», которое принесут павшему герою барды, воспевающие его подвиги. Но идея первой строки принадлежит исключительно Рылееву: Макферсон при всем своем патриотизме до нее еще не дошел. В таком переосмыслении этического идеала и заключалась идейная сущность декабристского оссианизма.

14

Но в русском оссианизме 1810—20-х гг. существовало и другое направление, восходящее к сентименталистской трактовке. Наиболее значительным произведением этого рода явилась баллада В. А. Жуковского «Эолова арфа» (1814).

Оссиан, которым Жуковский увлекался в юношеские годы, продолжал волновать его творческое воображение и позднее. В составленном им около 1814 г. перечне возможных балладных тем дважды записаны «Картон или Сельмские Песни».[1] Замысел, однако, остался неосуществленным. Выше мы уже касались исторической повести Жуковского «Вадим Новгородский» и «Песни барда над гробом славян-победителей», где так или иначе разрабатывался героический аспект оссианизма. Этот аспект продолжал привлекать поэта и дальше. Оссиан упоминается в перечне авторов и произведений, на которые он предполагал опереться при создании «Владимира», эпической поэмы, задуманной около 1810 г.[2] Но в его творческом сознании одновременно сосуществовали и некие сентиментально-идиллические образы, обозначенные оссиановскими именами.

Это проявилось уже в элегии «Вечер», написанной в том же самом 1806 г., когда была создана «Песнь барда», резко отличная и по содержанию, и по настроению. «Вечер» — раннюю декларацию своего поэтического предназначения — Жуковский первоначально завершал строфой:

---

[1] ГПБ, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 78, л. 24 об.

[2] См.: *Веселовский А. Н.* В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». Пг., 1918, с. 488. — Поэма «Владимир» так и не была написана Жуковским, несмотря на многолетние раздумья над нею.

lib.pushkinskijdom.ru

Так — петь есть мой удел!.. Но долго ль? Как узнать!
Ах! скоро, может быть, с пастушкою унылой
Придет сюда пастух в час вечера мечтать
Над тихой юноши могилой! [3]

В дальнейшем «пастушка» и «пастух» были исключены, и в окончательной редакции соответствующие строки читаются:

Ах! скоро, может быть, с Минваною унылой
Придет сюда Альпин... [4]

Дорабатывая стихотворение, поэт устранял из пейзажных описаний конкретные черты своей родины — села Мишенского. И как реальные кресты и главы церквей превращались у него в таинственные «башни», овеянные дымкой средневековья,[5] так и земные пастухи были заменены заимствованными из Оссиана именами, которые окружал романтический ореол. Позднее тем же условно поэтическим именем Минвана Жуковский назовет Машу Протасову в аллегорическом «видении» «Три сестры» (1808). Это в некотором смысле предыстория «Эоловой арфы», где героиня также зовется Минваной.

Баллада «Эолова арфа» — одно из лучших поэтических созданий Жуковского.[6] Тема ее — несчастная любовь царской дочери и бедного незнатного певца — отражала мучительные переживания самого поэта, который не мог соединиться с любимой им Машей Протасовой из-за религиозных и сословных предрассудков ее матери. Однако баллада свободна от каких-либо конкретных следов личной душевной драмы. Перенося сюжетное действие в обстановку западноевропейского средневековья, Жуковский стремился создать предельно обобщенное лиро-эпическое произведение о трагедии запретной любви. И одним из источников поэтической образности служил для него Оссиан.

Показателен один из предварительных набросков баллады:

«1. Армин был славен на холмах Морвена. Озеро орошало его замки. Вокруг гóры, одетые кустарн[иком]. На

---

[3] Вестн. Европы, 1807, ч. XXXI, № 4, февр., с. 281.

[4] В рукописных вариантах «пастух» сперва был заменен оссиановским женским именем: «Придет сюда Кольма́» (ГПБ, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 13, л. 55 об.); на могилу поэта приходили две девы.

[5] См.: Резанов, вып. 2, с. 370—371.

[6] См.: *Иезуитова Р. В.* В. Жуковский, «Эолова арфа». — В кн.: Поэтический строй русской лирики. Л., 1973, с. 38—52.

lib.pushkinskijdom.ru

них часто раздавался его рог и псы. В дому его часто звучали чаши. Стены обвешаны были щитами и доспехами. И часто в кругу гостей разговор о подв[игах] древ[них] лет.

2. Винвела цвела. Прекрасная. Кудри вились вокруг ее головы, как легкий туман холма, озлащ[енный] солнцем. Когда она шла (?), то ветерок играл ее кудрями. Взгляд ее был тих, как сияние вечера, голос сладок, как источник. А душа чище утра.

3. Альпин, юный певец, ее тайно любил и втайне был любим. Их нежность была чиста, но скрывались от строгих взоров отца. Он певец. Она дочь царей. Они любили, не думая о будущем»,[7] и т. д.

Здесь наиболее очевидна зависимость от поэм Оссиана, откуда взяты все имена: Армин и Альпин — из «Песен в Сельме» (первый — вождь острова Горма, этимология имени — «герой»; второй — один из бардов Фингала); Винвела — из «Каррик-туры» (этимология — «женщина с приятным голосом»); Морвен упоминается почти во всех поэмах.

По Оссиану составлялись и характеристики Армина и Винвелы. Так, например, упоминание «холмов» было подсказано Жуковскому этимологией, какую Макферсон указал для Морвена — «гряда очень высоких холмов» (т. I, с. 241).[8] Охота и пиры Армина — обычное занятие оссиановских королей и вождей в мирное время, а стены их пиршественных зал обвешаны оружием предков. Из оссиановских поэм заимствованы и сравнения, характеризующие Винвелу, причем наиболее яркое из них — кудрей с туманом — почти перевод.[9]

Из того же источника почерпнул русский поэт сюжетный центр баллады — поверье о вещей арфе, повешенной на ветвь, чтобы сообщать живым о смерти и отзываться на прикосновение пролетающей тени. Мотив этот встре-

---

[7] ГПБ, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 78, л. 27.

[8] Здесь и ниже, в разделе о Жуковском, цитаты из «Поэм Оссиана» Макферсона даются в прямом переводе с английского текста со ссылками на том и страницу издания, которым пользовался Жуковский (хранится в составе его библиотеки в Томском университете): The Poems of Ossian. Transl. by James Macpherson, Esq. In two vols. A new ed. London, Print. for A. Strahan and T. Cadell, 1796.

[9] Ср.: «...кудри твои — туман Кромлы, когда клубится он на холме, когда сияет он в лучах заката!» («Фингал» I — т. I, с. 207).

lib.pushkinskijdom.ru

чается у Оссиана неоднократно.[10] Даже заключительное сравнение героини с увядающим цветком, которого не найдет странник, взято из поэмы «Берратон» (возможно, через «Вертера», где это место цитируется).[11]

Однако, когда первоначальные прозаические наброски стали преобразовываться в балладу, связи с Оссианом в значительной мере ослабели. Это сказалось прежде всего на именах. Армин (в другом наброске Морний[12] — тоже из поэм Оссиана) превратился в Ордала. Ордал не вызывает никаких историко-литературных ассоциаций и, очевидно, придуман поэтом. Само звучание имени, дважды соединенного с эпитетом «могучий» и перекликающегося с рифмами «возвышал», «нарушал», «устремлял», создает в общем контексте мрачное и зловещее впечатление слепой беспощадной гордыни. Удаляло от Оссиана и превращение Винвелы в Минвану; последнее имя, как и Мальвина, получило к тому времени широкое распространение в преромантической литературе и могло уже не вызывать оссиановских ассоциаций. Для Жуковского Минвана еще в «Трех сестрах» соединилась с Машей Протасовой, и это, видимо, оказалось решающим. Юный же певец стал Арминием. Арминий — не Армин; он заставлял вспомнить не каледонского, но германского легендарного героя — Германа Херуска, восставшего против римлян. Но Жуковского в сущности это мало заботило. У него, как уже указывалось, «экзотика имен и названий... не имеет этнографического или исторического характера, а скорее — эмоционально-звуковой. Они воздействуют самым своим необычным, романтически-эффектным звучанием».[13]

---

[10] Например: «Ветра порыв пролетел, шелестя, по чертогу и коснулся слегка моей арфы. Звук был печален и тих, словно надгробная песнь. Первый услышал Фингал. Стесненные вздохи исторглись из груди его. „Кто-то пал из моих героев, — сказал седовласый король Морвена. — Я слышу звук смерти на арфе“» («Дар-тула» — т. I, с. 333); «На иссохшей ветви висит моя арфа. Скорбно звучат ее струны. Ветер ли тебя коснулся, арфа, иль это дух пролетающий! Это рука Мальвины!» («Берратон» — т. II, с. 184).

[11] В наброске: «Цветок. Скоро погибну. Странник придет, не найдет меня» (ГПБ, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 78, л. 27). Ср.: «Цветок склоняет головку тяжелую... Он словно говорит... „Скоро увяну я... Завтра явится странник, тот, кто видел меня во всей красе, придет, Окинет он взором поле, но не отыщет меня“» («Берратон» — т. II, с. 173). Ср. строфу 32 (предпоследнюю) в окончательной редакции.

[12] См.: ГПБ, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 78, л. 26 об.

[13] *Гуковский Г. А.* Пушкин и русские романтики. М., 1965, с. 228 (см. там же. с. 230—231 — примеры из «Эоловой арфы»).

lib.pushkinskijdom.ru

Смешивались не только имена (кстати, само название баллады, связанное с греческой мифологией, в какой-то мере вводило ее в круг иных ассоциаций), смешивались и эпохи. Оссиановская древность принимала бытовые черты рыцарского средневековья: неопределенный «замок» в набросках приобретал в балладе «стены зубчатые», «доспехи» превращались в «чеканные латы» и т. д. Но самым существенным отступлением от оссиановской поэзии была идея сословного неравенства как основы трагического конфликта.

В поэмах Оссиана—Макферсона герои различаются по своему положению: там действуют короли, большие и малые (petty kings), вожди и простые воины. Но нигде сословные различия не выступают препятствием к соединению влюбленных, несчастной здесь может быть только неразделенная любовь. Впрочем, любовь между представителями знати и простонародья у Макферсона вообще не встречается.[14] Между тем для Жуковского роковое значение для влюбленных сословного неравенства было основным побудительным мотивом при написании баллады. «Ты принцесса, я ничто», говорит Альпин в черновом наброске. Этот влюбленный юноша с самого начала нисколько не походил на воинственных и гордых воздаваемыми им почестями оссиановских бардов. Прообразами ему служили герои элегий Жуковского: «певец уединенный» («Сельское кладбище», 1802), «бедный певец» («Певец», 1811), лирический герой «Вечера». Он был alter ego самого поэта с его душевным складом и поэтическим миром. И в этом состояло основное отличие баллады от оссиановской поэзии Макферсона.

Исследователи отмечали зависимость «Эоловой арфы» также от баллады Бюргера «Ленардо и Бландина» (общая сюжетная схема), от сцены прощания в «Ромео и Джульетте» Шекспира (д. III, сц. 3),[15] от переклички влюблен-

---

[14] Макферсон даже специально объяснял это в примечании к поэме «Суль-малла из Лумона»: «У малопросвещенных народов красота и величавая осанка служили признаком благородной крови. Именно по этим признакам узнавали чужеземцы представителей царственных родов... Причину такого отличия следует в какой-то мере приписать чистоте крови. Ничто не побуждало их породниться с простонародьем, и никакие низменные своекорыстные соображения не заставляли отклониться от выбора в своей среде» (т. I, с.164—165).

[15] Ср. в наброске: «Уж утро — постой! — Жаворонок — постой — заря (?) — прости» (ГПБ, ф. 286, оп. 1, ед. хр. 78, л. 27). Это упоминание жаворонка (отсутствующее в окончательном тексте), о ко-

lib.pushkinskijdom.ru

ных Винвелы и Шильрика в «Каррик-туре» Оссиана. Но все эти несомненные внешние влияния были органически освоены и творчески переработаны Жуковским, вобравшим их в собственную поэтическую систему и сказавшим в поэзии, независимо от источников, свое новое слово. Сумрачный и таинственный, в достаточной мере условный средневековo-оссианический колорит сочетается с лирической взволнованностью живого чувства. И все это передается музыкальным, напевным стихом, заключенным в причудливую строфическую форму:

И вдруг... из молчанья
Подъялся протяжный, задумчивый звон,
И тише дыханья
Играющей в листьях прохлады был он.
В ней сердце смутилось:
То друга привет!
«Свершилось! свершилось!
Земля опустела! уж милого нет!»

(*156*, с. 69)

Или заключительный аккорд, завершающий балладу и сюжетно и мелодически:

И нет уж Минваны!..
Когда от потоков, холмов и полей
Восходят туманы
И светит, как в дыме, луна без лучей —
Две видятся тени;
Слиявшись, летят
К знакомой им сени;
И дуб шевелится, и струны звучат!

(*156*, с. 71)

Конечно, был прав Белинский, когда писал: «„Эолова арфа“ ... прекрасное и поэтическое произведение, где сосредоточен весь смысл, вся благоухающая прелесть романтики Жуковского». И в то же время критик считал, что все в балладе «так и дышит музыкою северного романтизма, неопределенного, туманного, унылого, возникшего на гранитной почве Скандинавии и туманных берегах Альбиона...».[16]

тором говорят Ромео и Джульетта при расставании, указывает на несомненную связь баллады с трагедией Шекспира.

[16] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., т. VII. М., 1955, с. 171.

lib.pushkinskijdom.ru

Современники поэта не замедлили указать на связь баллады с Оссианом. «Здесь верное изображение шотландской природы и Оссиановых героев, — утверждал критик «Русского инвалида», — их характера, обычаев, рыцарской гордости и образа жизни» (*242*, с. 199). Позднее П. А. Плетнев в «Чтении о В. А. Жуковском» отметил, что в «Эоловой арфе» «краски, музыка, мечтательность и вымысел создания — все представляет особый мир, царство Оссиана, так живо и ясно воскреснувшее в душе поэта нашего».[17]

Английский лингвист и переводчик Джон Бауринг, создавший переводную «Российскую антологию» (1821), писал там в примечании к «Эоловой арфе»: «Читателям Оссиана сразу же придет на ум, что действующие лица, чувства и обстановка в этом стихотворении заимствованы у него».[18] И далее Бауринг сопровождал отдельные места баллады параллельными, с его точки зрения, цитатами из поэм Оссиана, которые, несомненно, оказали влияние на его перевод. А французский критик К. Кокрель в рецензии на «Российскую антологию» замечал по поводу «Эоловой арфы»: «Видно, что сия пьеса в украшениях поэзии почти вся заимствована из Оссиана; но сие не лишает ее некоторой оригинальности. Жуковский выбрал со вкусом прекраснейшие картины шотландской поэзии...» (*233*, с. 66).

Баллада пользовалась популярностью, особенно среди юношества. А. В. Склабовский в послании к одному из друзей описывал, как студенты зимним вечером читают «страшные баллады»:

А там *Минвана* в тишине
Одна, при месячном мерцанье,
Сидит под дубом на холме...
И слышит тихое бряцанье
Висящей *арфы* на ветвях...

(*206*)

---

[17] *Плетнев П. А.* Соч. и переписка, т. III. СПб., 1885, с. 51. — Я. К. Гроту Плетнев писал 20 октября 1843 г.: «„Эолова арфа“ есть оригинальная баллада самого Жуковского. Разумеется, все краски дышат поэзиею Оссиана» (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. II. СПб., 1896, с. 134).

[18] Российская антология. Specimens of the Russian Poets: transl. by John Bowring. 2nd ed. London, 1821, p. 76.

lib.pushkinskijdom.ru

Помещичьи дети, герои повести Владина «Как случится», твердят на память стихи из «Эоловой арфы» и уподобляют друг друга героям баллады.[19]

Выше мы старались показать, что связь Жуковского с Оссианом, особенно в «Эоловой арфе», была ограниченной, во многом внешней, а некоторые черты баллады даже противоречили оссиановской поэзии. И если современники уверенно считали ее оссианическим произведением, это свидетельствует о том, что Оссиан как литературное явление утратил в их сознании конкретные черты и особенности, стал своего рода общим понятием, довольно смутным и расплывчатым.

Жуковский был не одинок в своем преобразовании Оссиана. Одновременно с «Эоловой арфой» была опубликована баллада некоего пермского поэта Алексея Протекинского «Рыцарь золотой брони» (*157*). В ней рассказывается о могучем и коварном черном рыцаре, «ужасе стран окрестных»; он всех побеждал и странствовал в поисках приключений и славы. Наконец его

Страсть к турнирам привела
В область Сельмы — там жила
Милая Минвана!
Сельмы красотой слыла
И единая была
Дочь царя Морвена.

(*157*, с. 218)

Минвана пленяла своей красотой всех рыцарей, но ей был мил один лишь «рыцарь бро́ни золотой». Добрый царь Морвена, видя их взаимную любовь, дает согласие на брак, но в день обручения после турнира и пиршества черный рыцарь, подкупив стражей, похищает Минвану. Рыцарь золотой брони пускается на поиски похитителя, находит его замок, убивает злодея, обретает Минвану, и они оба, счастливые, спешат в родную страну.

Вот балладе и конец;
Ей знаменованье:
Добродетели — венец;
Злобе — наказанье.

(*157*, с. 224)

---

[19] См.: Благонамеренный, 1821, ч. XIII, № 1, с. 27.

lib.pushkinskijdom.ru

«Рыцарь золотой брони» и «Эолова арфа» создавались независимо друг от друга[20] и, разумеется, эти две баллады несопоставимы как художественные произведения. Тем разительнее выглядит их типологическое сходство, когда одни и те же оссиановские имена: Морвен, Минвана соединяются с обстановкой средневекового рыцарства для создания условного северного романтического колорита.[21]

«Эолова арфа» повлекла за собою подражания. Некоторые поэты попытались освоить созданную Жуковским оригинальную строфическую форму, своеобразно сочетающую три четырехстопных и пять трехстопных амфибрахических строк. Попытки эти, как правило, были малоудачны: для воссоздания строфы недостаточно было повторить ее ритмический рисунок, требовался еще поэтический талант Жуковского. К тому же она не была пригодна для произведений большого размера. Когда в 1828 г. А. А. Слепцов[22] использовал эту строфу, создавая вольное переложение в стихи поэмы Оссиана «Картон» (*288*), которое содержало в трех «песнях» 121 строфу (в «Эоловой арфе» — 33 строфы), критик «Московского телеграфа» справедливо заметил: «Для поэмы этот размер довольно утомителен и слишком сжат» (*296*, с. 230).

Однако использование Слепцовым строфы «Эоловой арфы» для оссиановской поэмы — случай единственный. Другие поэты, избиравшие эту форму, все больше удалялись от Оссиана. Д. П. Глебов, поэт переимчивый, некогда

---

[20] В подписи к «Рыцарю золотой брони» указан 1812 г. («Эолова арфа» написана в ноябре 1814 г.). Номер московского журнала «Амфион» с балладой Жуковского имеет дату цензурного разрешения 18 марта 1815 г., а казанский сборник «Трудов» с балладой Протекинского — 26 апреля 1815 г.

[21] Соединение оссиановских имен со средневековой обстановкой, но не северной, а южной, обнаруживается в эпигонском стихотворении казанского поэта П. Горленко «Мщение» (1832), где рыцарь, «питомец Морвены», которого на турнире увенчала «юная Гальвина», «В гондоле катился ночною порой По быстрому Твиду» (*319*).

[22] Об этом Слепцове известно лишь, что, помимо «Картона», он переложил, комбинируя разностопные ямбы и хореи, «Песни в Сельме» (*302*). Кроме того, подпись «А. Слепцов» встречается под стихами в «Атенее» (1830) и в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» (1833). Отождествление его с офицером и поэтом-любителем Алексеем Трофимовичем Слепцовым (1786—1831; см.: *Нарцов А. Н.* Материалы для истории дворянских родов Мартыновых и Слепцовых, с их ветвями. Тамбов, 1904, с. 250) — ошибочно, поскольку отчество Слепцова, переиначивавшего Оссиана, было Александрович (судя по отчеству его брата в посвящении к «Картону»).

lib.pushkinskijdom.ru

переложивший «русским складом» оссиановскую «Крому», затем писавший ура-патриотические оды, а еще позже обратившийся к элегическим темам, создает в 1817 г. балладу «Мальвина и Эдвин» — о юных влюбленных, которых лишил счастья отец девы, заставивший ее уйти в монастырь. Разлученные, они умирают, время разрушает замок и обитель, и баллада завершается мрачной картиной:

Коль в ночь на долину
Со громом сверкают из тучи бразды,
Страдальцев кончину
Вещают прохожим там камней ряды,
И бурей носимых
В развалинах свист,
И шорох незримых,
И гибкой березы трепещущий лист.

(*172*, с. 101)

П. А. Межаков (1786—1860-е гг.), питомец Московского университетского благородного пансиона, литератор-любитель, подражатель Жуковского и Батюшкова, перелагавший в 1815—1817 гг. Оссиана (см.: *153*, *154*, *167*), написал в 1820 г. той же строфою стихотворение «Свидание» — о счастливой встрече влюбленных и завершил каждую строфу рефреном: «Майна́, милый друг мой, младая Майна!».[23] Эта Майна, возможно, была подсказана именем матери Картона Moina (Мои́на в русских переводах), но больше в стихотворении не было решительно ничего оссиановского.

Вильгельм Тило, переводивший в 1820—1830-е гг. немецких и французских авторов, создал балладу «Мальвина», где сочетал оссиановские имена, сюжетную схему «Леноры» Бюргера и мотивы германского сказания о лебедином рыцаре Лоэнгрине. Мальвина любит отважного Конала, который отправился в морской поход и одержал много побед. Но приходит весть о его гибели. Дева идет на прибрежный утес и готова уже броситься в волны, как замечает челнок, влекомый белыми лебедями, — это за нею приплыл Конал. Мальвина садится в челнок,

И лебеди статны,
Свои распустив белоснежны криле,
Помчались обратно
С ладьею, мелькая, как звезды, во мгле,

[23] Благонамеренный, 1820, ч. IX, № 1, с. 42—44.

lib.pushkinskijdom.ru

И страшно завыло
На небе, в водах —
И вздулось ветрило —
И дева и витязь исчезли в волнах!

(*227*, с. 9)[24]

Постепенно имена Мальвина и Минвана, упоминаемые в стихах этого времени, утрачивают связь с Оссианом, становятся обозначением романтической героини вообще.[25] Затем от частого употребления романтический ореол, их окружающий, тускнеет, и язвительный А. Ф. Воейков пишет о былых юношах, которые со временем узнали,

Что добродетель во плоти,
Уныло-томная Минвана,
Пленяя запахом кудрей,
Нас, легкомысленных людей,
Обманывает, как Ветрана;
И пригорюнясь на заре,
Сегодни плачет о Петре,
А завтра влюблена в Ивана.[26]

А строфа «Эоловой арфы», оторвавшись от оссиановских имен и ассоциаций, продолжала самостоятельное существование. В 1827 г. Надежда Теплова, тогда еще 13-летняя девушка, в своем поэтическом дебюте, не слишком умело воспроизводя форму строфы, стала воспевать родной край.[27] В 1831 г. той же строфой были написаны «Песнь янычара» Н. Данилова[28] о коварной турецкой кра-

---

[24] Лебедей с ладьею Тило, возможно, заимствовал из баллады Жуковского «Адельстан» — переработки легенды о Лоэнгрине. Ср. строки в конце обеих баллад: «И страшно завыло» («Мальвина»), «Страшно, страшно застонало» («Адельстан»).

[25] См., например, восходящие к одному источнику переводные стихотворения: «Сон Мальвины» В. И. Панаева (*190*) и «Видение Минваны» за подписью Z (*191*). Стихотворения, одинаково названные «Мальвина», писали: Д. П. Глебов (Благонамеренный, 1820, ч. IX, № 3, с. 189—190), Е. В. Аладьин (Невский альманах на 1825 год. СПб., 1825, с. 55—63), М. Марков (Вестн. Европы, 1825, № 18, с. 117—118) и авторы, подписавшиеся: М. (там же, 1817, ч. XCIV, № 14, с. 98—102) и Р—в Ш—ч (Календарь муз на 1826 год. СПб., 1826. Стихотворения, с. 25—31).

[26] *Воейков*. Послание к N. N. — Дамский журн., 1825, ч. XII, № 20, с. 61.

[27] *Теплова Надежда*. К родной стороне. — Моск. телеграф, 1827, ч. XV, № 12, отд. II, с. 136—137. — О Н. С. Тепловой (1814—1848) см.: Поэты 1820—1830-х годов, т. I. Л., 1972, с. 580—592.

[28] Сев. Меркурий, 1831, 26 янв., № 11, с. 46.

lib.pushkinskijdom.ru

савице Заире и «повесть в стихах» «Пустынники, или Жертвы несчастной любви» Ивана Орлова. Последняя представляет собою довольно обширное (полторы тысячи строк) произведение, где нелепо перемешаны отзвуки «Эоловой арфы» (любовь знатной девы и простого воина: «ты княгиня — я ж беден и сир»),[29] мелодраматический сюжет (дочь бежит, соединяется с возлюбленным, и через несколько лет отец обнаруживает их и убивает, оставляя сиротой шестилетнюю внучку), неопределенная обстановка, соединяющая черты рыцарского средневековья и русского помещичьего быта, разнородные имена (Сюжер, Прелеста, Арендаль,[30] Валентин, Людмила). И все это излагается корявым стихом, лишенным какой-либо поэтичности.

Такая профанация баллады Жуковского, возможно, и побудила неизвестного автора написать пародийную «Волшебную гитару»,[31] где сюжет был перенесен из средневековья в современную Москву:

Помещик богатый
Жил в дедовском доме на Чистых Прудах:
Громадой палаты
Казались при прочих соседних домах:
Кругом тротуары
И тумбы кругом,
И дом, хотя старый,
Но все был богатый и убранный дом.

Дочь помещика влюбилась в бедного студента Киевской лавры. Они встречались ночью, и студент привязал к липе пророческую гитару. Но происками отца студент был отправлен в попы в Сибирь, где он попал под суд. Дочь утопилась и

С тех пор по ночам
Гуляют две тени
И липы все ищут по Чистым Прудам.

Смысл пародии многозначителен. Едва ли она была направлена против самого Жуковского, скорее — против бездарных его подражателей. Но главное, безымянный автор

---

[29] *Орлов Иван.* Пустынники, или Жертвы несчастной любви. Повесть в стихах. М., 1831, с. 39. — См.: *Жирмунский В. М.* Байрон и Пушкин. Л., 1978, с. 235.

[30] Один из героев «Песен в Сельме» — Ариндаль.

[31] *** Волшебная гитара. Пародия Эоловой арфы В. А. Жуковского. — Молва, 1831, ч. II, № 49, с. 353—361.

lib.pushkinskijdom.ru

стремился показать, что ультраромантические сюжеты и перепевы Оссиана уже неуместны в литературе. Правда, обитатели Чистых Прудов, помещики и студенты, еще не стали полноправными ее героями, но их время было недалеко.

15

Это постепенное вытеснение оссиановской поэзии из русской литературы наглядно отразилось в творчестве В. Н. Олина, который по числу и объему созданных им оссианических произведений уступает только Н. Ф. Грамматину. На этом, однако, сходство между двумя поэтами кончается. Если Грамматин, единожды избрав стилистическую манеру и метр для русских стихотворных переложений Оссиана, неизменно придерживался их, то Олин постоянно экспериментировал, отзываясь на изменения литературных вкусов.

Валериан Николаевич Олин (ок. 1788—1841),[1] плодовитый и многосторонний литератор, который, по словам П. А. Плетнева, «испытывал себя почти во всех родах письменности»,[2] переводчик, журналист, издатель — отличался большой переимчивостью, старался всегда идти в ногу со временем. Он и к Оссиану-то обратился тогда, когда шотландский бард пользовался наибольшей популярностью в русской литературе, и сознательно отошел от него, почувствовав, что мода на Оссиана прошла. Свою литературную деятельность Олин начинал в кругу Беседы любителей русского слова, членом-сотрудником которой позднее стал, и влияние этого литературного общества сказалось на его первой оссиановской поэме «Сражение при Лоре» (*144*).

Источником Олину послужила одноименная малая поэма Оссиана—Макферсона с довольно сложным сюжетом. Фингал по возвращении из Ирландии, откуда он изгнал Сварана (чему посвящена поэма «Фингал»), устроил пиршество, на которое забыл пригласить Мароннана и

---

[1] О нем см.: *Розанов И. Н.* Русская лирика. От поэзии безличной — к исповеди сердца. М., 1914, с. 354—361; Поэты 1820—1830-х годов, т. I. Л., 1972, с. 116—118.

[2] *Плетнев П. А.* Соч. и переписка, т. II. СПб., 1885, с. 244.

lib.pushkinskijdom.ru

Альда, двух вождей, не участвовавших в последнем его походе. Обиженные этим, они отправились к врагу Фингала, одному из скандинавских королей Эррагону. Там Альд прославился в войнах, и Лорма, жена Эррагона, влюбилась в него и тайно бежала с ним к Фингалу. Эррагон, преследуя беглецов, вторгся в Шотландию, отверг мирные предложения Фингала, убил в бою Альда, но и сам погиб, сраженный одним из Фингаловых вождей, а безутешная Лорма умерла от горя.

Олин много занимался переводами (преимущественно римских поэтов) и знал английский язык, но, перелагая поэмы Оссиана, видимо, опирался на перевод Кострова. «Сражение при Лоре» он решил разделить на две песни, доведя действие первой до ночи накануне заключительной битвы. В конце этой песни он поместил рассказ барда, для чего заимствовал вставной эпизод из первой книги «Фингала» — историю Морны и двух влюбленных в нее воинов. Один из них, отвергнутый ею, убивает счастливого соперника и, придя к Морне, домогается ее любви. Кляня злодея, она хитростью выманивает у него меч и пронзает его, а он, умирая, успевает ее убить. Этот кровавый мелодраматический эпизод еще в 1795 г. привлек внимание Н. С. Смирнова (см. *27*), а позднее к нему обратится поэт М. П. Загорский (см. *247*). Олин же обрабатывал его трижды.

«Эпический опыт трудов моих» (*146*) — так назвал Олин «Сражение при Лоре». Общаясь в это время с эпигонами классицизма, он задумал создать эпопею классического образца. С этой целью он несколько преобразовывал свой источник: усиливал эпическую последовательность повествования, для чего вводил дополнительные сюжетные связки, сокращал объем лирических пассажей (так, открывающее поэму обращение Оссиана к пустыннику, которое у Кострова занимает полторы страницы, у Олина сведено к 10 строкам). Писал он поэму александрийским стихом, традиционным для классической эпопеи. Он не первый использовал этот размер для Оссиана; предшественниками его были: П. С. Политковский («Сельмские песни», *71*), А. П. Бенитцкий («Балклута», *118*) и, что особенно важно, П. А. Катенин («Песни в Сельме», *127*). Но Олин к тому же старался выдержать высокий, торжественный слог и, распространяя текст, настолько наполнял свою поэму славянизмами и архаизмами, что она в этом отно-

lib.pushkinskijdom.ru

шении не уступала даже стихам С. А. Ширинского-Шихматова. Вот, например, как он описывал в самом начале поэмы возвращение Фингалова войска:

По возвращении из холмного Уллина,
Стадами, сотами и сталию обильна,
Единонадесять морвенских кораблей,
Тягчимых воями и сонмами вождей,
Крушащими всегда враждебные препоны,
Приял в себя залив излучистыя Коны.

(*144*, с. 2)[3]

Опубликованное в виде отдельной брошюры в 1813 г. «Сражение при Лоре» содержало только первую песнь; вторая в печати не появлялась. Но работу над Оссианом поэт не прекращал, и два года спустя в печатном органе Беседы появилось новое его переложение — отрывок из «Теморы», выполненный на этот раз гекзаметром (*155*). Олин был ближе к тем членам Беседы, которые особенно интересовались и занимались античной литературой — к Н. И. Гнедичу, В. В. Капнисту, И. М. Муравьеву-Апостолу. Именно в это время, начиная с 1813 г., Гнедич публиковал отрывки своего гекзаметрического перевода «Илиады», и бурные споры о возможностях воссоздания гекзаметра на русском языке велись и в Беседе и за ее пределами.

Олин взял из «Теморы» отрывок военного характера (сражение и смерть Фольдата) и в своем переложении явно ориентировался на «Илиаду» Гнедича. Его отступления от подлинника состояли главным образом в том, что по образцу «Илиады» он вводил реплики, которыми обмениваются воины перед единоборством, добавлял составные эпитеты гомеровского типа, вроде «щит *осьмикожный*», «герой *кроволюбный*» и т. п., отсутствовавшие и в оригинале, и в переводе Кострова. В отличие от Макферсона, изображавшего обычно поединки общими фразами, без детализации, Олин по-гомеровски подробно описывал каждый удар, его действие, нанесенные им раны. И, конечно, самый гекзаметр вызывал у читателя гомеровские ассоциации:

---

[3] Ср. в переводе Кострова: «По возврате нашем из Уллина, залив Коны приял в себя корабли наши» (*12*, ч. I, с. 237).

lib.pushkinskijdom.ru

Зрите! как жаром воинским жегомый Филлан грознооокий
Звонко по медному шлему Фольдата мечом ударяет;
Шлем разлетелся на мелкие части, — железо же остро
Горду, высоку главу раздвояет до самыя выи.
Вождь сей, как снежная глыба, отторгнута бурей от холма,
Пал на хребет свой и часть занимает великую поля.
Черная кровь из главы его с мозгом течет и клокочет.

(*155*, с. 65—66) [4]

Вскоре, однако, Олин оставил попытки передавать Оссиана на гомеровский лад. В 1817 г. в печати появились два новых его оссиановских переложения, совсем иного характера. Он снова вернулся к старым сюжетам: «Сражению при Лоре» и эпизоду Морны, но уже публиковал их отдельно. Новый вариант «Сражения при Лоре» (*169*) состоял из семи стихотворных фрагментов, соединенных прозаическими связками-пересказами. Теперь Олина интересовали не столько события, которые он излагал главным образом в прозаических связках, сколько лирические отступления и описания обстановки. Так, первое обращение Оссиана к пустыннику, занимавшее в прежнем варианте 10 строк, здесь увеличилось в три раза. В другом месте Олин добавил раздумья старца Оссиана о Фингале, заимствованные из других поэм. Хотя в новой поэме сохранялся александрийский стих, лексически она была коренным образом переработана и в значительной мере освобождена от архаизмов. Приводим для сравнения новое описание возвращающегося Фингалова войска:

Царей Морвенских ветвь, Фингал, гроза Локлина,
Плывет с победой в дом из злачного Уллина.
Его крылатые двенадцать кораблей,
Как лебеди, летят поверх морских зыбей.
Родимый виден брег; пловцы веселья полны,
Спешат и веслами лазурны пенят волны.
Глядится в океан стыдливая заря,
И в пристани корабль Морвенского царя.

(*169*, с. 223)

По-новому обработал Олин и эпизод Морны в небольшой поэме «Каитбат и Морна» (*168*),[5] где сложно сочетал

---

[4] Ср. в переводе Кострова: «Фольдат пал на щит свой: копие Филланово его пронзило» (*12*, ч. II, с. 149).

[5] В своих переложениях Олин обращался весьма произвольно с оссиановскими именами. В переводе этого эпизода у Кострова героиня, ее возлюбленный и его соперник-убийца названы соответственно ори-

lib.pushkinskijdom.ru

разнообразные стихотворные размеры. При этом отчетливо проявилась его тенденция расширять прямую речь героев, усиливая лирическую патетику. Так, краткая реплика Морны в первом варианте:

«Итак мой юный друг почиет вечным сном!
Итак уж нет тебя, любезный сын Тормана!»
Рекла прелестная...

(*144*, с. 16)[6]

— превращается теперь в пространную ламентацию, подобную фольклорным заплачкам:

«Так уж нет тебя, мой милый! Сын Арданов, нет тебя!
Рок свирепый!.. Морна! Морна!.. О любезный мой Альтос!
Рано, рано, друг сердечный! ты востек на облака!
Как прелестный цвет весенний, так у нас ты расцветал;
Черна буря заревела... Где ты? где ты, нежный цвет?»
Так рекла, — и горьки слезы из мерцающих очей
Засверкали, покатились в два ручья на белу грудь.
Все свершилось! где ты радость?.. Жизнь моя не расцветет!»
и т. д.

(*168*, с. 136)

Оссиановские публикации Олина 1817 г. отражали его искания в области новой поэтической формы.[7] В следующем году он выступил со статьей «Взгляд на историю поэзии», где писал о «диких, но величественных песнях» «цельтических или шотландских бардов»: «Грозные и кровопролитные брани составляют их содержание; изображения оных сильны и живописны; но также и любовь в сих песнях находит для себя место... Лад мерный сих песен

гиналу: Морна, Каитбат и Дюкомар. В первом варианте «Сражения при Лоре» Олин взаимозаменил мужские имена. В поэме «Каитбат и Морна» имя Каитбата осталось у злодея, а возлюбленный назван Альтос. Позднее, обрабатывая заново этот сюжет, Олин назовет героиню Мальвиной, возлюбленного — Оскаром, а злодея — Альтосом (см. *252*). Подобным образом заменялись и другие имена.

[6] Ср. в переводе Кострова: «Итак нет уже, нет уже прекрасного сына Торманова? рекла нежная любовница, орошая вежди свои слезами» (*12*, ч. I, с. 88).

[7] Эти искания были замечены. Когда в том же году распространились слухи, что Олин хочет переводить Тассо, Батюшков писал в июле Гнедичу: «Я рад, что он (Тассо, — *Ю. Л.*) попался Олину: он ему задаст ломку. Как он Оссиана переводит! И так, и сяк ломает, только дребезги летят» (*Батюшков К. Н.* Соч., т. III. СПб., 1886, с. 457).

lib.pushkinskijdom.ru

ощутителен в однех только местах *лирических*, но места *повествовательные* не имеют определенной меры... Кто из нас не восхищался арфою Оссиана?» (*194*).

Еще через два года Олин поместил в своем журнале «Рецензент» заимствованное из Блэра «Критическое сравнение Оссиана с Гомером» (*232*), т. е. тот самый отрывок, который в свое время переводил Грамматин (см. *100*). Именно здесь оба русских поэта рассчитывали найти определение специфических черт оссиановского эпоса, его отличия от общепризнанного, гомеровского. «Гомер увлекает, Оссиан возвышает дух и повергает оный в смятение, — переводил Олин Блэра; — Гомер изящнее в действиях и битвах, Оссиан в описаниях и чувствованиях. В местах патетических, когда Гомер решается тронуть сердце, он силен; Оссиан обнаруживает силу сию гораздо чаще, и песни его несравненно разительнее запечатлены характером нежности. Никакой стихотворец не умеет лучше его извлекать слезы из глаз читателей».

Именно лирическая стихия Оссиана привлекала Олина в те годы, когда он окончательно порвал с Беседой. Творческие искания поэтов-романтиков — Жуковского, Пушкина, Рылеева, Баратынского и других, направленные на создание нового жанра, лирической или романтической поэмы, захватывают и его. Ему, конечно, известен Байрон, который в это время получает распространение в России и на которого опирается Пушкин, создавая романтические «южные» поэмы. Но Олин не решается прямо следовать Байрону; ему нужна некая промежуточная форма, и он обращается к хорошо знакомому Оссиану, обрабатывая его уже по-новому. А для такой цели Оссиан Макферсона вполне подходил. Преобладание лирического начала над эпическим, некоторая отрывочность и недосказанность повествования предвосхищали, хотя и ограниченно, характер лирической поэмы, получившей в дальнейшем наиболее полное выражение в восточных поэмах Байрона.

Изданная в 1823 г. поэма Олина «Оскар и Альтос» (*252*), третья и последняя его обработка эпизода Морны, имела большой успех. Ее единодушно хвалили конкурирующие между собой издания: «Русский инвалид» А. Ф. Воейкова (*256*), с одной стороны, и «Сын отечества» Н. И. Греча (*260*) с «Литературными листками» Ф. В. Булгарина (*261*) — с другой. А рецензент журнала «Благонамеренный», критикуя слабую поэму И. Покров-

lib.pushkinskijdom.ru

ского «Рауль», ставил автору в образец «превосходные небольшие романтические поэмы, например: *Шильонского узника* Жуковского; *Кавказского пленника* Пушкина; *Оскара и Альта* (sic!) Олина».[8] Все это воодушевило Олина, и через год он выпустил новую поэму «Кальфон» (*264*), для которой использовал вставной эпизод из V книги «Фингала». Здесь рассказывается, как герой Ламдерг (у Олина — Кальфон) возвращается после победы над врагом к своей возлюбленной Джельхоссе (у Олина — Эвираллина), но узнает, что ее похитил его соперник Уллин (у Олина — Комлат). Ламдерг спешит к Уллину, вызывает его на бой и убивает, а сам, смертельно раненный, приходит к возлюбленной и умирает. Через три дня умирает и оплакивавшая его Джельхосса. Охотники, нашедшие их тела, похоронили всех троих в одной могиле.

Во вступлениях к обеим поэмам Олин указывал, что английский источник служил ему «только остовом», а «все частные положения, картины и оттенки» принадлежат ему самому, но при этом согласованы «с характером и тоном поэм Оссиановых» (см.: *252*, *264*). Он стремился создать романтическую поэму (хотя и не употреблял этого термина). Поэтому представляется целесообразным сопоставить его произведения с тем типом романтической поэмы, который сложился в русской литературе 1820-х гг. главным образом благодаря усилиям Пушкина, творчески воспринявшего и освоившего опыт европейских поэтов, преимущественно Байрона.[9]

В противоположность классической эпопее, которая повествует о важных исторических событиях и развивает сложный сюжет, богатый событиями и героями, романтическая поэма обычно излагает отдельное событие из жизни героя, связанное, как правило, с конфликтом на любовной почве между ним и третьим лицом, стоящим на пути его любви, и завершается трагической развязкой. Это присуще и рассматриваемым поэмам Олина, где не случайно используются теперь лишь вводные эпизоды из эпической поэмы, ограниченные единичным событием. Сосредоточенность действия вокруг одного героя, вокруг его переживаний

---

[8] Благонамеренный, 1823, ч. XXIV, № 23—24, с. 403.

[9] В своем разборе мы опирались на труд В. М. Жирмунского «Байрон и Пушкин. Из истории романтической поэмы» (1924; переиздание: 1978).

lib.pushkinskijdom.ru

особенно очевидна в «Кальфоне». В обеих же поэмах сюжетная схема строится на взаимоотношениях трех действующих лиц: героя, его возлюбленной и его антагониста (Оскар—Мальвина—Альтос; Кальфон—Эвираллина—Комлат).

Однако по своему характеру герои Олина отличаются от распространенного типа «байронического» героя, разочарованного, мрачного, стоящего вне общества, которое он презирает. Олин опирался на Оссиана—Макферсона: и Оскар (погибающий в начале поэмы, а потому мало охарактеризованный), и особенно Кальфон — доблестные, неустрашимые воители, могучие и прекрасные телом и душой. Зато героини, однообразно женственные красавицы, лишенные индивидуальных отличий, одинаковы и у Олина, и у других создателей романтических поэм. От Макферсона Олин заимствовал и обстановку действия — условную оссиановскую древность, на которую указывали перечисления оружия и доспехов, имена действующих лиц да названия местностей: Эрин, Иннисфал, Сельма, Ата, Арвен, Локлин. Древность эта подчас сбивалась на средневековье (например, описание замка в «Кальфоне»), как в балладах Жуковского с присущей им эмоциональной экспрессивностью необычных имен.[10] Между тем в русских романтических поэмах действие обычно происходит в современности, в экзотических странах или же в отечественном историческом прошлом.

Подобные схождения—расхождения обнаруживаются и в структуре поэм Олина. Им, в частности, не свойственны присущие поэмам Байрона и его последователей «вершинность, отрывочность, недосказанность», когда «поэт выделяет художественно эффектные вершины действия... моменты наивысшего драматического напряжения, оставляя недосказанным промежуточное течение событий».[11] Более того, Олин выступал противником такого композиционного строения и, разбирая с этой точки зрения «Бахчисарайский фонтан» Пушкина, доказывал, что «план сей повести, по всей справедливости и безусловно, подлежит строгой

---

[10] Возможно, из «Эоловой арфы» в «Кальфон» попала арфа, повешенная на сосне над могилой героев, струны которой рокотали, когда «Три юных тени прилетали На погребальный сей курган» (*264*, с. 53—54).

[11] *Жирмунский В. М.* Байрон и Пушкин. Л., 1978, с. 309, 54—55.

lib.pushkinskijdom.ru

критике», что отдельные места поэмы «кажутся, так сказать, разноцветными и вшитыми лоскутками».[12]

Правда, сам Олин был далек от эпической последовательности в изложении событий. Но он воспроизводил фрагментарность, присущую рассказу Оссиана—Макферсона, и не шел дальше. Оттуда же заимствовал он и зачины, где описаны могилы героев поэмы, и носящиеся в вышине их тени, чем предваряется исход повествования.

В эпилоге к «Оскару и Альтосу» Олин развивал оссиановскую мысль о том, что «все поглощает мрак веков» и только песни бардов бессмертны. Но вводил он эту мысль по-новому — обращением к читателям (хотя лексически эти строки были подсказаны зачином из «Руслана и Людмилы», куда они попали из «Картона»):

Вот вам, читатели! преданье
Уже давно минувших дней.

(*252*, с. 47)

В «Кальфоне» же эпилог не имел ничего оссиановского. Это были лирические медитации с явным автобиографическим подтекстом. Лирическая манера вообще свойственна рассматриваемым поэмам, и в этом состояло основное новшество, внесенное Олиным в стихотворные переложения Оссиана (у Макферсона это только намечалось). Подобно авторам романтических поэм, он прерывает свои истории вопросами, восклицаниями, обращениями к героям, выражающими заинтересованность поэта в описываемых событиях, его эмоциональное восприятие. Приводим характерные отрывки строфы XIX из «Оскара и Альтоса», где описывается гибель Мальвины.

И дева трепетной стопою
Подходит, бледная, к герою.
Стой, дева! стой! — коварный стон!
Как свист змеиный он опасен!
Не подходи! для жизни он
И умирающий ужасен!
Беги! .. но час твой наступил!
Могила вскрылась под тобою! ..
О страх! собрав всю крепость сил,
Альтос кровавою рукою
Ее за ризы ухватил;

---

[12] *Олин.* Критический взгляд на Бахчисарайский фонтан, *соч. А. Пушкина.* — Литературные листки, 1824, ч. II, № 7, с. 275—276.

lib.pushkinskijdom.ru

Кинжал блестящий извлекает,
«Умри, злодейка!» закричал,
Как об утес хлестнувший вал —
И деве в сердце сталь вонзает!

. . . . . .

Увы, Мальвина! что с тобой?
Как цвет, на ниве посеченный,
Склонилась *ты* во прах главой!
Мутятся очи голубые,
Приют восторгов и любви,
И кудри девы золотые
В кипящей плавают крови.

(*252*, с. 45—46, курсив мой, — Ю. Л.)

В поэмах Олина, как и в других романтических поэмах, повествовательные фрагменты чередуются с драматическими, представляющими собою монологи, реже — диалоги действующих лиц. Иногда в повествование вторгаются пространные лирические отступления; в «Оскаре и Альтосе», например, это строфа IX — обращение к барду, Мальвине и луне с призывом воспеть, оплакать и озарить павшего героя: «Пой, вещий бард! рыдай, Мальвина! Блести, полночная луна!» (*252*, с. 26). В «Кальфоне» поэт обращается к арфе, возрождающей из праха «бойцов и замки старых дней» и отверзающей «чертоги грома для теней» (строфа II; *264*, с. 20), размышляет о тщете человеческих надежд (строфа V), сокрушается над бессилием поэзии «изобразить души́ растерзанной мученья» (строфа XVII; *264*, с. 50).

Наконец, в новых своих переложениях Оссиана Олин принял стихотворную форму, утвержденную байроническими поэмами: непрерывное эпическое течение александрийского стиха («Сражение при Лоре») или гекзаметра («Темора») сменяется обособленными строфическими отрывками разной длины. «Что ж касается до метра, — указывал Олин во вступлении к «Оскару и Альтосу», — то я предпочел стиху александрийскому, неприличному — как мне кажется — сему роду сочинений, размер четырехстопный ямбический, с вольными рифмами, как метр, заключающий в себе — по мнению моему — более быстроты и движения» (*252*, с. II—III).

Таким образом, поэтика Олина была компромиссной, в ней сочетались старые и новые черты. Видимо, иначе и не могло быть при попытке создать романтическую поэму на оссиановский сюжет. «Оскар и Альтос» и «Кальфон»

lib.pushkinskijdom.ru

были наиболее значительными русскими произведениями такого рода, но не единственными. Черты романтической поэмы обнаруживаются и в созданных одновременно «Коннале и Гальвине» В. Е. Вердеревского (*262*), и в упоминавшемся «Выкупе Оссиана» А. И. Писарева (*265*).

Однако оссиановские сюжеты утрачивали привлекательную силу. Олин понял это и даже заявил о своем отказе от них во вступлении к «Кальфону», хотя и в осторожной форме, чтобы не компрометировать публикуемое творение: «И вот последняя поэма моя в тоне оссианическом. Правда, что в Оссиане Макферсоновом довольно остается еще прекрасных предметов для отдельных поэм; но, сделав с моей стороны возможное для разнообразия русской литературы, я приглашаю некоторых из наших поэтов воспользоваться сими предметами» (*264*, с. XIV—XV). Сам же он теперь ориентируется на Байрона: обещает читателям поэму «Манфред» (поэма неизвестна), а позднее создает по байроновскому «Корсару» драму «Корсер» (1827). От Оссиана к Байрону перешел и Вердеревский, опубликовавший в том же 1827 г. «вольный перевод» «Паризины».

В отличие от «Оскара и Альтоса» «Кальфон» был принят критикой не однозначно. Рецензия Н. И. Греча в «Северной пчеле» (*272*) носила характер пасквиля. Он заявлял, что, прочитав новую поэму Олина, решил составить «калейдакустикон» — набор коротеньких стишков, начиненных модными словами и звонкими именами, нанизывая которые, «можно было бы сочинять поэмы, как вальсы». И далее он приводил около сотни надерганных из разных мест «Кальфона» строк под заголовками: «Женские» (рифмы), «Мужские», «Имена собственные», «Модные затычки». Последний раздел начинался:

Несись к долине погребальной.
Там все, о друг, чем сердце дышит.
Призывной славы голос слышит.
Уж день желанный привечает (!!)
И гроб и саван погребальный.
Пируем, нектар пьем кипучий
и т. д.

За Олина вступился А. Ф. Воейков, поместивший в «Русском инвалиде» статью, где утверждалось, что избранный Гречем способ критики «есть верное средство обезобразить решительно всякое, самое лучшее произведе-

lib.pushkinskijdom.ru

ние поэзии» (*275*, с. 237), и в доказательство приводились так же сгруппированные строки из поэм Пушкина и Жуковского.

Тогда Греч напечатал в «Сыне отечества» «Письмо к приятелю» О. М. Сомова (*273*), где осуждалось решительно все: принципы, изложенные Олиным во «Введении», имена героев, их характеры, и особенно стих и язык поэмы. На этом полемика вокруг «Кальфона» закончилась, чтобы вспыхнуть вновь при опубликовании «Корсера», не имевшего уже отношения к Оссиану.

Нельзя сказать, чтобы нападки Греча и Сомова были вовсе несправедливы. Они верно подметили слабые стороны поэзии Олина, хотя и преувеличили их. Однако резкость их выступлений объяснялась иными причинами. Пафос Греча подогревался журнальной борьбой: он мстил Олину за его сотрудничество с Воейковым. Сомову, близкому в это время декабристам, возможно, претило, что Олин совершенно лишает оссиановские темы гражданственности. А с другой стороны, ему, одному из решительных поборников романтической поэзии, становилось ясно, что Оссиан устарел, что его сюжеты непригодны для современности, не отвечают новой литературной проблематике (как мы видели, это понимал и сам Олин). Но прямо заявить об этом Сомов, подобно Олину, вероятно, еще не решался.

16

Что Оссиан устарел, раньше других, очевидно, понял Пушкин с его безошибочным литературным чутьем, и это отразилось в его шуточной поэме-сказке «Руслан и Людмила», создававшейся в 1817—1820 гг. Недаром он заимствовал из «Картона» ее обрамление:

Дела давно минувших дней,
Преданье старины глубокой.

Можно предполагать, что в этой поэме имена Финна и Наины из вставной повести о герое, который безуспешно пытался завоевать сердце красавицы, пока она не превратилась в дряхлую старушонку, должны были ассоциироваться в сознании современников с Фингалом и Моиной,

lib.pushkinskijdom.ru

героями оссиановской трагедии Озерова.[1] Моина была у всех на устах. Вспомним, что в «Евгении Онегине» каждый петербургский театрал, «вольностью дыша», готов «Моину вызвать (для того, Чтоб только слышали его)».[2] Характерно, что Моина и Наина получали у Озерова и у Пушкина одинаковые рифмы: «пучина», «судьбина», что подкрепляло ассоциацию.[3]

С другой стороны, оссианические ассоциации вызывал и Финн не только своим именем, но и окружающим его пейзажем («Одни дремучие дубравы, Ручьи, пещеры наших скал...») и воспоминаниями о воинских подвигах:

...цари чужбины
Страшились дерзости моей;
Их горделивые дружины
Бежали северных мечей.
Мы весело, мы грозно бились,
Делили дани и дары,
И с побежденными садились
За дружелюбные пиры.[4]

Высказывалось весьма убедительное предположение, что в рассказе Финна Пушкин пародировал эпизод Ольбровна и Руслы из «Иснеля и Аслеги» Парни.[5] Как мы помним, еще в лицейском стихотворении «Осгар» поэт объединил ситуацию из этого эпизода с оссианическими мотивами и колоритом. В «Руслане и Людмиле» он повторил это сочетание, но уже в пародийном эпизоде, который бросал некий иронический отсвет на оссиановскую тематику вообще.

---

[1] См.: *Pushkin Aleksandr*. Eugene Onegin. A Novel in Verse, Transl. from the Russian, with a comment., by Vladimir Nabokov, vol. II. New York, 1964, p. 255. — Набоков также связывал имя Ратмира с оссиановским Reuthamir (отец Моины в поэме «Картон»).

[2] «Евгений Онегин», гл. I, строфа XVII, ст. 13—14.

[3] Е. А. Бобров полагал, что имя Наины Пушкин произвел от финского слова nainen — женщина (см.: *Бобров Е.* Пушкиниана. Ростов н/Д., 1919, с. 5—7). Но и в этом случае ассоциация Наина—Моина была неизбежна для Пушкина и его читателей-современников.

[4] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. IV. М.—Л., 1949, с. 21, 23. —Приглашение побежденного противника на пиршество — характерный сюжетный мотив в поэмах Оссиана (см., например, «Фингал», VI).

[5] См.: *Шарыпкин Д.* Исповедь Финна в поэме «Руслан и Людмила». — В кн.: Временник Пушкинской комиссии, 1970. Л., 1972, с. 79—91.

lib.pushkinskijdom.ru

Устаревали не только темы и сюжеты Оссиана. В условиях утвердившегося романтизма становилась ясной искусственность и риторическое однообразие оссианической образности и стиля Макферсона. В Англии Вильям Вордсворт еще в 1815 г. писал о «фальши, которая пронизывает тома, навязанные свету под именем Оссиана», о их «лживой образности». «Так всегда получается, если слова подменяют предметы», заключал Вордсворт.[6]

Пушкин в заметках на полях статьи П. А. Вяземского об Озерове указывал на «однообразие Оссиановских поэм».[7] И сам Вяземский, которому Оссиан еще недавно представлялся выразителем патриотизма и гражданственности, в 1820 г. обнаруживал в нем фразистость и пустословие. Не случайно в письме к А. И. Тургеневу от 7 декабря, возмущаясь реакционными деятелями Священного союза, он называл их: «дипломатические Оссианы, нелепые ковачи раздутых и порожних фраз».[8] Правда, в том же году Дмитриев советовал Грамматину перевести Оссиана полностью. Но Дмитриев — представитель предшествующего поколения, для которого создание Макферсона явилось откровением. И Вяземский язвительно именует его «припудренный Оссиан».[9]

Тем временем в литературных кругах России все больше распространяются сомнения в подлинности поэм Оссиана. Ранее большинство русских читателей придерживалось, по-видимому, по этому вопросу той компромис-

---

[6] *Wordsworth William.* The Poetical Works. Complete in one volume. Paris, 1828, p. 12.

[7] *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч., т. VII. М.—Л., 1949, с. 560. — Это, однако, не мешало Пушкину употреблять запавшие в его память образы из перевода Кострова. Например: «Исчезли юные забавы, Как сон, как утренний туман» («К Чаадаеву»). Ср.: «...слава моя исчезла, как утренний туман» («Оатона» — *12*, ч. I, с. 333).

Так медленно по скату гор,
На солнце искрами блистая,
Спадает глыба снеговая.

(„Евгений Онегин", гл. VI, строфа XXXI, ст. 4 — 6)

Ср.: «...она пала, как снежная глыба, отторгшаяся от камней Ронана» («Фингал», III — *12*, ч. I, с. 130).

[8] Остафьевский архив князей Вяземских, т. II. СПб., 1899, с. 117.

[9] Там же, т. I. СПб., 1899, с. 291 (письмо от 15 августа 1819 г.).

lib.pushkinskijdom.ru

сной точки зрения, которую сформулировал Летурнер во введении к своему переводу, а Костров передал по-русски. Она гласила, что «бытие Оссианово» несомненно и его поэмы «действительно находятся, и поют их еще и ныне горные шотландцы». Но Макферсон «нашел только разные разметанные части и отрывки и после привел их в порядок, соединил вместе и, может быть, распространил, наблюдая, впрочем, дух, тон, выражения и все цветы стихотворца каледонского» (*12*, ч. I, с. LXIV—LXV).

В русской печати время от времени появлялась информация о различных событиях, связанных с «оссиановской полемикой»: о подготовке издания «целтских» или «гальских» подлинников поэм Оссиана (см.: *76, 85*),[10] о притязаниях ирландцев на оссиановских героев (см.: *180*), о попытках шотландского ученого Хью Кэмпбелла установить топографию событий, описанных Оссианом (см.: *196*), о находке старинной рукописи, содержащей поэмы Оссиана (см.: *224, 225, 237*), и др.

Однако около 1820 г. большинство русских литераторов укрепляется в мнении, что так называемые «поэмы Оссиана» — не что иное, как создание Макферсона. Примечателен в этом отношении перелом во взглядах В. Н. Олина. В 1813 г. в предисловии к «Сражению при Лоре» он убежденно доказывал несостоятельность мнения, «будто бы г. Макферсон издал в свет под именем Оссиана собственные свои произведения» (*144*, с. [IX]). А через десять лет во вступлении к «Оскару и Алтосу» он с такою же убежденностью писал: «Теперь уже нет никакого сомнения, что Оссиан не существовал никогда и что песни или поэмы, известные под именем *Оссиановых*, сочинены самим Макферсоном. Давно бы, кажется, не следовало в этом сомневаться...» (*252*, с. I).

«Теперь не сомневаются уже более, что Оссиановы творения, в том виде, как представил нам их Макферсон, не

---

[10] Это издание (The Poems of Ossian in the Original Gaelic, with a Literal Translation into Latin... Vol. I—III. London, 1807), вышедшее в свет спустя почти полвека после опубликования Макферсоном английских версий, в свою очередь возбудило полемику о его достоверности. По мнению наиболее авторитетных исследователей, так называемые «подлинники» являются подделкой, обратным переводом английских «Поэм Оссиана» на гэльский язык (см.: *Thomson D. S.* The Gaelic Sources of Macpherson's «Ossian». Edinburgh—London, [1952], p. 85—90).

lib.pushkinskijdom.ru

существовали у шотландцев» (*296*, с. 228), так начинал критик «Московского телеграфа» рецензию на «Картона» в переложении А. Слепцова. А в другой рецензии того же журнала говорилось еще резче: «...теперь уже не подвержено сомнению, что все это были выдумки Макферсона» (*297*).

Некоторые литераторы, ранее увлекавшиеся Оссианом, не только отказывались от былого кумира, но и становились решительными его противниками. П. А. Катенин, например, который начал свою литературную деятельность опубликованием «Песен в Сельме» (*127*), а в первой половине 20-х гг. перерабатывал свое переложение, стремясь придать стихам торжественное героическое звучание, в конце жизни заявлял, что «прочесть с доски до доски всего макферсоновского „Оссиана“» — это «тяжелая эпитимия», которую можно налагать за литературные прегрешения.[11]

Правда, в конце 1820-х гг. по крайней мере один русский литератор испытал на себе очарование оссиановской поэзии, но для этого потребовались особые обстоятельства. Александр Иванович Тургенев в сентябре 1828 г. совершил путешествие по горной Шотландии, где всё и все напоминали ему об Оссиане. Пароход, на котором он плыл, назывался «Дева Морвена». Он видел и самый Морвен — небольшой полуостров на западном побережье Шотландии. «Linnhe-Loch перед нами, — пишет он 5 сентября брату Николаю, — он отделяет Лисмор от Морвена. В сих именах кажется слышишь отголоски Оссиановой лиры». И далее он сообщает, что, когда они проезжали развалины замка, какой-то из попутчиков уверял его, будто «Оссиан здесь писал туманные поэмы свои».[12]

В одном месте ему показывают холм Фингала, в другом — родину Оссиана, в третьем — поместье Макферсона, сына переводчика Оссиана.[13] Во владениях герцога Атоллского его подвели к «пещере Оссиановой», «частию искусством и частию натурой образованной», и проводник «прочел наизусть переложенное в стихи воззвание Мальвины к тени Оскара». А особенно поразил Тургенева Дум-

---

[11] Воспоминания П. А. Катенина о Пушкине. — Литературное наследство, т. 16—18. М., 1934, с. 642.

[12] Письма Александра Ивановича Тургенева к Николаю Ивановичу Тургеневу. Лейпциг, 1872, с. 527.

[13] См. там же, с. 515, 548, 561.

lib.pushkinskijdom.ru

бартский замок, нависший над черной базальтовой скалой. «Этот замок, — писал он, — принадлежит воспоминаниям баснословной истории и поэзии: его почитают Balclutha — of Ossian... Печать сумрачной древности на челе его».[14] Как тут было не проникнуться духом оссиановской поэзии! И Тургенев сам признает: «Ужасы природы вселяют здесь какое-то уныние, и здесь-то надобно читать Оссиана: я прочел на стимботе несколько глав его. Макферсон, конечно, писал, прислушиваясь к унылому и единообразному шуму волн в сих пустынных озерах и глядя на эти голые скалы, где чувствуешь себя оторванным от всего света... Теперь я с родным чувством прочту Оссиана».[15]

Но, конечно, такое увлечение А. И. Тургенева в это время — случай исключительный. В России во второй половине 20-х гг. к Оссиану обращались лишь второстепенные поэты-эпигоны: Андрей Николаевич Муравьев (1806—1874) — будущий официозно-клерикальный писатель, а в то время армейский офицер (см. *281*), Иван Петрович Бороздна (1803—1858), выпускник Московского университетского благородного пансиона, деятельно сотрудничавший в столичных журналах, где помещал свои оригинальные и переводные стихи, и упоминавшийся уже А. А. Слепцов, чье имя даже не сохранилось. Бороздна, питавший пристрастие к высокопарной, пышной поэзии, использовал французские переложения Баур-Лормиана (см.: *263*, *282*, *287*).

Тебя уж нет, о град надменный, величавый,
Балклута! грозная владычица пустынь!
Давно ль, предел могущества и славы,
Терялось в облаках чело твоих твердынь? —

(*287*, с. 10)

торжественно начинал он «Песнь Фингала на развалинах Балклуты», и в этой помпезной декламации в сущности не было уже почти ничего оссиановского.

Когда в 1828 г. вышли в свет «Опыты в стихах» Бороздны и «Стихотворения» П. А. Межакова, где печатались и переложения из Оссиана, С. П. Шевырев, поборник философского направления в поэзии, резко обрушился на пустоту содержания обеих книжек. «К сожалению, все предметы их песен, — писал он об авторах, — ныне сдела-

[14] Там же, с. 566, 503—504.
[15] Там же, с. 544.

lib.pushkinskijdom.ru

лись общими местами или темами, на которые можно даже импровизировать стихи, не размышляя и не чувствуя... Жуковский дал новое направление поэзии русской, увлек за собою толпу подражателей холодных. Гг. Бороздна и Межаков последние стоят в ряду их...». Среди отмеченных Шевыревым общих для обоих поэтов «образцов подражания» значился и «Оссиан (т. е. переделанный Баур-Лормьяном)» (*294*). Критик был не вполне точен: оссиановские подражания Межакова не имели отношения к Баур-Лормиану, да и созданы они были в 1815—1817 гг. (см.: *153*, *154*, *167*), а сам этот поэт-любитель, родившийся в 1786 г., принадлежал к иному поколению, чем Бороздна. Но Шевыреву было важно заявить о несвоевременности и эпигонском характере оссианических стихов. Межаков в дальнейшем вообще перестал печататься. Бороздна продолжал, но к Оссиану уже не обращался.

Еще менее существенны редкие оссианические стихотворения 30-х гг. Эпигонская «Лира Оссиана» Трилунного (*313*), случайное шестистишие П. Г. Ободовского (*312*), одноименные «Минваны» совершенно неведомых Иосифа Шеина и Софьи Янцен (*317*, *318*), или «Морна» Василия Дерикера,[16] сотрудника «Библиотеки для чтения», который в дальнейшем приобрел известность как врач-гомеопат и автор популярных медицинских пособий, — все это произведения, прошедшие бесследно и забытые.[17]

Эту общую картину едва ли меняет лермонтовское стихотворение 1830 г. «Гроб Оссиана» (*311*):

---

[16] Библиотека для чтения, 1839, т. XXXVI, № 10, отд. I, с. 133—136.

[17] По-видимому, к концу 1830-х гг. относятся записи «Об Оссиане» А. Ф. Вельтмана, распространившего свои фантастические гипотезы в области ономастики и на оссиановские имена, которым он приписывал халдейское и ассирийское происхождение. Например: «Каледоны есть Халдеи — слово, переданное нашим словом *колдуны*». «Слово *Оссиан* значит as-sung — песни *Богов*, т. е. *божьего народа* (азов — ассириан), и имеет также значение os-sin — сын божий». «*Фингал* — отец Оссиана, есть фанах. Ваны, или Фены есть племя древних азов». «*Фингал* сын Комхала — т. е. Himmala — неба. Фингал имеет две жены, т. е. две земли: Roscrana и Clatho. Это предполож‹ительно›: Росландию и Славению. Горные Шотландцы называют себя Cael и язык свой *caelic* — Cael есть Heil — святый, а естьли Heilig — священный — след‹овательно› Халдей или Kaledon — от Heili Son — святый сын» (ГБЛ, ф. 47 (Вельтман I), 22, 9, л. 1—1 об.).

lib.pushkinskijdom.ru

Под занавесою тумана,
Под небом бурь, среди степей,
Стоит могила Оссиана
В горах Шотландии моей...

«Гроб Оссиана» — всего лишь детское стихотворное упражнение (правда, гениального ребенка), навеянное семейными преданиями о том, что генеалогия его рода восходит к шотландскому барду XIII в. Томасу Лермонту, и традиционным почитанием Оссиана в Московском университетском благородном пансионе. И если бы не последующая слава Лермонтова, стихотворение едва ли привлекло когда-нибудь чье-либо внимание. А оссианические мотивы в юношеских произведениях Лермонтова — стихотворениях «Наполеон» («Где бьет волна о брег высокий»), «Песнь барда», поэмах «Олег», «Последний сын вольности»[18] имели значение для внутреннего становления поэта, проходившего, так сказать, ускоренно этапы развития отечественной поэзии, но не для современной ему русской литературы.

И все же в 30-е гг. в русской поэзии было создано по крайней мере одно несомненно значительное произведение, посвященное шотландскому барду. Это «Оссиан. (Воспоминание о картине Жироде)» В. К. Кюхельбекера.[19] Написано оно было 6 января 1835 г. в Свеаборгской крепости, куда был заключен осужденный поэт-декабрист. «В одиночном заключении была законсервирована литературная

---

[18] См.: *Шувалов С. В.* Влияния на творчество Лермонтова русской и европейской поэзии. — В кн.: Венок М. Ю. Лермонтову. М.—Пг., 1914, с. 315—316; *Федоров А.* Творчество Лермонтова и западные литературы. — Литературное наследство, т. 43—44. М., 1941, с. 201. — Причисление к «литературной традиции оссианизма» стихотворения Лермонтова «Жена Севера» (1829; см.: Эпоха романтизма. Л., 1975, с. 171) представляется нам неосновательным.

[19] *Кюхельбекер В. К.* Избранные произведения в 2-х т., т. I. Л., 1967, с. 275—278. Первая публикация: Рус. старина, 1884, т. XLI, № 2, с. 348—351. — В подзаголовке Кюхельбекер, видимо, допустил ошибку. Картина французского художника Анн-Луи Жироде-Триозона (1767—1824) изображает Оссиана, встречающего в загробном мире павших наполеоновских генералов (см. *66*). Одновременно другой французский художник Франсуа Жерар (1770—1837) представил Оссиана, играющего на арфе в окружении теней его героев (см. с. 97). Картины написаны в 1801—1802 гг. по заказу Наполеона, и Кюхельбекер мог их видеть, находясь в Париже в 1821 г. Содержание стихотворения «Оссиан» заставляет предположить, что поэт подразумевал картину Жерара, а не Жироде.

lib.pushkinskijdom.ru

атмосфера 20-х годов», — писал Ю. Н. Тынянов.[20] Мысленно поэт воссоздавал и переживал то безвозвратно ушедшее время, когда поэзия Оссиана служила вдохновляющим примером для него и друзей. Поэтому ему становился особенно близким и родным образ слепого барда, дерзающего в песнях воскресить героев прошлого.

Скорбью ведом и мечтами,
Бродит унылый певец
Между родными гробами,
Сирый и дряхлый слепец.
Строгой судьбой пораженный,
Он полонен темнотой,
Но его дух дерзновенный
Мир созидает иной,
Мир сладкозвучья и стона:
Там еще дышит Минона,
Юноша Рино не пал,
Жив и Оскар и Фингал...

Этот мир воссоздает всесильная арфа старого певца.

Смелы и резки удары,
Тверд повелительный глас,
Грозны священные чары...

Тени, обступившие Оссиана, знакомы поэту. Для него они — не абстрактный образ, но живое напоминание о вольнолюбивых идеалах и чаяниях юных лет.

Помню эфирное племя...
Некогда зрел их и я
В юное мощное время
(Где оно? где вы, друзья?)
В райские годы, когда мы
Из упованья и снов
Строили пышные храмы
Для небывалых богов!

Кюхельбекер посвятил стихотворение памяти Гнедича и Дельвига, умерших в начале 30-х гг. Друзья юности, они приобщили его к этому прекрасному поэтическому миру. И в его сознании оссиановские тени приобретают знакомые дорогие черты.

---

[20] *Тынянов Юрий.* Предисловие. — В кн.: *Кюхельбекер В. К.* Дневник. Л., 1929, с. 5—6.

lib.pushkinskijdom.ru

Всею моею душой
Делятся радость и трепет;
Песнью становится лепет...
Братья! не вы ли со мной?

Вопросом стихотворение завершается. Образ шотландского барда, ставший к тому времени для многих условным литературным штампом, наполнился здесь новым содержанием; проникнутый живым чувством, он сливается с лирическим героем — декабристом, пережившим трагедию поражения. Скорбь о прошедшем приобретает новый, волнующий смысл, напоминая о героической поре русского освободительного движения, и это придает несомненную значимость стихотворению Кюхельбекера; оно представляется нам достойным завершением русского оссианизма как действенного явления отечественной литературы.

lib.pushkinskijdom.ru

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОССИАН В РОССИИ. 1768—1833

МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ

Специалистам хорошо известен составленный полвека назад одноименный библиографический указатель В. И. Маслова.[1] Не претендовавший на исчерпывающую полноту, указатель этот, тем не менее, давал достаточно широкую библиографическую базу для изучения русского оссианизма и неоднократно использовался исследователями, занимавшимися этой проблемой. Однако при всех ее достоинствах библиография Маслова имеет и существенные недостатки. Если русские переводы и переделки из Оссиана она учитывает сравнительно полно (хотя и здесь имеется немало пропусков), то критические отзывы, историко-литературные опыты и реминисценции в художественной литературе представлены в ней весьма скудно. С другой стороны, Маслов включил в свой указатель ряд произведений, в сущности далеких не только от поэм Оссиана, но и от оссиановской темы вообще (в частности, например, различные лирические стихотворения 1820-х гг., озаглавленные именем Мальвины, которое к этому времени получило широкое европейское распространение, оторвавшись от оссиановской традиции, и т. п.).

В библиографии Маслова отсутствует последовательно проведенное определение источников для переводов и подражаний. Библиографические записи распределены здесь по годам, но внутри года переводы, самостоятельные произведения на оссиановские темы, критические отклики и художественные реминисценции приведены вперемежку, без какой-либо системы.

Все это побудило нас составить новый, более полный библиографический указатель. Сохранив хронологическое расположение материала, мы внутри года распределяли записи по пяти рубрикам, обозначенным литерами от А до Д:

А — прозаические переводы произведений, публиковавшихся под именем Оссиана и других связанных с ним бардов Дж. Макферсоном, Дж. Смитом и Э. Гарольдом;

---

[1] *Маслов В. И.* Оссиан в России. (Библиография.) Л., 1928, 65 с. (Труды Пушкинского Дома АН СССР, вып. L). — Библиография охватывает период с 1781 по 1832 г.

lib.pushkinskijdom.ru

Б — стихотворные переложения этих произведений разной степени удаленности от первоисточника;

В — самостоятельные произведения на оссиановские темы как оригинальные русские, так и переводные;

Г — оссианические реминисценции в художественной литературе;

Д — Оссиан и оссианические произведения в критике и истории литературы.

В разделах Г и Д указываются только те страницы описанных произведений, где представлена оссиановская тема. В отдельных случаях отнесение того или иного произведения в раздел Б или В может быть спорным, но принципиальное отличие этих разделов в целом представляется нам несомненным.

За пределами новой библиографии остались учитывавшиеся В. И. Масловым произведения на иную, не оссиановскую тему (преимущественно из русской легендарной истории), в которых исследователи обнаруживали стилистическое влияние поэм Оссиана. Хотя некоторые из них рассматриваются выше в соответствующих разделах книги, в указатель они не включались ввиду зыбкости и неопределенности критериев отбора. Всего из 188 номеров библиографии Маслова в наш указатель по тем или иным соображениям не вошли № 14, 19, 24, 27, 33, 34, 71, 73, 76, 78, 79, 88, 91, 97, 113, 116, 117, 122, 123, 146, 159, 161, 163, 166, 187, 188.

Включенные в библиографию произведения описываются, как правило, под годом первой публикации. Если известно, что произведение создано раньше, под годом создания в соответствующем разделе делается ссылка на запись публикации. В тех же случаях, когда по каким-либо причинам произведения, созданные в рассматриваемый период, публиковались позднее 1833 г., они описаны под годом написания. Переиздания (в пределах рассматриваемого периода) описываются под одним номером с первой публикацией, а из годов переизданий даются перекрестные ссылки на этот номер. Повторяющиеся заглавия при переизданиях не указываются.

Аннотации к записям в разделах А и Б начинаются с указания на источник перевода или переделки. Если непосредственным источником служил французский или немецкий перевод, он указывается сперва, а ссылка на английский первоисточник добавляется в скобках. В аннотациях приводятся примечания русского автора или издателя, характеризующие отношение перевода-переделки к оригиналу.

Аннотации в разделах В и Г начинаются с указания на стихотворный или прозаический характер описанного произведения. (В других разделах такие указания излишни: в А и Д все произведения прозаические, в Б — стихотворные.) Для переводных произведений в разделах В, Г и Д по возможности сообщается название оригинала. В разделах Г и Д, если это не ясно из заглавия произведения, аннотация указывает на характер содержащихся здесь сведений или суждений об Оссиане и связанных с ним темах.

Номера в конце аннотаций, начинающиеся с буквы «М», являются ссылками на библиографию В. И. Маслова.

Составитель пользуется случаем, чтобы выразить благодарность В. Э. Вацуро и Н. Д. Кочетковой за оказанную ими помощь.

lib.pushkinskijdom.ru

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

I. «Поэмы Оссиана» Макферсона

B — Berrathon.
Bd — Five bards passing the night in the house of chief (приложение к Croma).
BL — The battle of Lora.
C — Comala.
CD — Colna-dona.
CL I—III — Cath-loda (duan I—III).
ClC — Calthon and Colmal.
CnC — Conlath and Cuthona.
Cr — Croma.
Crt — Carthon.
CT — Carric-thura.
CtC — Cathlin of Clutha.
D — Darthula.
DC — The death of Cuchullin.
F I—VI — Fingal (books I—VI).
Frg I—XV — Fragments of ancient poetry (I—XV).
G — Gaul's address to the spirit of his father (приложение к Temora, b. III).
L — Lathmon.
Mv — Minvane's lamentation (приложение к Berrathon).
O — Oithona.
OD — The death of Oscar and Dermid (приложение к Temora).
OM — Oina-morul.
SL — Sul-malla of Lumon.
SS — The songs of Selma.
T I—VIII — Temora (books I—VIII).
WC — The war of Caros.
WI — The war of Inis-thona

II. Издания поэм Оссиана

Baour Lormian — Ossian, barde du troisième siècle. Poésies galliques en vers français. Par P. M. L. Baour Lormian. Paris, an IX [1801].

Choix — Choix de contes et de poésies erses, traduits de l'anglois, pt. II. Amsterdam—Paris, 1772.

Harold — Neu-entdeckte Gedichte Ossians, übers., von Edmund Freiherrn von Harold. Düsseldorf, 1787.

Hill — Les poèmes d'Ossian, Orran, Ullin et d'Ardar; ou les Delassemens des ames sensibles dans les beautès de la Nature. Trad. nouv. de l'anglais; par Hill [A. G. Griffet de la Beaume, J. J A. David de Saint-Georges]. T. I—III. Paris, 1796.

Letourneur — Ossian, fils de Fingal, barde du troisième siècle. Poésies galliques, trad. de b'anglais de Macpherson, par Letourneur. Vol. I—III. Paris, 1777.

Smith — Galic antiquities: consisting of a history of the Druids, particularly of those of Caledonia; a dissertation on the authenticity of the poems of Ossian; and a collection of ancient poems, transl. from the Galic of Ullin, Ossian, Orran etc. By John Smith. London—Edinburgh, 1780.

lib.pushkinskijdom.ru

III. Русские периодические издания, альманахи и сборники

А — Аониды (М., 1796—1799).
Аг — Аглая (М., 1794—1795; изд. 2-е, 1796; М., 1808—1812).
Б — Благонамеренный (СПб., 1818—1826).
ВЕ — Вестник Европы (М., 1802—1830).
ДЖ — Дамский журнал (М., 1823—1833).
ЖРС — Журнал российской словесности (СПб., 1805).
З — Зритель (СПб., 1792).
И — Иппокрена, или Утехи любословия (М., 1799—1801).
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук (СПб. — Л., 1896—1927).
К — Каллиопа (М., 1815—1820).
КВ — Казанский вестник (1821—1833).
Л — Лицей (СПб., 1806).
ЛПРИ — Литературные прибавления к «Русскому инвалиду» (СПб., 1831—1839).
ЛС — Любитель словесности (СПб., 1806).
МВ — Московский вестник (1809; 1827—1830).
МЖ — Московский журнал (1791—1792; изд. 2-е, 1801—1803).
Мн — Мнемозина (М., 1824—1825).
МТ — Московский телеграф (1825—1834).
НЗ — Невский зритель (СПб., 1820—1821).
НРЛ — Новости русской литературы (М., 1802—1805).
ПЗ — Полярная звезда (СПб., 1823—1825).
Пнт — Пантеон иностранной словесности (М., 1798; изд. 2-е, М., 1818).
ПП — Приятное и полезное препровождение времени (М., 1794—1798).
ПРП — Пантеон русской поэзии (СПб., 1814—1815).
Р — Рецензент (СПб., 1821).
РВ — Русский вестник (М., 1808—1824).
РИ — Русский инвалид, или Военные ведомости (СПб., 1813—1917).
РМ — Российский магазин (СПб., 1792—1794).
СВ — Северный вестник (СПб., 1804—1805).
СН — Северный наблюдатель (СПб., 1817).
СНРС 1821—23 — Собрание новых русских стихотворений, вышедших в свет с 1821 по 1823 г. (СПб., 1824).
СО — Сын отечества (СПб., 1812—1828).
СОиСА — Сын отечества и Северный архив (СПб., 1829—1844).
СОРСП — Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах (СПб., 1815—1817; изд. 2-е 1821—1822).
СПиБ — Соревнователь просвещения и благотворения (СПб., 1818—1825).
Т — Телескоп (М., 1831—1836).
ТД — Труды друзей (М., 1818).
Тл — Талия (СПб., 1807).
УВ — Украинский вестник (Харьков, 1816—1819).
УЗ — Утренняя заря (М., 1800—1808).
УП — В удовольствие и пользу. Труды воспитанников Университетского благородного пансиона (М., 1810—1811).
Ц — Цветник (СПб., 1809—1810).

lib.pushkinskijdom.ru

ЧБЛРС — Чтение в Беседе любителей русского слова (СПб., 1811—1816).

Чт — Чтение для вкуса, разума и чувствований (М., 1791—1793).

В аннотациях Оссиан обозначается кратко Ос., Макферсон — Мф.

1768

Д

1. [Десницкий С. Е. или Третьяков И. А.] Слово о происшествии и учреждении университетов в Эвропе на государственных иждивениях, в публичном собрании имп. Московского университета... говоренное оного ж университета свободных наук магистром и юриспруденции доктором Иваном Третьяковым. 1768 года апреля 22 дня. [М., 1768], с. 5.

Сообщение о выходе в Англии книги, содержащей «предание» Фингала. Об авторстве см. выше, с. 19.

— То же. — В кн.: Речи, произнесенные в торжественных собраниях имп. Московского университета русскими профессорами оного, с краткими их жизнеописаниями, ч. II. М., 1820, с. 136.

1781

А

2. «Я слышал стенание дщери моей...»; «Почто возбуждаешь меня весенный ветр...» [Перевод Ф. Галченкова.] — В кн.: [Гете И. В.] Страсти молодого Вертера, ч. II. Переведена с немецкого иждивением Е. В. СПб., 1781, с. 223—225.

SS (отрывок, конец жалобы Армина) и В (начало, обращение к ветру), которые Вертер читает Шарлотте в своем переводе. В романе Гете «Die Leiden des jungen Werther» (1774) SS переведены почти целиком (ср. *3*). М 1.

— То же, ч. II. Вторым тиснением. СПб., 1794, с. 223—225. М15.

— Страсти молодого Вертера. Сочинения г. Гетте. С присовокуплением писем Шарлотты к Каролине, писанных во время ее знакомства с Вертером. Вновь переведенные, ч. II. СПб., 1796, с. 216—219.

Перевод, заново отредактированный И. И. Виноградовым. М22.

— То же, ч. II. Изд. 2-е. М., 1816, с. 125—128. М90.

3. «Звезда темнеющия нощи, прекрасно блистаешь ты на западе...» — Санкт-петербургский вестн., 1781, ч. VII, февр., с. 144.

SS (начало) в рец. на *2*, после указания рецензента

lib.pushkinskijdom.ru

(Г. Л. Брайко?): «Места из Оссиана, видно, в рассуждении их трудности г. переводчик оставил непереведенными... Из оных начало в переводе мы читателям нашим сообщаем».

Г

4. [Гете И. В.] Страсти молодого Вертера [см. *2*], ч. II, с. 174—176.
Проза. Размышления Вертера об Ос. в письме LXI. М1.

— См. *2*, 1794, ч. II, с. 174—176.
М15.

— См. *2*, 1796, ч. II, с. 168—170.
М22.

— См. *2*, 1816, ч. II, с. 63—65.
М90.

1787

Г

См. *20*. М2.

1788

А

5. Поэмы древних бардов. Перевод А. [И.] Д[митриева]. На ижд[ивении] П. [И.] Б[огдановича]. СПб., 1788. 64 с.
[Содержание:] Описание октябрьской ночи в Шотландии (с. 3); Оссиян (с. 16); Любовь и дружба (с. 24); Нещастия Арминовы (с. 27); Ламор и Гидаллан (с. 39); Минавана (с. 46); Надпись на памятнике мира, воздвигнутом двумя братьями (с. 49); Явление привидения (с. 53); Мальвина, оплакивающая смерть Оскара, своего любовника (с. 55); Оина (с. 57).
Французские переводы из Choix: Description d'une nuit du mois d'octobre dans le Nord de l'Ecosse (Bd); Ossian (Cr, без начала); L'amour et l'amitité (OD); Les malheurs d'Armin (SS, вторая половина); Lamor et Hidallan (WC, вставной эпизод); Minvane (Mv); Dédicace d'un monument de paix posé par deux frères (CD, начало); Apparition d'un fantôme (WC, отрывок); Malvine déplorant la mort d'Oscar son amant (Cr, начало); Oina (OM). М3.

Б

См. *9*. М4.

1789

Г

6. [Карамзин Н. М.] Прогулка. — Детское чтение для сердца и разума, 1789, ч. XVIII, с. 167—168.
Проза. Песни Ос. — «источники пользы и удовольствия».

lib.pushkinskijdom.ru

А

7. Картон, поэма барда Оссиана. Перевод с английского [Н. М. Карамзина]. — МЖ, 1791, ч. II, кн. 2, май, с. 120—147.
Crt. M5.

— «Повесть времен старых! . .» — РМ, 1792, ч. I, с. 205.
Отрывок (начало) в рец. на *12*; см. *24*. M12.

— МЖ, изд. 2-е, 1802, ч. II, май, с. 124—152.
M43.

— Сокращенная библиотека в пользу господам воспитанникам первого Кадетского корпуса, ч. II, СПб., 1802, с. 256—284.
M42.

— Разные повести, переведенные Н. Карамзиным, ч. I. М., 1816, с. 7—33.

8. Сельмские песни. Из творений Оссиановых. [Перевод Н. М. Карамзина.] — МЖ, 1791, ч. III, кн. 2, авг., с. 134—149.
SS. Перевод посвящен Г. Р. Державину. M6.

— «Звезда ниспускающейся ночи! . .» — РМ, 1792, ч. I, с. 203, 205.
Отрывок (начало) в рец. на *12*; см. *24*. M12.

— МЖ, изд. 2-е, 1801, ч. III, авг., с. 138—154.
M36.

— Разные повести, переведенные Н. Карамзиным, ч. I. М., 1816, с. 34—49.

Б

9. И. [Дмитриев И. И.] Любовь и дружество [1788]. — МЖ, 1791, ч. III, кн. 3, сент., с. 227—238.
L'amour et l'amitié (OD) из Choix с добавлением деталей по La mort d'Oscar, fils de Caruth, et de Dermid, fils de Diaran из Letourneur и своих вступления и концовки. M7.

— МЖ, изд. 2-е, 1801, ч. III, сент., с. 233—246.
Подпись: — въ. M37.

Г

См. *19*.

Д

10. [Блэр Х.] Опыт реторики, сокращенный большею частию из наставлений докт[ором] Блером в сей науке преподаваемых. С аглинского языка на российский переложен А. [К.] К[оновым] и В. [М.] С[евериным]. СПб., 1791, с. 145—146, 159, 162.

lib.pushkinskijdom.ru

Blair H. Lectures on rhetoric and belles lettres (1783, сокращенный перевод). Примеры из поэм Ос. в гл.: «Метафора», «Обращение», «Уподобление, противуположение...».

11. К[арамзин Н. М.] Предуведомление. — МЖ, 1791, ч. II, кн. 2, май, с. 115—120.
Сообщение об Ос. и Мф., предпосланное переводу 7. М5.

— См. 7, 1802, с. 119—124.
М43.

— См. 7, 1816, с. 1—6.

1792

А

12. Оссиан, сын Фингалов, бард третьего века: Гальские (иначе эрские или ирландские) стихотворения, переведены с французского Е. Костровым. Ч. I, II. М., 1792. LXXIV, 75—363, 264 с.
[Содержание:] Ч. I. Фингал (с. 75); Комала (с. 200); Сражение с Каросом (с. 211); Война Инистонская (с. 225); Сражение при Лоре (с. 235); Комлат и Кютона (с. 248); Карриктура (с. 256); Песни в Сельме (с. 281); Кальфон и Кольмала (с. 294); Латмон (с. 308); Оатона (с. 324); Крома (с. 334); Берратон (с. 342); Минвана (с. 361). Ч. II. Картон (с. 3); Смерть Кушуллина (с. 23); Дартула (с. 36); Темора (с. 58); Смерть Оскара, сына Карутова, и Дермида, сына Диаранова (с. 206); Катлин Клутский (с. 211); Сульмалла (с. 221); Катлода (с. 229); Оина-Моруль (с. 254); Кольна-Дона (с. 260).
F, C. WC, WI, BL, CnC, CT, SS, ClC, L, O, Cr, B, Mv, Crt, DC, D, T, OD, CtC, SL, CL, OM, CD с перевода Letourneur. Посвящение А. В. Суворову-Рымникскому. См. *21*, *22*. М11.

— «Вечерняя звезда, любезная подруга ночи...»; «Случаи времен претекших...»; «Кто сия юная при них красота...» — РМ, 1792, ч. I, с. 202, 204, 206.
Отрывки из «Песен в Сельме» (начало), «Картона» (начало) и «Дартулы» в рец.; см. *24*. М12.

— Сражение при Лоре. (Поэма Оссиана). — В кн.: Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе. Изд. Николаем Гречем. СПб., 1812, с. 57—60.
Сокращенный текст. М74.

— Оссиан, сын Фингалов [см. выше]. Изд. 2-е. СПб., 1818 [VI,] LXXX, 331, 288 с.
М114.

13. Дартула. Из стихотворений Оссиана. [Перевел] В. [С. Подшивалов I. — Чт, 1792, ч. V, с. 18—51.
D. М10.

lib.pushkinskijdom.ru

14. Из Оссиана. Дартула, поэма. Перевел Иван Захаров. — З, 1792, ч. II, июль, с. 184—215.
D с перевода Letourneur. М9.

— «Но кто сей с ними вкупе клеврет...» — РМ, 1792, ч. I, с. 207. Отрывок в рец. на *12;* см. *24.* М12.

15. Из Оссиана. Оина-Моруль, поэма. Перевел Иван Захаров, —З, 1792, ч. II, июнь, с. 145—152.
ОМ с перевода Letourneur. М8.

См.: *7, 8.*

Г

16. [Джеймс В.?] Письма Шарлотты к Каролине во время ее знакомства с Вертером. Перевод с французского [А. К.]. СПб., [1792], с. 35, 119—120.
Проза. Lettres de Charlotte à Caroline son amie, pendant sa liason avec Werther, приписываемые W. James. В письме XV Шарлотта просит Вертера прочесть ей перевод из Ос.; в письме XLII спор Вертера с Албертом о Гомере и Ос.

— Страсти молодого Вертера... 1796 [см. *2*]. Письма Шарлотты к Каролине, писанные во время ее знакомства с Вертером, служащие дополнением его письмам, [2-я паг.] с. 51, 158—160. М22.

— То же, изд. 2-е. М., 1816, ч. III, с. 61; ч. IV, с. 63—66. М90.

17. —нъ [Карамзин Н. М.] Лиодор. — МЖ, 1792, ч. V, кн. 3, март, с. 315.
Проза. Упоминается «Оссианская чаша радости».

— МЖ, изд. 2-е, 1802, ч. V, март, с. 302.

18. [Карамзин Н. М.] Наталья, боярская дочь. — МЖ, 1792, ч. VIII, кн. 3, дек. с. 237.
Проза. «Оссианское» выражение «сын опасности и мрака».

— Мои безделки, ч. II. М., 1794, с. 72.

— То же, изд. 2-е, ч. I. М., 1797, с. 264.

— МЖ, изд. 2-е, 1803, ч. VIII, дек., с. 238.

— Соч. Карамзина, т. VI, М., 1803, с. 202.

— То же, изд. 2-е, т. VI, М., 1814, с. 183.

— То же, изд. 3-е, исправл. и умнож., т. VI. М., 1820, с. 141.

19. [Карамзин Н. М.] Письма русского путешественника. — МЖ, 1791, ч. III, кн. 1, июль, с. 56, 68; 1792, ч. VII, кн. 2, авг., с. 173; ч. VIII, дек., с. 315—316.
Проза. Чтение Ос., сопутствующие размышления.

lib.pushkinskijdom.ru

— То же, отд. изд., ч. II. М., 1797, с. 68, 87; ч. IV, с. 125, 239, 272; ч. VI, 1801, с. 377—378.
Последние две реминисценции (противопоставление «братьев Оссиановых» современным певцам; автор, переводя «Картона», «наполнен» Ос.) здесь впервые.

— МЖ, изд. 2-е, 1801, ч. III, с. 62, 75; 1803, ч. VII, с. 175—176; ч. VIII, с. 316.

— Соч. Карамзина, т. II. М., 1803, с. 236, 249; т. IV, с. 60, 140, 162; т. V, с. 408—409.

— То же, изд. 2-е, т. II. М., 1814, с. 205—206, 217; т. IV, с. 52, 121, 140; т. V, с. 356.

— То же, изд. 3-е, исправл. и умнож., т. II. М., 1820, с. 160, 169; т. IV, с. 40, 93, 108; т. V, с. 280.

20. [Карамзин Н. М.] Поэзия. (Сочинена в 1787 году). — МЖ, 1792, ч. VII, кн. 3, сент., с. 268—269.
Стихи Ос. — «древнейший бард» Британии; его поэзия. М13.

— МЖ, изд. 2-е, 1803, ч. VII, сент., с. 271.

21. [Костров Е. И.] «Под кроткой сению и мирта и олив...» — В кн.: Оссиан, сын Фингалов [см. *12*], ч. I, с. I—II.
Стихи. Посвящение А. В. Суворову-Рымникскому. М11.

— То же, изд. 2-е, 1818 [см. *12*]. Ч. I, с. [V—VI].

Д

22. [Летурнер П.] Предуведомление; Изъяснение имен, сретающихся в Оссиановых поэмах. — В кн.: Оссиан, сын Фингалов [см. *12*]. Ч. I, с. III—LXXIV.
Discours préliminaire; Explication des noms galliques d'hommes, de villes etc, qu'on trouve dans les poèmes d'Ossian из Letourneur.

— То же, изд. 2-е, 1818 [см. *12*]. Ч. I, с. I—LXXIX.

23. В [Подшивалов В. С.] О самом Оссиане. — Чт, 1792, ч. V, с. 14—17.
Предисловие к *13*. М10.

24. [Туманский Ф. О. Рец. на кн.:] Оссиан, сын Фингалов [см. *12*]. — РМ, 1792, ч. I, с. 198—207.
Сопоставление отрывков из переводов: *7*, *8*, *12*, *14*, М12.

См. *123*.

1794

А

См. *2*.

lib.pushkinskijdom.ru

Г

25. [Карамзин Н. М.] Цветок на гроб моего Агатона. — Аг, 1794, кн. I, с. 9.
Проза. Чтение Ос. юношами.

— Аг, изд. 2-е, 1796, кн. I, с. 9.

— Соч. Карамзина, т. VII. М., 1803, с. 5.

— То же, изд. 2-е, т. VII. М., 1814, с. 4.

— То же, изд. 3-е, исправл. и умнож., т. VII. М., 1820, с. 4.

26. Даурец Номохон [Смирнов Н. С.]. Вечер на горе Могое. — ПП, 1794, ч. IV, с. 318.
Проза. Ос. в числе авторов для уединенного чтения.

См.: *4, 18.*

1795

А

27. Морна. (Отрывок из Оссиана.) С аглинского [перевел] Даурец Номохон [Н. С. Смирнов].— ПП, 1795, ч. V, с. 385—388. F I (вставной эпизод). М16.

Б

28. Пшкн Всл. [Пушкин В. Л.] Отрывок из Оссиана. Колма. — ПП, 1795, ч. VI, с. 117—119.
SS (отрывок). Примеч. автора: «Опыт сей сделан по просьбе одного приятеля, желавшего видеть в стихах Оссиановы песни; но едва ли их течение и гармония не противятся стихам» (с. 117). М18.

В

29. Козегартен Л. Т. Гробы в Дустре. Древнее повествование. [Перевел] Я..... [Д. И. Языков]. — ПП, 1795, ч. VIII, с. 329—341.
Проза. Die Gräber von Dustra (1787), переложение эпизода Морны из F I с заменой имен. Примеч. В. С. Подшивалова: «Тем с большим удовольствием сообщаем мы сие подражание *Оссиану*, что в одной из предыдущих частей помещен был подобный отрывок из него самого [см. *27*]. Пусть читатель сравнит и оригинального песнопевца и удачного ему подражателя!» (с. 329). М 20.

Г

30. [Карамзин Н. М.] Дремучий лес. Сказка для детей, сочиненная в один день на следующие заданные слова: *Балкон, лес, шар, хижина, лошадь, луг, малиновый куст, дуб, Оссиан, источник, гроб, музыка.* — Аг, 1795, кн. II, с. 111.
Проза. Сравнение старца с друидами и бардами времен Ос.

lib.pushkinskijdom.ru

— Аг, изд. 2-е, 1796, кн. II, с. 111.

— Соч. Карамзина, т. VI. М., 1803, с. 132.

— То же, изд. 2-е, т. VI. М., 1814, с. 120.

— То же, изд. 3-е, исправл. и умнож., т. VI. М., 1820, с. 93.

31. Хва—а А—а [Хвостова А. П.]. Камин, отрывок, — ПП, 1795, ч. VI, с. 73—75.
Проза. Воображаемые картины Шотландии, Ос. и его героев. В примеч. В. С. Подшивалова отмечается «дух Оссианской горести» (с. 68). М17.

— Отрывки. СПб., 1796, с. 20—22.

1796

А

См. *2.*

Б

32. Капнист В. В. Картон. Поэма, творение древнего каледонского барда Оссияна, сына царя Фингала [ок. 1796]. — В кн.: Капнист В. В. Избр. соч. Л., 1941, с. 249—265 («Библиотека поэта»).
Crt. При жизни Капнист опубликовал отрывки: *33, 152.* См. также предисловие *160.*

33. Капнист В. Гимн к Солнцу слепого старца Оссиана. — А, 1796, кн. I, с. 127—130.
Crt (заключение). М23.

— ПРП, ч. VI, кн. 12, 1815, с. 174—176.
М85.

— СОРСП, ч. I, 1815, с. 144—146.
М85.

— СОРСП, ч. I, изд. 2-е, 1821, с. 120—122.

— Учебная книга российской словесности, изд. Н. Гречем, ч. III. СПб., 1820, с. 148—150.
М124.

— То же, изд. 2-е, ч. III. СПб., 1830, с. 125—126.
М183.

В

34. Ф. Ф. Тень Оссиана. — Муза, 1796, ч. II, май, с. 160—169.
Проза. Из послесловия: «Сия пиеса произведена чувствованиями, воодушевлявшими меня при чтении готических песней *Оссиана.* Я не осмеливаюсь выдать его за сочинение моего пера. Оно почерпнуто в источнике; черты моего слабого подражания суть черты, занятые у *Владыки песней*». М21.

lib.pushkinskijdom.ru

Г

35. Даурец Номохон [Смирнов Н. С.]. Прощальная слеза на гробе друга. — ПП, 1796, ч. IX, с. 197.
Проза. Упоминается явление теней «сыну Фингалеву».

См.: *4, 16, 25, 30, 31.*

Д

36. А. Х. [Ханенко А. И.]. О похвалах у всех первых народов. — ПП, 1796, ч. X, с. 79—82.
Барды и друиды «целтских» народов. Песни Ос.

1797

Б

37. Кайсаров Петр. К луне. (Отрывок из Оссиана.) — А, 1797, кн. II, с. 279—280.
D (начало). М25.

Г

38. Мрвв М. [Муравьев М. Н.] Сила гения. — А, 1797, кн. II, с. 125.
Стихи. Упоминание «*духа бурь*» в песнях Ос.

39. Херасков М. М. Владимир, поэма эпическая. — В кн.: Творения М. Хераскова, вновь исправл. и дополн., ч. II. [М., 1797,] с. 300—301.
Стихи. Баян — «полночный Оссиан».

— То же, [изд. 2-е,] ч. II. [М., 1807], с. 245.

40. Досуги в августе. — ПП, 1797, ч. XVI, с. 390.
Проза. Чтение на кладбище Ос.

См.: *18, 19.*

1798

А

41. «Фингал возвратился со славою: на полях Арды легли враги его...» [Перевод Н. М. Карамзина.] — Пнт, 1798, ч. I, с. 213—222.
The fall of Tura (отрывок) из Smith в статье *43.* М26.

— Пнт, изд. 2-е, 1818, ч. II, с. 327—332.
М109.

В

42. Клевина и Гинет. Элегическая повесть. — ПП, 1798, ч. XVII, с. 182—187.
Проза. Видимо, перевод; оригинал не установлен. Примеч.: «Идея сей небольшой стихотворной пиэсы на образец Оссиянов взята из весьма древней гальской истории» (с. 187).

См. *45.* М28.

lib.pushkinskijdom.ru

Г

См. *46*.

Д

43. Оссиан. [Перевод Н. М. Карамзина.] — Пнт, 1798, кн. I, с. 200—222.
«Poèmes d'Ossian...» (Magasin encyclopédique, 1795, t. V, p. 112—128. — Установлено О. Б. Кафановой). Ср. *41*. М26.

— См. *41*, 1818, с. 319—332.
М109.

1799

Б

44. Вшслвцв [Вышеславцев М. М.]. Минвана. Отрывок из поэмы Оссиановой. (*Оссиан представляет Минвану на утесе. Она видит флот Фингалов, идущий из Ирландии.*) — А, 1798 — 1799, кн. III, с. 307—311.
Mv. М29.

— Новости, 1799, кн. II, июнь, с. 106—109.
2-я редакция. М30.

— Собр. русских стихотворений, взятых из соч. лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов, изд. Василием Жуковским, ч. V. М., 1811, с. 61—63.

— СОРСП, ч. V, 1816, с. 212—213.
М89.

— СОРСП, ч. V, изд. 2-е, 1822, с. 192—194.
М133.

В

45. Сиб... К. Ф. [Сибирский Ф.] Подражание Оссиану. 1798.— И, 1799, ч. III, с. 202—206.
Проза. Примеч.: «Это слабое подражание, не что иное, как вдохновение чувств меланхолии и просьба одного приятеля; я повиновался обоим и начертал сей слабый эскиз» (с. 202). М32.

Г

46. 8...В [Второв И. А.] Царев курган. [1798]. — И, 1799, ч. III, с. 103.
Проза. Пейзаж напоминает «мрачные песни шотландского барда».

47. Галинковский Иаков. Часы задумчивости, ч. I. М., 1799, с. 72.
Проза. Упоминаются «песни уныния — песни Оссиановы».

lib.pushkinskijdom.ru

48. [Львов П. Ю.] Александр и Юлия, истинная русская повесть. — Новости, 1799, кн. III, июль, с. 258—259.
Проза. Героиню воодушевляют «песни Оссиановы». М31.

— Отд. изд. СПб., 1801, с. 57—58.
М38.

49. Ш—в К. П. [Шаликов П. И.] К другу. — И, 1799, ч. I, с. 308—309.
Проза. Поэзия Ос. — «пища» воображения.

— Плод свободных чувствований, ч. II. М., 1799, с. 137—139.

— Соч. кн. Шаликова, ч. I. М., 1819, с. 59—60.

См. *50.*

1800

Г

50. [Державин Г. Р.] Переход в Швейцарии чрез Алпийские горы российских императорских войск под предводительством Генералиссима; 1799 года. СПб., 1800, с. 9.
Стихи. Сравнение Суворова с Мораном, вождем из поэмы Ос.

— На переход Алпийских гор. — В кн.: Соч. Державина, ч. II. СПб., 1808, с. 106.

— То же, ч. II. СПб., 1831, с. 191.

51. [Козегартен Л. Т.] Ритогар и Ванда. Древнее предание из сочинений г. Козегартена. Перевел с немецкого в Казани Гврл Кмнв [Г. П. Каменев]. 1800. — И, 1800, ч. V, с. 334—335.
Прозаический перевод поэмы «Ritogar und Wanda». Пение Ос. — залог бессмертия героев.

Д

52. [Мусин-Пушкин А. И.] Историческое содержание песни. — В кн.: Ироическая песнь о походе на половцов удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия, с переложением на употребляемое ныне наречие. М., 1800, с. VI.
«Дух» Ос. в древнем российском сочинении.

1801

А

53. Утренняя песнь барда Длоры, петая на одной высокой горе, с вершины которой имел он пред собою обширный проспект, с одной стороны на море, а с другой на землю. [Перевел] К. В. — И, 1801, ч. IX, с. 353—358.
Morgenlied des Barden Dlorah... из Harold.

См.: *8.*

lib.pushkinskijdom.ru

Б

См. *9*.

В

54. Сельмар и Селима. С немецкого [перевел] Г. Каменев. Казань. — И, 1801, ч. X, с. 257—269.
Прозаический перевод поэмы F. M. «Selmar und Selma» (Deutsches Museum, 1782, Bd II, S. 389—395).

Г

55. Лев... Пав... [Львов П. Ю.] Сельское препровождение времени. Матвеевское. — И, 1801, ч. IX, с. 66—68.
Проза. Чтение «унылых песен» Ос.; раздумья о его героях.

См.: *19*, *48*.

Д

56. Поэма Оссиана. (Переведено с аглинского сочинения, названного *Зеркало*.) Из Мерсье. [Перевел] Ив. Татищев. — И, 1801, ч. VIII, с. 76—89.
The Mirror, 1779, № 13, с французского перевода в сборнике Л.-С. Мерсье «Mon bonnet de nuit» (1786). M35.

1802

А

57. Гаул к тени своего отца, пришедши взять его меч из его гроба. С немецкого. — НРЛ, 1802, ч. IV, с. 190—192.
G. M41.

58. Любовь и дружба. [Перевел] П. В[ойна]—К[уренский]. — НРЛ, 1802, ч. I, с. 238—240.
L'amour et l'amitié (OD) из Choix.

59. Минвана. — НРЛ, 1802, ч. I, с. 406—408.
Minvane (Mv) из Choix. M40.

См. *7*.

Б

60. Отрывок из Оссиана в стихах. — НРЛ, 1802, ч. I, с. 121—128.
CL III (без заключения) по переводу Кострова (см. *12*). M39.

Г

61. Б. Ф. [Карамзин Н. М.] Рыцарь нашего времени. — ВЕ, 1802, ч. IV, № 13, с. 36.
Проза. Выражение Ос. «тесный домик» (т. е. могила).

— Соч. Карамзина, изд. 2-е, т. IX. М., 1814, с. 1.

— То же, изд. 3-е, исправл. и умнож., т. IX. М., 1820, с. 5.

lib.pushkinskijdom.ru

62. Мерзляков А. Ф. Письмо А. И. Тургеневу и А. С. Кайсарову. 17 сентября 1802 г. — ИОРЯС, 1897, т. II, кн. 1, с. 26.
Стихи. Былые беседы об Ос., который ныне «уже забыт».

63. [Москвины Е. О. и М. О.] Токсовские горы. — В кн.: Аония, или Собр. стихотворений. Соч. г-ж***, кн. I. М., 1802, с. 41.
Стихи. Героине в мечтах являются Ос. с Мальвиной.

См. *17*.

Д

64. [Маттисон Ф.] Способ учения для молодого поэта. [Перевел] Конст. Остромов. — НРЛ, 1802, ч. III, с. 407—408.
Изданные Мф. остатки древней поэзии — «богатейшее открытие нашего века». М44.

65. Нечто о Венеции при ее падении. — ВЕ, 1802, ч. III, № 10, май, с. 155.
Упомянут аббат Чезаротти, итальянский переводчик Ос.

66. Описание примечания достойной картины французского живописца Жироде. Из Декады. — ВЕ, 1802, ч. V, № 19, окт., с. 195—202.
Картина изображает загробную встречу павших французских полководцев с Ос. и его героями.

См. *11*.

1803

А

67. Стихотворения Оссияна, сына Фингалова, барда III-го века; найденные и изданные в свет г-ном Гарольдом. Перевод с немецкого [Р. Ф. Тимковского]. М., 1803, X, 11—320 с.
Оглавление: Предисловие (с. III); Песни в Таре (с. 11); Фелим (с. 39); Эвиралла (с. 46); Сульмора (с. 65); Песнь Рино на смерть Оскара (с. 88); Мальвина. Драмматическое стихотворение (с. 95); Кинфен и Сира. Драмматическое стихотворение (с. 115); Песнь Оссияна на победу римлян (с. 128); Босмина (с. 132); Песни утешителей (с. 167); Последняя песнь Оссияна (с. 202); Сулима (с. 230); Ситрик (с. 240); Ламор (с. 267); Ларнуль, или Отчаяние (с. 295); Смерть Азалы (с. 304); Утренняя песнь барда Длораго (с. 312).
Поэмы из Harold: Lieder von Tara; Phelim; Evirallen; Sulmora; Rynos Lied über den Tod Oskars; Malvina; Kinfena und Sira; Ossians Lied nach der Römer Niederlag; Bosmina; Lieder der Tröster; Ossians letztes Lied; Sulima; Sitrick; Lamor; Larnul oder die Verzweiflung; Der Tod Asalas; Morgenlied des Barden Dlorah. Посвящено И. П. Тургеневу. М52.

68. Песни Тарские из Neu-entdeckte Gedichte Ossians. [Перевел] П. В[ойна]-К[уренский]. — НРЛ, 1803, ч. V, с. 280—285, 289—300, 305—307.
Lieder von Tara из Harold. М45.

lib.pushkinskijdom.ru

69. Песнь Оссианова. С французского [перевел] Яков Лизогуб. — НРЛ, 1803, ч. VIII, с. 231—245.
SS, B (отрывок). Извлечение из романа Гете «Страдания молодого Вертера». M48.

Г

70. Песнь Риноса о смерти Оскара. Из Оссиана. Перевел с немецкого Г—в. — НРЛ, 1803, ч. V, с. 358—364.
Rynos Lied über den Tod Oskars из Harold. M46.

71. Политковский П. Сельмские песни. Из творений Оссиановых. — НРЛ, 1803, ч. VI, с. 257—269, 273—280.
SS. M47.

72. Падение Балклута. (Песнь Фингалова.) — Моск. Меркурий, 1803, ч. III, июль, с. 28—31.
Chant de Fingal sur la ruine de Balclutha (Crt, отрывок) из Baour Lormian. M50.

В

73. Олешев [М.] Лотрек. Из песней Оссиана. — Свиток муз, кн. II. СПб., 1803, с. 78—82.
Стихи. M49.

Г

74. [Херасков М. М.] Бахарияна, или Неизвестный. Волшебная повесть, почерпнутая из русских сказок. М., 1803, с. 127.
Стихи. В авторе песни об Игоре «сливаются» Гомер, Ос. и Ломоносов.

См.: *18, 19, 25, 30, 98.*

Д

75. [Гарольд Э.] Предисловие. — В кн.: Стихотворения Оссияна [см. *67*], с. III—X.
Vorrede из Harold. M52.

76. «В одном английском журнале пишут следующее...» — ВЕ, 1803, ч. XI, № 17, сент., с. 36—37 (Смесь).
Подготовка публикации «цельтского подлинника» поэм Ос.

77. Критика на книгу под названием: Рассуждение о старом и новом слоге российского языка... — Моск. Меркурий, 1803, ч. IV, дек., с. 184.
Ос. в числе поэтов, творивших без «образцов». M51.

lib.pushkinskijdom.ru

Б

78. Г—чь [Гнедич Н. И.]. Красоты Оссиана, или Песни в Сельме. — СВ, 1804, ч. II, № 4, с. 100—105.
SS (начало; окончание см. *88*). Примеч.: «В стихах сих многого не найдут того, что есть в *Песнях в Сельме*, но многое найдут, чего нет в них. Скажу (но, может быть, эта смелость мне и непростительна), что я хотел только все красоты *Оссиана* слить в эти песни и в них одних хотел показать, каков *Оссиан*» (с. 100). М56.

79. Г—чь [Гнедич Н. И.]. Последняя песнь Оссиана. — СВ, 1804, ч. I, № 1, с. 65—69.
В (начало и конец, переделка). Примеч.: «Мне и многим кажется, что к песням Оссиана никакая гармония стихов так не подходит, как гармония стихов русских» (с. 65). М55.

— Журнал древней и новой словесности, ч. I, кн. 4, СПб., 1818, с. 173—179.
2-я редакция. Примеч.: «Подражание Оссиану, вновь переправленное» (с. 173). М103.

— Стихотворения Н. Гнедича. СПб., 1832, с. 157—163.
3-я редакция. М185.

80. Грамматин Н. Видение Коннала. Перевод из Оссиана. — В кн.: И отдых в пользу, или Собр. соч. и переводов в стихах и прозе. Труды воспитанников Университетского благородного пансиона. М., 1804, с. 226—229.
F II (начало). М53.

— Досуги Грамматина, кн. I. СПб., 1811, с. 119—122.
2-я редакция.

— Стихотворения Николая Грамматина, ч. II. СПб., 1829, с. 231—234.
3-я редакция. М179.

В

81. Муравьев М. Н. Романс, с каледонского языка переложенный [1804?]. — В кн.: Муравьев М. Н. Стихотворения. Л., 1967, с. 241—242 («Библиотека поэта», б. сер., изд. 2-е).
Стихи. 2 июля 1804 г. на заседании Российской Академии Муравьев «читал сочинения своего *Каледонский баллад* в стихах» (Соч. и переводы, изд. Российскою Академиею, ч. VI. СПб., 1813, с. 46). Уточнения текста см. выше, с. 58—59.

Г

82. [Арцыбашев Н. С.] Рогнеда, или Разорение Полоцка. — СВ, 1804, ч. II, № 6, с. 294.
Проза. Автор желает владеть «кистию сына Фингалова».

— Отд. изд. СПб., 1818, с. 75.

lib.pushkinskijdom.ru

83. П—ий [Политковский П. С.?] Стон Шарлоты при гробе Вертера. Романс. — НРЛ, 1804, ч. XII, с. 365.
Стихи. Обещание не расставаться с книгой, которую Вертер «любил читать». Примеч.: «Сей романс изображен на известном эстампе, где Шарлота представлена оплакивающею Вертера с Оссианом в руках» (с. 364). М54.

84. Смерть Леонида. — НРЛ, 1804, ч. XI, с. 175.
Стихи. Цитируется обращение Ос. к солнцу.

Д

85. Известие об ученых обществах ... Иностранные. — СВ, 1804, ч. IV, № 11, с. 214—215.
Решение Патриотического общества шотландских горцев об издании поэм Ос. в подлиннике с древних рукописей.

86. [Маттисон Ф.] План учения молодого поэта. (С французского). — Патриот, 1804, т. I, кн. 2, с. 97—98.
Другой перевод того же, что и *64*.

1805

Б

87. Беницкий А. Комала. Драмматическая песнь Оссиана. — СВ, 1805, ч. VII, № 9, с. 316—332.
С. Примеч.: «В одном из немецких периодических изданий находится сия пиеса стихами, разделенная на явления; я сделал подражание е перевода г-на *Кострова*» (с. 316). М61.

— Тл, кн. I, 1807, с. 61—77.
2-я редакция. М63.

88. Г—чь [Гнедич Н. И.] Красоты Оссиана. — СВ, 1805, ч. VI, апр., с. 57—67.
SS (окончание; начало см. *78*). М57.

89. Мдвдв [Медведев] П. Другой отрывок из Оссиана. Оссиан представляет, что Минвана, сидя на скале, видит прибытие Фингалова флота из Ирландии. — НРЛ, 1805, ч. XIV, с. 141—143.
Mv. Под первым «открывком» имеется в виду *90*. М59.

В

90. Мдвдв [Медведев] П. Отрывок из Оссиана. Альпин повествует Оссиану о смерти Брагалы, своей возлюбленной. — НРЛ, 1805, ч. XIV, с. 92—94.
Стихи. М58.

См. *108*. М60.

lib.pushkinskijdom.ru

Г

См. *121*.

Д

91. Блер. Поэзия. Ее происхождение и успехи. [Перевел] Н. Грамматин. — УЗ, кн. III, М., 1805, с. 185, 193—196.
Blair H. Lectures on rhetoric and belles lettres (1783). Lecture XXXVIII. Nature of poetry. Its origin and progress. «Размерная проза» в английском переводе Ос. Поэзия бардов.

92. О древней и новой поэзии. — Аврора, 1805, т. I, № 1, с. 39.
Песни Гомера и Ос. — «отпечатки» их времени.

93. Об опере. (С немецкого.) — СВ, 1805, ч. VI, № 4, с. 22.
Духи из поэм Ос. как предмет для оперы.

94. [Рец. на кн.:] Херсонида, или Картина летнего дня в Херсонисе Таврическом... соч. г. Боброва. СПб., 1804. — ЖРС, 1805, ч. I, № 2, с. 117.
Сравнение отрывков из «Херсониды» и В в переводе Кострова (см. *12*).

95. Русский спектакль. — СВ, 1805, ч. VIII, № 12, с. 262—264.
Представление «Фингала» В. А. Озерова 8 декабря 1805 г.

96. «Страсть ко всему, что только напоминает Оссиана...» — ЖРС, 1805, ч. II, № 6, с. 99—100 (Известия и смесь).
Картины немецкого художника Руля на темы Ос.

1806

Б

97. Грамматин Н. Конлат и Кютона. — УЗ, 1806, кн. IV, с. 42—57.
СпС.

— Досуги Грамматина, кн. I. СПб., 1811, с. 78—86.
2-я редакция.

— Стихотворения Николая Грамматина, ч. II. СПб., 1829, с. 189—197.
3-я редакция. М179.

Г

98. Б—в [Батюшков] К. Мечта [1803]. — ЛС, 1806, ч. III, № 9, с. 216.
Стихи. Поэт в мечтах уносится «во Сельмские леса» к героям Ос.

— ВЕ, 1810, ч. XLIX, № 4, с. 283.
2-я редакция.

— Собр. русских стихотворений, ч. V. М., 1811, с. 324.
3-я редакция.

lib.pushkinskijdom.ru

— Опыты в стихах и прозе К. Батюшкова, ч. II. СПб., 1817, с. 107—108.
4-я редакция.

— СОРСП, ч. VI, 1817, с. 234.

См. *113*.

Д

99. Александровский. Рассуждение о постепенном возвышении российской словесности, читанное на открытом испытании, бывшем в Педагогическом институте марта 22 дня 1806 года. — Л, 1806, ч. II, кн. 1, с. 15—16.
Барды у древних славян и у «цельтов».

100. [Блэр Х.] Сравнение Оссиана с Гомером. С англинского [перевел] Н. Грамматин. — УЗ, 1806, кн. IV, с. 84—88.
Отрывок из кн.: Blair H. Critical dissertation on the Poems of Ossian (1763).

101. Бутырский [Н. И.] Разбор трагедии Фингала, сочиненной г. Озеровым, читанный на открытом испытании студентов Педагогического института, бывшем марта 22 дня сего года. — Л, 1806, ч. II, кн. 1, с. 48—69.
M62.

102. О театре. — ЛС, 1806, ч. I, № 1, с. 83—89.
Представление «Фингала» Озерова 1 декабря 1805 г. M62.

103. Театр. — Л, 1806, ч. IV, кн. 1, с. 84—88.
Представление оперы «Уфал и Мальвина» (пьеса Ж.-Б.-М. Сен-Виктора, музыка Э.-Н. Мегюля) по сюжетным мотивам Ос. 15 октября 1806 г.

1807

А

104. Смерть Кушулина. Поэма из Оссиана. Перевел с французского К. И. О. о. в. к. й [кн. И. И. Одоевский]. М., 1807, 23 с.
DC по Letourneur. M65.

Б

105. Грамматин Н. Романс Кольмы. Отрывок из Оссиановой поэмы — Песни к Сельме. — УЗ, 1807, кн. V, с. 181—185.
SS (отрывок).

— Отрывок из Сельмских песней. — ВЕ, 1808, ч. XLII, № 21, с. 30—36.
2-я редакция, более обширная; полный перевод см. *136*.

106. Иванов Ф. Плач Минваны. (Из Оссиана.) — ВЕ, 1807, ч. XXXI, № 1, с. 29—32.
Mv.

lib.pushkinskijdom.ru

— Соч. и переводы Ф. Ф. Иванова, ч. I. М., 1824, с. 72—75.
М157.

107. Политковский П. Смерть Гидаллана. Вводная повесть из большой Оссиановой поэмы *Сражение с Каросом;* служащая окончанием предыдущей его *Драматической песни.* — Тл, кн. I, 1807, с. 77—84.
WC (вставной эпизод). Служит окончанием *87*, 1807. М64.

См. *87*.

В

108. [Озеров В. А.] Фингал, трагедия в трех действиях, с хорами и пантомимными балетами. Представлена в первый раз на Санктпетербургском Придворном театре декабря 8 дня 1805 года. СПб., 1807. [VIII], 50 с.
Стихи. В основе сюжета эпизод из F III (рассказ о Фингале и Агандеке, которая здесь названа Моиной). См. также *109*.
М66.

— То же. СПб., 1808. 46 с.
Приложено (с отд. паг.) к французскому переводу: Fingal, tragédie en trois actes, trad. du russe, en vers français, par H. J. Dalmas. SPb., 1808. 61 p. М67.

— Отрывок из трагедии Фингал. (Д. I. Явл. 6). — ПРП, ч. II, кн. 3, 1814, с. 134—138.
М82.

— Фингал, трагедия в трех действиях... Изд. 2-е. СПб., 1816. 50 с.
М92.

— Соч. В. А. Озерова, ч. I. СПб., 1817, с. 65—112.

— Отрывок из трагедии Фингал. (Д. I. Явл. 6). — СОРСП, ч. VI, 1817, с. 145—148.
М102.

— Соч. Владислава Александровича Озерова, новое изд., ч. I. СПб., 1824. [VI], 51 с. (отд. пагинация).

— То же, изд. 4-е, ч. I. СПб., 1827, с. 75—131.

— Фингал, трагедия в трех действиях... СПб., 1827. [IV], 51 с.

— Соч. Озерова, изд. 5-е, дополн. и сверенное по рукописям автора, ч. I. СПб., 1828, с. 69—119.

Г

109. Озеров Владислав. Алексею Николаевичу Оленину. — В кн.: Фингал [см. *108*], с. [V].
Стихи. Посвящение другу, советовавшему обратиться к Ос.

— См. *108*, 1808, с. III.

— См. *108*, 1816, с. 3.

lib.pushkinskijdom.ru

— См. *108*, 1817, ч. I, с. 67.

— См. *108*, 1824, ч. I, с. [V].

— См. *108*, 1827, ч. I, с. 79.

— См. *108*, 1827, с. [III].

— См. *108*, 1828, ч. I, с. 71.

См. *132*.

Д

110. [Бен де Сен-Виктор Ж.-М.-Б.] Жалкая судьба стихотворцев. С франц[узского]. — Минерва, 1807, ч. IV, февр., с. 82, 87—88.

Из кн.: Les grands poètes malheureux (1802). Песни Ос. звучат 2000 лет. Величие его поэзии и горестный конец.

1808

Б

111. Грамматин Н. Клессамор. (Отрывок из Оссиана). — ВЕ, 1808, ч. XLII, № 23, с. 172—179.

Crt (начало).

— Досуги Грамматина, кн. I. СПб., 1811, с. 95—105.

2-я редакция, более обширная; полный перевод см. *301*.

См. *105*.

В

112. [Жихарев С. П.] Октябрьская ночь, или Барды. СПб., 1808, 11 с.

Стихи. Переделка немецкого перевода М. Дениса «Die Octobernacht» (Bd). Посвящено Л. Д. Измайлову.

См. *108*.

Г

113. Державин [Г. Р.] Г. Озерову на приписание Эдипа [1806]. — Соч. Державина, ч. II. СПб., 1808, с. 243.

Стихи. Озеров «собою представил Софокла с Оссианом».

— То же, ч. I. СПб., 1831, с. 286.

— То же, ч. I. СПб., 1833, с. 278—279.

114. [Палицын А. А.] Димитрий Донской. (Отрывок из поэмы). Песнь первая. — РВ, 1808, ч. III, № 8, с. 245.

Стихи. «Боян и Оссиян забвенья стали жертвы...».

115. Пп. Дм. Минуты уединения. — Друг юношества, 1808, кн. II, февр., с. 49.

Проза. «Британские Оссианы» среди поэтов в храме Минервы.

См. *50*.

lib.pushkinskijdom.ru

Д

116. Любитель художеств. Письмо к знаменитому художнику о памятнике Пожарского и Минина. — РВ, 1808, ч. I, № 3, с. 267.
«Простые» герои Ос. — образец «для изображения наших знаменитых праотцев».

117. Мерзляков Алексей. Слово о духе, отличительных свойствах Поэзии первобытной и о влиянии, какое имела она на нравы, на благосостояние народов, в публичном собрании имп. Московского университета июня 30 дня 1808 года произнесенное... М., [1808,] с. 13.
Шотландия — «колыбель северной поэзии».

— То же. — В кн.: Образцовые сочинения в прозе знаменитых древних и новых писателей, ч. II. М., 1811, с. 69—70.

1809

Б

118. Б[енитцкий А. П.] Балклута, отрывок из Оссиановой поэмы *Картон.* — Ц, 1809, ч. III, № 7, с. 65—68.
Crt (отрывок). M68.

119. Гл—в [Глебов] Дм—ий. Крома. (Поэма из Оссиана.) — МВ, 1809, ч. I, № 20, с. 319—320; № 21, с. 321—327.
Cr.

120. Глбв [Глебов] Д. Минвана. (Из Оссиана.) — Аг, 1809, ч. VIII, кн. 1, с. 69—71.
Mv. M69.

См. *127.* M70.

Г

121. К. Б. [Батюшков К. Н.] Послание к Н. И. Гн-у [Гнедичу. 1805]. — Ц, 1809, ч. II, № 5, с. 184, 189.
Стихи. Упоминаются «Фингалов певец» и барда «песнь священна».

Д

122. Грамматин Николай. Рассуждение о древней русской словесности, написанное по приказанию Отделения словесных наук для получения степени магистра. М., 1809, с. 21—22.
Сведения об ирландских поэмах о Фионе Мак Комнале и его соратниках, почерпнутые из «Рассуждения» Мф.

123. Радищев А. Н. О человеке, о его смертности и бессмертии, кн. I [1792]. — В кн.: Собр. оставшихся соч. покойного А. Н. Радищева, ч. II, М., 1809, с. 87.
Воображение Ос. и климат его страны.

lib.pushkinskijdom.ru

124. Известие о полном издании сочинений Гавриила Романовича Державина. — РВ, 1809, ч. VI, № 4, с. 134.
Ос. — любимый поэт Суворова.

125. [Рец. на кн.: Нарежный В. Т.] Славенские вечера... СПб., 1809, — Ц, 1809, ч. III, № 8, с. 263—264.
«Славенские вечера» — подражание песням Ос.

1810

А

126. Стихотворения эрские или ирландские, то есть: Поэмы Оссиана, Оррана, Уллина и Ардара, вновь собранные в некоторой части западной Шотландии и изданные в свет г. Смитом, кои на российский язык г. Костровым переложены еще не были. Перевел с французского Семен Филатов. Ч. I—III. СПб., 1810. XVI, 182, 169, 176 с.
Оглавление: Ч. I. Гаул (с. 1); Дарго, поэма Уллинова (с. 47); Дермид (с. 93); Катгул (с. 131). Ч. II. Манос (с. 3); Дютона (с. 41); Финан и Лорма (с. 79); Трагал (с. 115); Дарго (с. 133). Ч. III. Колмул (с. 3); Пожар Туры (с. 47); Катлава, поэма Орранова (с. 103); Смерть Артха, поэма Ардарова (с. 135); Катлуина (с. 151). [Поэмы, названные здесь без указания автора, приписаны Ос.].
Поэмы из Smith: Gaul; Dargo; Dermid; Cathula; Manos; Duthona; Finan and Lorma; Trathal; Dargo, the son of Druivel; Cuthon, the son of Dargo; The fall of Tura; Cathlava; The death of Artho; Cathluina, по французскому переводу Hill. M72.

Б

127. К—н [Катенин П. А.] Песни в Сельме. Поэма из творений Оссиана. [1809]. — Ц, 1810, ч. V, № 1, с. 69—85; № 2, с. 147—159.
SS. Посвящено П. А. Ш.

— Соч. и переводы в стихах Павла Катенина, ч. II, СПб., 1832, с. 5—17.
2-я редакция. M186.

128. Ку—ше—в [Кугушев] Ник—й. Сулима. Из стихотворений Оссияна. Барда III века. — Друг юношества, 1810, кн. VIII, с. 66—73.
Sulima из Harold.

129. М.....й [Магницкий М. Л.?] Смерть Кушуллина. (Из Оссиана.) — Журнал для сердца и ума, 1810, ч. II, № 5, с. 132—155.
DC.

130. Чаплин Алексей. Песнь Фингалу после победы над римлянами. (Из Оссиана.) — УП, кн. I, 1810, с. 179—181.
Ossians Lied nach der Römer Niederlag из Harold.

lib.pushkinskijdom.ru

Г

131. Б—ий [Богословский] А. Лире росского Оссияна. —Сев. Меркурий, 1810, ч. V, № 15, с. 172—175.
Стихи. Посвящены Г. Р. Державину.

132. Гнедич [Н. И.] К В** [К. Н. Батюшкову. 1807]. — ВЕ, 1810, ч. XLIX, № 3, с. 185.
Стихи. Воображаемая картина Морвена.

— СОРСП, 1817, ч. VI, с. 153—154.
М102.

— Стихотворения Н. Гнедича. СПб., 1832, с. 131—132.
2-я редакция. М184.

133. Сатирическая почта. Письма 1, 7. Из города *Важного*, от дворянина *Любомудра* к другу своему в город *Разумов*. — Сев. Меркурий, 1810, ч. V, № 13, с. 58—60; ч. VI, № 16, с. 74.
Проза. Сатирический выпад против «Фингала» Озерова.

См. *98*.

Д

134. [Гриффе де ла Бом А.-Ж., Давид де Сен-Жорж Ж.-Ж.-А.] Предуведомление французского переводчика; Изъяснение имян, находящихся в Оссиановых поэмах. — В кн.: Стихотворения эрские или ирландские [см. *126*], ч. I, с. III—X.
Avertissement de l'éditeur; Explication des noms d'hommes, de contrées, etc. qui se trouvent dans les poèmes suivans, из Hill.
М72.

135. Т. [Тургенев А. И.? Рец. на кн.:] Стихотворения эрские или ирландские [см. *126*]. — ВЕ, 1810, ч. L, № 8, с. 297—306.
М72.

1811

Б

136. Грамматин Н. Ф. Сельмские песни. — В кн.: Досуги Грамматина, кн. I. СПб., 1811, с. 35—50.
SS(полностью; ср. *105*). Здесь же новые редакции переводов: *80, 97, 111*.

— Стихотворения Николая Грамматина, ч. II. СПб., 1829, с. 169—185.

См. *44*.

Г

137. Саларев [Д.] Поэзия. — УП, ч. II, 1811, с. 262.
Стихи. «Шотландии певец» воспевает героев.

См. *98*.

lib.pushkinskijdom.ru

Д

138. Рижский Иван. Наука стихотворства. СПб., 1811, с. 149—151.
Поэмы Ос. — образец эпической поэзии непросвещенных народов.

139. Фарфаровский В. В стиле искусственного произведения познается особенность, школа, век художника и нация, к которой он принадлежит. — Периодическое сочинение об успехах народного просвещения, 1811, № 29, с. 665—666.
Различие стиля Ос. и современной литературы.

140. Хвостов А. О стихотворстве. — ЧБЛРС, 1811, кн. III, с. 4.
Ос. в ряду самобытных поэтов.

См. *117.*

1812

А

См. *12.*

Б

141. Борисов Иван. Смерть Оскара и Дермида (из Оссиана). — Улей, 1812, ч. III, № 17, с. 409—414.
OD.

Д

142. Державин [Г. Р.] О лирической поэзии. — ЧБЛРС, 1812, кн. VI, с. 17.
В «древней песни о походе Игореве» «виден дух» Ос.

143. [Греч Н. И.] Известие о жизни и творениях писателей, коих труды помещены в сем собрании. — В кн.: Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе. Изд. Николаем Гречем. СПб., 1812, с. 437.
Перевод Кострова (см. *12*) превосходит подлинник.

1813

Б

144. Олин В. Сражение при Лоре, эпическая поэма из Оссиана. СПб., 1813. [XII], 18, [3] с.
BL (ок. двух третей поэмы) и эпизод Морны из F I. Позднейшие переложения: см.: *168, 169, 252.* M75.

Г

145. Бередников Яков. К поэзии. — ЧБЛРС, 1813, чт. IX, с. 64.
Стихи. Сравнение солнца с «Оссияновым щитом».

lib.pushkinskijdom.ru

Д

146. Олин В. Предуведомление. — В кн.: Сражение при Лоре [см. *144*, с. IX—X].
Поэзия Ос. Полемика вокруг изданий Мф.

1814

Б

147. Нкшя [Пушкин] Александр. Кольна. (Подражание Оссиану.) — BE, 1814, ч. LXXVI, № 14, с. 102—106.
CD. M77.

148. Сокольский Г. Коннал и Гальвина. — BE, 1814, ч. LXXVII, № 20, с. 277—279.
F II (вставной эпизод).

В

149. Пушкин А. С. Осгар [1814]. — В кн.: Соч. Александра Пушкина, т. IX. СПб., 1841, с. 272—276.
Стихи. M80.

150. Пушкин А. С. (?) Гараль и Гальвина [1814?]. — Рус. архив, 1876, кн. III, № 10, с. 223—225.
Стихи M81.

См. *108, 156.*

Г

См.: *18, 19, 25, 30, 61.*

1815

А

151. Песни Зельма; Оатона; Кальтон и Евиральма. Перевод из Оссияна. — В кн.: Уединенные часы пустынника в хижине, или Собрание разных сочинений и переводов из лучших мест Оссияна и Овидия, изд. В. Л[итвиновым]. М., 1815, с. 67—102, 137—155.
SS, O, ClC по Letourneur. M84.

Б

152. Капнист Вас. «Я видел сам огромные Балклутские башни...» — ЧБЛРС, 1815, чт. XVIII, с. 40—41.
Crt (отрывок) в статье Капниста «Краткое изыскание о гиперборeанах и о коренном российском стихосложении». Полный перевод см. *32.*

153. Межаков П. Коннал и Кримора. — ЧБЛРС, 1815, чт. XVIII, с. 58—61.
CT (вставной эпизод). M87.

lib.pushkinskijdom.ru

— Уединенный певец. СПб., 1817, с. 20—24.
2-я редакция. М96.

— СНРС 1821—23, ч. I, 1824, с. 291—294.
М155.

— Стихотворения Павла Межакова. СПб., 1828, с. 163—168.
М174.

154. Мижуков [Межаков] Пав. Сальгар и Кольма. — ЧБЛРС, 1815, чт. XVI, с. 43—45.
SS (отрывок). М86.

— Уединенный певец. СПб., 1817, с. 17—19.
М96.

— Стихотворения Павла Межакова. СПб., 1828, с. 159—162.
М174.

155. Олин [В. Н.] Темора. Отрывок из пятой песни Оссиановой поэмы. — ЧБЛРС, 1815, чт. XIV, с. 59—66.
Т V (отрывок). Примеч.: «Благосклонный читатель простит меня, что я сделал в некоторых местах сего отрывка отступление от подлинника» (с. 59). М83.

См. *33.*

В

156. Жуковский [В. А.] Эолова арфа [1814]. — Амфион, 1815, март, с. 61—71.
Стихи. Героиня — Минвана; ее отец — «владыко Морвены».

— Стихотворения Василия Жуковского, ч. II, СПб., 1816, с. 245—256.

— То же, изд. 2-е, ч. III, СПб., 1818, с. 105—118.

— То же, изд. 3-е, т. III. СПб., 1824, с. 151—164.

157. Протекинский Алексей. Рыцарь золотой брони. Баллада. — Труды Казанского о-ва любителей отечественной словесности, кн. I, [отд. 2.]. Казань, 1815, с. 214—224.
Стихи. Героиня — Минвана, краса Сельмы, дочь царя Морвена.

Д

158. Блер. Урок о поэзии. — К, [ч. I], 1815, с. 29, 34—35.
Другой перевод того же, что и *91.*

159. Державин Г. Продолжение о лирической поэзии. — ЧБЛРС, 1815, чт. XIV, с. 20.
Некоторые русские песни «мрачными картинами и мужеством во вкусе Оссияна возбуждают к героизму».

160. Капнист В. В. Предисловие к поэме «Картон» [ок. 1815]. — В кн.: Капнист В. В. Собр. соч. в 2-х т., т. II. М.—Л., 1960, с. 7.
Поэму см. *32.*

lib.pushkinskijdom.ru

161. Капнист В. В. Письмо к С. С. Уварову о эксаметрах. — ЧБЛРС, 1815, чт. XVII, с. 34.
О переводе поэмы Ос. «Картон» (см. *32*) «размером простонародных песней».

1816

А

См.: *2, 7, 8.*

Б

162. Фортунатов. Минвана. Эпизод из Оссиановых сочинений. Поэма последняя. — УВ, 1816, ч. II, апр., с. 86—89.
Mv.

См. *44.*

В

См. *108.*

Г

См.: *4, 16.*

Д

163. Б[атюшков К. Н.] О впечатлениях и жизни поэта. — ВЕ, 1816, ч. LXXXVII, № 10, с. 101—102.
Влияние климата на поэзию «барда Морвена».

— Нечто о поэте и поэзии. — В кн.: Опыты в стихах и прозе К. Батюшкова, ч. I. СПб., 1817, с. 36—37.

164. Сульцер [Зульцер И. Г.] О чудесном. [Перевел] Г. Сокольский. — ВЕ, ч. LXXXVII, № 9, с. 47.
Чудесное в поэзии Ос.

См. *11.*

1817

Б

165. В—ва Катерина. Рино и Альпин. Отрывок из песней Сельмы. (Подражание Оссиану.) — СН, 1817, ч. II, № 15, с. 44—47.
SS (отрывок).

166. Головин [В.] Оссианова старость. (Почерпнуто из его сочинений.) — ВЕ, 1817, ч. XCV, № 19, с. 161—168.
В (вольное переложение начала и конца).

lib.pushkinskijdom.ru

167. [Межаков П. А.] Рино и Минвана. — В кн.: Уединенный певец. СПб., 1817, с. 25—28.
Mv. Здесь же новые редакции переводов: *153, 154.* M96.

— СНРС 1821—23, ч. I, 1824, с. 299—302.
M156.

— Стихотворения Павла Межакова. СПб., 1828, с. 169—173.
M174.

168. Олин В. Каитбат и Морна. (Из Оссиана). — СО, 1817, ч. XXXVIII, № 23, с. 133—137.
F I (переделка вставного эпизода). Примеч.: «Стихотворение сие есть вводная повесть, находящаяся в первой песни *Фингала*, поэмы Оссиановой. Разделяя сего же барда поэму *Сражение при Лоре* на две песни, отрывки коей помещены в 18 нумере (1817 г.) журнала сего [см. *169*], принужден я был, вследствие сделанного мною расположения и по другим причинам, кои объясню при издании стихотворений моих, поместить в окончании первой песни вводную повесть. Повесть сию я взял из вышеозначенной поэмы Оссиана и, распространя оную в некоторых местах, вложил в уста Уллина, барда Фингалова. Желая мерную поэзию сделать разнообразнее, употребил я в вводной сей повести разные стопы, как то: стопу дактилическую, трохеическую, пеоническую 2-ю с дактилическою и трохеическою, пеоническую 1-ю с трохеем и пеоническую 3-ю є анапестом. Естьли меры сии понравятся читателям, я весьма доволен буду» (с. 133). Первый опыт переложения см. *144.* M94.

169. Олин В. Отрывки из эпической поэмы Оссиана, под названием: «Сражение при Лоре». — СО, 1817, ч. XXXVII, № 18, с. 222—230.
BL (7 отрывков с прозаическими связками). Примеч.: «Поэма сия заключается у Оссиана в одной и то весьма небольшой песни. Я составил из ней две песни и распространил равно как самим действием, так и описаниями, сохраняя и дух и образ мыслей календонского барда» (с. 222). Первый опыт переложения см. *144.* M93.

— СОРСП, ч. V, изд. 2-е, 1822, с. 315—327.
M134.

170. Познанский Егор. Мальвина. Драматическое стихотворение. Из Оссияна. — К, [ч. III,] 1817, с. 83—94.
Malvina из Harold. M99.

171. Познанский Е. Печальная Оссианова беседа с Мальвиною о друзьях. С английского. — К, [ч. III,] 1817, с. 150—152.
The fall of Tura (отрывок) из Smith. M100.

— Избр. соч. и переводы в прозе и стихах. Труды благородных воспитанников Университетского пансиона, ч. III. М., 1825, с. 193—195.

См.: *202.*

lib.pushkinskijdom.ru

В

172. Глебов Д. Мальвина и Едвин. — ВЕ, 1817, ч. XCVI, № 22, с. 97—101.
Стихи. Подражание «Эоловой арфе» Жуковского (см. *156*). М98.

173. Мансуров Александр. Гроб Оссияна. — К, [ч. III,] 1817, с. 153—156.
Стихи. М101.

— Избр. соч. и переводы в прозе и стихах. Труды благородных воспитанников Университетского пансиона, ч. III, М., 1825, с. 195—198.

См. *108*.

Г

174. Батюшков К. Вечер у Кантемира. — В кн.: Опыты в стихах и прозе К. Батюшкова, [ч. I.] Опыты в прозе, СПб., 1817, с. 72.
Проза. Песни горных шотландцев, напоминающие Гомера.

См.: *98*, *132*.

Д

175. [Блэр Х.] О поэзии вообще. [Перевод П. А. Никольского.] — СО, 1817, ч. XXXVIII, № 26, с. 246, 254—255.
Новый перевод того же, что и *91*. М95.

176. [Вяземский П. А.] О жизни и сочинениях В. А. Озерова. — В кн.: Соч. В. А. Озерова, ч. I. СПб., 1817, с. XXVIII—XXXIII.
Поэзия Ос. и «Фингал» Озерова.

— Соч. Владислава Александровича Озерова, новое изд., ч. I. СПб., 1824, с. XXXIV—XXXIX.

— То же, изд. 4-е, ч. I. СПб., 1827, с. XXXIV—XXXIX.

177. Г[реч Н. И.] «Статья *о жизни и сочинениях В. А. Озерова...*» — СО, 1817, ч. XLI, № 44, с. 232 (Известия и замечания).
О статье П. А. Вяземского (см. *176*) с приведением отрывка из нее «Сравнение Омера с Оссианом».

178. М. З. [Загоскин М. Н.] Еженедельный репертуар. — СН, 1817, ч. I, № 5, с. 165—166.
Представление «Фингала» Озерова 24 июля 1817 г. М102.

179. Мрзлкв [Мерзляков А. Ф.] Разбор трагедии Едип в Афинах господина Озерова. (Чтение XVI-е) — ВЕ, 1817, ч. XCII, № 8, с. 267—268; ч. XCIII, № 9, с. 35—47.
«Фингал» Озерова. М102.

lib.pushkinskijdom.ru

180. «Спор об Оссияновых поэмах не приведен еще к концу...» — РИ, 1817, 14 апреля, № 85, с. 342 (Ученые и художественные известия).
Национальность героев Ос.

См. *163.*

1818

А

181. Бурная осенняя ночь в Шотландии. (Пять бардов, собравшись в хижину с своим вождем Оскаром, поют.) С английского [перевел] Z. — Б, 1818, ч. III, № 7, с. 41—47.
Bd. M105.

182. «Таковы мои деяния, о сын Альпина...»; «Вейся, вейся, голубой поток, около узкой долины Луты...» [Перевел Р. Т. Гонорский]. — УВ, 1818, ч. XII, кн. 12, с. 337—346.
В (конец и начало). Включены в статью *193.*

См.:*12, 41.*

Б

183. Крылов А. Оскар и Дермид. Подражание Оссиану. — СПиБ, 1818, ч. III, № 9, с. 342—350.
OD. M110.

184. Н.....ъ [Никитин] А. Ларнуль, или Отчаяние. (Из Оссиана.) — СПиБ, 1818, ч. IV, № 10, с. 73—78.
Larnul oder die Verzweiflung из Harold по переводу *67.* M111.

185. Н.....ъ [Никитин А. А.] Смерть Азалы. (Из Оссиана.) — СПиБ, 1818, ч. IV, № 12, с. 353—359.
Der Tod Asalas из Harold по переводу *67.* M112.

186. М. Ф. Картон. Поэма. (Из Оссиана.) — ТД, 1818, с. 45—70.
Crt (исключен конец — обращение к солнцу).

187. М. Ф. Ларнуль, или Отчаяние. (Из Оссиана.) — ТД, 1818, с. 37—40.
Larnul oder die Verzweiflung из Harold.

188. Z. Отрывок из *Картона,* поэмы *Оссиановой.* (Клессамор рассказывает о первых битвах в своей юности под начальством *Комгала,* отца *Фингалова.*) С английского. — Б, 1818, ч. III, № 7, с. 15—19.
Crt (отрывок). M104.

См. *79.*

В

189. Лафонтен Август. Арфа. (С немецкого). [Перевел] В. К[няжевич]. — Б, 1818, ч. II, № 4, с. 50—69.
Проза. Вставная легенда о шотландском барде Гидаллане, его возлюбленной Комале и сопернике Клессаморе.

lib.pushkinskijdom.ru

190. П—в [Панаев В. И.] Сон Мальвины. Романс. — Б, 1818, ч. IV, № 10, с. 20—21.
Стихи. Примеч.: «Смотри на стран. 22-й другой перевод сего же самого романса» (см. *191*). М106.

191. Z. Видение Минваны. Романс. — Б, 1818, ч. IV, № 10, с. 22—23.
Стихи. Ср. *190*. М107.

192. Z. Бард над могилою Минваны. — Б, 1818, ч. IV, № 12, с. 257—259.
Стихи. Эпиграф: «Her white breast heaved with sighs: the wind was in her loose dark hair; her rosy cheek had tears. *Ossian*, Fingal's Poem». М108.

См. *156*.

Г

См.: *21*, *82*.

Д

193. Гердер [И. Г.] Страна душ. [Перевел Р. Т.] Гонорский. — УВ, 1818, ч. XII, кн. 12, с. 336—348.
J. G. Herder. Das Land der Seelen (1797). Раздел II «Цельты» посвящен поэзии Ос.

194. Олин В. Взгляд на историю поэзии. — Журнал древней и новой словесности, 1818, ч. I, кн. 1, с. 43—46.
Поэзия Ос.

195. Паки де Совиньи Н. О бардах, скальдах и трубадурах. Их должности у древних народов; их польза, влияние, какое они имели на отечественную поэзию и на военное искусство. (С франц[узского перевел] Н. Л.) — УВ, 1818, ч. X, кн. 6, с. 285—290.
Поэзия Ос. и других шотландских бардов.

196. «Гуг Кампбель издал в Лондоне творение...» — СПиБ, 1818, ч. IV, № 10, с. 129—130 (Ученые известия, извлеченные из иностранных журналов).
Исследование топографии поэм Ос.

197. [Рец. на кн.:] Оссиан, сын Фингалов [см. *12*, изд. 2-е, 1818]. — Б, 1818, ч. IV, № 11, с. 246—247.
М114.

198. «Ученый шотландец г-н *Ватсон*...» — РИ, 1818, 5 окт., № 231, с. 930—931 (Ученые и художественные известия).
Находка рукописи стихотворений Ос.

См.: *22*, *43*.

lib.pushkinskijdom.ru

Б

199. А. Н. [Никитин А. А.] Песнь Уллина. (Отрывок из Оссиана.) — СПиБ, 1819, ч. V, № 3, с. 353—358.
Lieder der Tröster (отрывок) из Harold по переводу *67*.

200. Олин В. Победная песнь Фингаловых бардов. Погребальная песнь Фингаловых бардов. (Подражание Оссиану.) — Журнал древней и новой словесности, 1819, ч. IV, кн. 4, с. 165—169.
С (отрывки, вольное переложение). М115.

201. Петровский Н. Вечерняя звезда. (Из Оссиана.) — Труды студентов — любителей отечественной словесности в имп. Харьковском университете. Харьков, 1819. Стихотворения, с. 85—87.
SS (начало, вольное переложение).

202. Склабовский Александр. Песнь Ламина. Песнь Фелима. Зюлима и Кольмар (1817).— В кн.: Опыты в стихах Александра Склабовского. Харьков, 1819, с. 1—11, 160—179.
Lieder von Tara (отрывок); Phelim; Sulima из Harold.

В

203. Крылов А. Минвана. — СПиБ, 1819, ч. VI, № 6, с. 306—309.
Стихи. Переделка Mv со счастливым концом.

Г

204. Бен-Грианан. Каледонская повесть. С польс[кого перевел] Петр Артемовский-Гулак. — УВ, 1819, ч. XIV, кн. 5, 171—172, 175.
Стихи, проза. Упоминания Ос. в посвящении А. А. Г-вой и в повести.

205. Н *** в [Норов] А—р. Месячное сияние. — Б, 1819, ч. VIII, № 22, с. 200.
Стихи. Упоминается Ос. «в области теней».

206. Склабовский А. Послание к Н. М. Свстнву. — Труды студентов — любителей отечественной словесности в имп. Харьковском университете. Харьков, 1819. Стихотворения, с. 52.
Стихи. Чтение студентами «Эоловой арфы» Жуковского.

207. Языков Н. Послание к К.....у [А. И. Кулибину]. — СПиБ, 1819, ч. VI, № 4, с. 92—93.
Стихи. Восхищение поэзией Ос.; образы его героев.

— К Ан. К—у. — Невский альманах на 1831 год. СПб., 1831, с. 89—90.

См. *49*.

Д

208. А. Р. [Рихтер А. Ф.] О природе в отношении к изящным искусствам. — СПиБ, 1819, ч. VII, № 9, с. 257.
Характер поэзии Ос.

lib.pushkinskijdom.ru

209. Р—х—ъ [Рихтер] А—ъ. Скандинавская мифология. — Б, 1819, ч. VIII, № 23—24, с. 287, 295—296.
Творчество поэтов Каледонии: Оррана, Уллина и Ос.

210. Писатель-литератор в сравнении с другими писателями. (Из журнала Tygodhik Polski, — № 9, 1819.) С польск[ого перевел] Н. Левицкий. — УВ, 1819, ч. XIV, кн. 5, с. 146.
Ос. как поэт Севера.

1820

Б

211. Б—ф [Бальдауф] Ф. Конал. (Подражание Оссиану.) — Б, 1820, ч. IX, № 4, с. 265—269.
F II (вставной эпизод). Посвящено Ал. Ал. Б[естужеву]. M118.

212. Ф. Б. [Бальдауф Ф. И.] Мальвина. Романс. — Б, 1820, ч. XI, № 15, с. 189—191.
Cr (начало). M119.

213. Б—ф [Бальдауф] Ф. Песнь Уллина над гробом Конала. — Б, 1820, ч. XII, № 20, с. 107—109.
CT (окончание вставного эпизода). M121.

214. Никитин А. Отрывок из Оссиановой поэмы *Картон.* — Б, 1820, ч. XI, № 16, с. 245—250.
Crt (отрывок: рассказ Клессамора и песнь Фингала). M120.

См. *33.*

В

215. [Глинка С. Н.] Маскерад. Нравоучительное зрелище в одном действии. Явление 2. — РВ, 1820, кн. III, с. 44—48.
Стихи. Диалог Ос. с внуком.

— Оссиан и внук его. — В кн.: Театр света, или изображение достопамятнейших происшествий древних и новых времен нравов и словесности, изд. Сергеем Глинкою, ч. V. М., 1823, с. 130—132.

216. Ду—п [Дуроп] Ал. Едгар и Ваина. (Подражание Оссиану). — НЗ, 1820, ч. II, май, с. 155—158.
Стихи. Эпиграф: «Pale, lies the maid on the rock». Ossian. Comala's Poem.

217. Петровский [Н.] Утренняя песнь богу. (Подражание Оссиану). — В кн.: Соч. и переводы студентов имп. Харьковского университета, читанные 1820 года июня 30 числа по окончании экзаменов их. Харьков, 1820, с. 90—94.
Стихи.

Г

218. Кюхельбекер В. Поэты. — СПиБ. 1820, ч. X, № 4, с. 76.
Стихи. Явление призрака Ос.

См.: *18, 19, 25, 30, 61.*

lib.pushkinskijdom.ru

Д

219. Жандр [А. А.] О первых двух дебютах г. Каратыгина м. — СО, 1820, ч. LXII, № 23, с. 176—178.
Представление «Фингала» Озерова. М125.

220. Катенин [П. А.] Еще слово о Фингале. — СО, 1820, ч. LXII, № 26, с. 320—323.
Возражения на статью В. И. Соца (см. *222*).

221. Катенин [П. А.] Продолжение споров. — СО, 1820, ч. LXIII, № 28, с. 83—85.
Возражения на статью Я. Н. Толстого (см. *223*).

222. В. С. [Соц В. И.] Разные толки о Фингале, трагедии Озерова. — СО, 1820, ч. LXII, № 24, с. 225—228.
Возражения на статью А. А. Жандра (см. *219*).

223. Я. . . . . й [Толстой Я. Н.] Замечания на статью «О первых двух дебютах г. Каратыгина», в 23 № С. О. помещенную [см. *219*]. — СО, 1820, ч. LXIII, № 27, с. 34—36.

224. «Знаменитый Джонсон почитал подложными изданные поэмы Оссияновы. . .» — ВЕ, 1820, ч. CXIII, № 17, с. 78—79 (Краткие выписки, известия и замечания).
Находка рукописей поэм Ос.

225. «Под одним старым сводом в католическом аббатстве Коннорском. . .» — РИ, 1820, 22 авг., № 199, с. 796 (Иностранные известия).
То же сообщение, что и *224*.

См. *1*.

1821

Б

226. Григорьев В. Гимн Солнцу. (Из Оссиана.) — Б, 1821, ч. XIII, № 3, с. 124—126
Hymne au Soleil (Crt, отрывок) из Baour Lormian. М126.

См. *33*.

В

227. Тило Вильгельм. Мальвина. Баллада. — Б, 1821, ч. XV, № 13, с. 3—9.
Стихи. Строфический размер «Эоловой арфы» (см. *156*).

См. *263*. М128.

Г

228. Бестужев Александр. Путешествие в Ревель. — СПиБ, 1821, ч. XIII, № 2, с. 179.
Проза. «Мысли оссиановские» в гавани Ревеля.

lib.pushkinskijdom.ru

229. Иванчин-Писарев Ник. Грация. — Труды Общества любителей российской словесности при имп. Московском университете, 1821, ч. XIX. Стихотворения, с. 69.
Стихи. Грация вдохновляла Ос.

— ДЖ, 1823, ч. IV, № 22, с. 146; 1824, ч. V, № 6, с. 236.
2-я редакция, более обширная.

230. К луне. (С франц[узского перевела] П...ья Б.) — Б, 1821, ч. XIII, № 3, с. 126.
Стихи. Сравнение луны с Ос. М126.

Д

231. [Бен де Сен-Виктор Ж.-М.-Б.] Жалкая судьба стихотворцев. Из Grands poètes malheureux. — Друг юности, наставлениями и примерами руководствующий к просвещению и добродетели, ч. IV. М., 1821, с. 188, 195—196.
Другой перевод того же, что и *110*. М131.

232. [Блэр Х.] Критическое сравнение Оссиана с Гомером. (Из Блера). [Перевел В. Н.] Олин. — Р, 1821, 2 марта, № 9, с. 33—34.
Другой перевод того же, что и *100*. М129.

233. Кокрель К. Русская антология. (Из Revue Encyclopédique.) Перевел А. Ст—в. — СО, 1821, ч. LXXIII, № 42, с. 56, 64—66.
Coquerel Ch. «Russian anthology etc. — Anthologie russe... par John Bowring» (рец. в Revue encyclopédique, t. X, 1821).
Северное сияние у Ос. «Эолова арфа» Жуковского и Ос.

234. [Лобойко И. Н.] Взгляд на древнюю словесность скандинавского севера. СПб., 1821, с. 21—22.
Сравнение песен Ос. с поэзией скальдов.

235. А. Р. [Рихтер А. Ф.] О бардах, скальдах и стихотворцах средних веков. — СПиБ, 1821, ч. XVI, кн. 2, с. 157—162. М132.

— Отд. изд. СПб., 1821, с. 1—6.
Посвящено гр. Д. И. Хвостову.

236. N. N. Русский театр. — Р, 1821, 25 мая, № 20, с. 80 (Смесь).
Представление «Фингала» Озерова на Малом театре 24 мая 1821 г. М130.

237. «Г. Генрих нашел недавно маленький ящик на католическом кладбище в Конноре...» — НЗ, 1821, ч. V, янв., с. 113.
Находка рукописи стихотворений Ос.

238. Письмо одного немецкого путешественника из Великобритании. — РИ, 1821, 17 июля, № 164, с. 658.
Посещение мест, напоминающих об Ос.

lib.pushkinskijdom.ru

Б

239. Вердеревский В. Последняя песнь Оссиана. Отрывок из поэмы *Берратон.* — Б, 1822, ч. XVII, № 6, с. 220—227.
Le dernier Hymne d'Ossian (В, начало и конец) М.-Ж. Шенье. Примеч.: «Поэма сия почитается последним Оссиановым творением — и шотландцы называют ее *последнею песнию.* Следуя Шенье, я пропустил описания побед Оссиана и Тоскара над прекрасным Уталом — сыном Лармора; но предлагаю здесь обращение слепого старца к быстрому источнику Луты и воззвание его к грозной тени Фингала» (с. 220). М127 (ошибочно отнесено к 1821 г.).

— СОРСП, ч. VI. Изд. 2-е, 1822, с. 262—268.
М135.

См.: *44, 169.*

В

240. Гр[игорьев] В. Тоска Оссиана. — СПиБ, 1822, ч. XX, кн. 3, с. 320—323.
Стихи. М136.

— СНРС 1821—23, ч. I, 1824, с. 161—164.
М154.

Д

241. Греч Н. Учебная книга российской словесности, ч. IV, СПб., 1822, с. 565.
«Фингал» Озерова. М138.

242. N. N. [Завадский С. П.?] Замечания на балладу Эолова арфа, соч. В. А. Жуковского. — РИ, 1822, 24 февр., № 50, с. 199—200.

243. Мерзляков А. Краткое начертание теории изящной словесности, ч. I. М., 1822, с. 221—222.
Поэмы Ос. «Фингал» и «Темора». М137.

244. Яквлв [Яковлев] М—л. Фингал, трагедия в трех действиях, в стихах, соч. В. А. Озерова, с хорами, сражениями и балетами (музыка соч. г. Козловского)... — Б, 1822, ч. XX, № 46, с. 249—256.
Спектакль на Большом театре 30 октября 1822 г.

245. Истинные и мнимые ученые. (Из французского журнала: Le Miroir.) — РИ, 1822, 11 мая, № 111, с. 443—444 (Смесь).
Иронический выпад по поводу полемики об Ос.

lib.pushkinskijdom.ru

1823

Б

246. Дурново Н. Сетование старца Армина. (Из Оссиана.) — Б, 1823, ч. XXIV, № 23—24, с. 377—381.
SS (отрывок). М143.

247. Загорский [М. П.] Морна. (Из Оссиана.) — СПиБ, 1823, ч. XXIV, кн. 2, с. 154—158.
F I (вставной эпизод). М139.

— Новости литературы, 1826, кн. 15, с. 102—104.
М165.

248. Шкляревский П. Песнь Оссиана. — Б, 1823, ч. XXI, № 5, с. 321—324.
В (начало, вольное переложение). М141.

В

249. Загорский [М. П.] Калмар и Орла. (Вольный перевод из сочинений лорда Байрона.) — СПиБ, 1823 ч. XXIV, кн. 1, с. 40—52.
Стихи. The death of Calmar and Orla (1807) Байрона. М140.

250. Круммахер [Ф. А.] Притчи... 4. Оссиан. С нем[ецкого перевел] В. Тило. — Б, 1823, ч. XXII, № 9, с. 169—170.
Проза. Ossian из Parabeln (1805) Круммахера. М142.

251. Мансуров А. Умирающий бард. — СО, 1823, ч. LXXXIV, № 14, с. 327—332.
Стихи. М144.

252. Олин В. Оскар и Альтос, поэма. СПб., 1823. [VIII,] IV, 13—48 с.
Стихи. Посвящено С. М. Мартынову. Из «Вступления»: «Содержание поэмы сей взято мною из эпизода или вводной повести первой песни Оссиановой поэмы под названием *Фингал*. Таким образом, вводная повесть сия, занимающая в английском подлиннике не более четырех страниц, есть только остов сей поэмы; впрочем, все частные положения, картины и оттенки почерпал я из собственного источника слабых моих способностей, стараясь, однако ж, сколько возможно — особенно в описаниях — согласоваться с характером и тоном поэм Оссиановых или, лучше сказать, Макферсоновых» (с. I). М145.

См. *215*.

Г

См. *229*.

Д

253. Бестужев А. Взгляд на старую и новую словесность в России. — ПЗ на 1823. СПб., 1823, с. 12, 20.
Ос. в переводе Кострова. «Фингал» Озерова.

lib.pushkinskijdom.ru

254. [Блэр Х.] О высоком в произведениях словесности. (Из Блера.) [Перевел] Станислав Гельфрейх. — В кн.: Опыты в словесности воспитанников Благородного пансиона г. Коваленкова, в Харькове. Харьков, 1823, с. 147—148.
Blair H. Lectures on rhetoric and belles lettres (1783). Lecture IV. The Sublime in writing. — Высокое у Ос.

255. [Грамматин Н. Ф.] Критическое рассуждение о Слове о полку Игоревом. Примечания к Слову о полку Игоревом. — В кн.: Слово о полку Игоревом, историческая поема, писанная в начале XIII века на славенском языке прозою и с оной переложенная стихами древнейшего русского размера... М., 1823, с. 11—15, 21, 23, 25, 31, 32, 87, 88.
Сравнение «Слова» с поэмами Ос.

256. К[озлов В. И. Рец. на кн.:] Оскар и Альтос [см. *252*]. — РИ, 1823, 27 окт., № 255, с. 1019—1020.

257. Житель Васильевского острова [Цертелев Н. А.] Хорошие стихи. (Отрывок из моего журнала.) — Б, 1823, ч. XXII, № 8, с. 112—116.
Разбор «Умирающего барда» А. Мансурова (см. *251*).

258. Взгляд на северную гористую Шотландию и на оставшиеся в наше время следы Оссианова века... 2. Песни Оссиановы. — СО, 1823, ч. LXXXIX, № 41, с. 10—17; № 42, с. 72—78.

259. «Вопреки всем уверениям, что свет никогда не увидит...» — ВЕ, 1823, № 13—14, с. 157—158 (Краткие выписки, известия и замечания).
Издание кельтского «подлинника» поэм Ос. (1807). М147.

260. [Рец. на кн.:] Оскар и Альтос [см. *252*]. — СО, 1823, ч. LXXXIX, № 43, с. 130—132.

261. [Рец. на кн.:] Оскар и Альтос [см. *252*]. — Литературные листки, 1823, № 5, с. 63—64.

1824

Б

262. Вердеревский В. Коннал и Гальвина. (Отрывок из поэмы Фингал.) — Мн, 1824, ч. I, с. 116—118.
F II (вставной эпизод). М148.

См.: *106, 153, 167, 300.*

В

263. Бороздна И. Прощание Оскара с Мальвиною. (Подражание Оссиану.) 1821 года. — ВЕ, 1824, № 14, с. 99—101.
Стихи. Les adieux d'Oscar et de Malvina из Baour Lormian. М152.

— Опыты в стихах Ивана Бороздны. М., 1828, с. 13—16.

264. Олин В. Н. Кальфон, поэма. СПб., 1824. XVI, 17—61 с.

lib.pushkinskijdom.ru

Стихи. Посвящено А. А. Ивановскому. Из «Вступления»: Главное содержание поэмы сей... заимствовано мною также из Макферсонова Оссиана, а именно: из эпизода или краткой вводной повести пятой песни *Фингала*... Вводная повесть сия есть только остов сей поэмы: положения же частные, картины и оттенки почерпал я из собственного источника слабых моих способностей» (с. XI—XII). Lamderg переименован в Кальфона.

— Отрывок из новой поэмы г. Олина под названием Кальфон. — Литературные листки, 1824, ч. IV, № 19—20, с. 27—31.

265. Писарев [А. И.] Выкуп Оссиана. — СПиБ, 1824, ч. XXVIII, кн. 1, с. 63—72.
Стихи. По мотивам поэмы Ш.-И. Мильвуа «La rançon d'Egill» (ср. *269*). М150.

— Мн, 1824, ч. III, с. 147—154.
М149.

— Отд. изд. М., 1824. 8 с.
М151.

См.: *108, 156, 240, 289, 290.*

Д

266. Бестужев Александр. Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года. — ПЗ на 1824. СПб., 1824, с. 6.
«Оскар и Альтос» Олина (см. *252*).

267. С...в [Сомов О. М.? Рец. на кн.:] Соч. В. А. Озерова [см. *108*, 1824]. — СО, 1824, ч. XCIII, № 17, с. 137.
Критика правки А. Е. Измайлова в тексте «Фингала».

См. *176.*

1825

Б

268. —ов—. Вечерняя звезда. (Вольный перевод из Оссиана.) — Невский альманах на 1826 год. СПб., 1825, с. 174—175.
SS (начало). М164.

См. *171.*

В

269. Дмитриев М. Выкуп барда, или сила песнопения. Драматическая картина в двух сценах, взятая из поемы Мильвуа (La rançon d'Egill). — Драматический альбом для любителей театра и музыки на 1826 год, кн. I. М., [1825], с. 234—254.
Стихи. Примеч.: «Сия пиеса может быть судима очень строго. В ней нет действия, нет характеров, один рассказ: словом, она, имея драматическую форму, не имеет драматического движения... Впрочем, она написана мною по дружескому предложе-

lib.pushkinskijdom.ru

нию А. Н. Верстовского, желавшего сочинить музыку на *последнюю песнь Барда:* все прочее есть не что иное, как рама, как разговор, написанный для вставки сей песни и для некоторой связи происшествия» (с. 235).

270. К... [Крюков А. П.] Сетование Фингала над прахом Моины. — ВЕ, 1825, № 3, с. 192—193.
Стихи. По «Фингалу» Озерова. Посвящено М. И. Атаеву. М160.

271. Полежаев Александр. Морни и тень Кормала. (Из Оссиана). — ВЕ, 1825, № 23—24, с. 182—184.
Стихи. Morni et l'ombre de Cormal (G, переделка) из Baour Lormian. М162.

— Стихотворения А. Полежаева. М., 1832, с. 37—39.

См. *173.*

Д

272. Н. Г. [Греч Н. И. Рец. на кн.:] Кальфон [см. *264*]. — Сев. пчела, 1825, 27 янв., № 12.

273. Сомов О. Письмо к приятелю при отсылке ему поэмы *Кальфон* [см. *264*]. — СО, 1825, ч. С, № 6, с. 164—183.

274. [Рец. на кн.:] Кальфон [см. *264*]. — РИ, 1825, 31 янв., № 26, с. 105.

275. Ра—ий В. О поэме г. *Олина Кальфон.* Замечания на критику, помещенную в № 12-м *Северной Пчелы* [см. *272*]. — РИ, 1825, 9 марта, № 59, с. 235—238.

276. Сравнения... 3. Оссиан и Гомер. — Избранные соч. и переводы в прозе и стихах. Труды благородных воспитанников Университетского пансиона, ч. II. М., 1825, с. 361—364.

1826

Б

См. *247.*

В

277. Петров И. Бард. — Собр. новых русских стихотворений, вышедших в свет с 1823 по 1825 год, ч. II. СПб., 1826, с. 103—105.
Стихи. М153 (ошибочно отнесено к 1824 г.).

Г

278. Илличевский [А. Д.] Весенний вечер. (Из поэмы Michaud: Le printemps d'un proscrit). — Сириус. Собр. соч. и переводов в стихах и прозе, кн. I. СПб., 1826, с. 47—48.
Стихи. Образ поющего Ос. М167.

lib.pushkinskijdom.ru

Д

279. Нечаев С. Д. Отрывки из путевых записок о юго-восточной России. — МТ, 1826, ч. VII, № 1, отд. I, с. 37.
Сходство кабардинских стихов с поэзией Ос.

1827

А

280. «Близ горного утеса под древним дубом старый Оссиан...»; «Ночь наступает. Я одна на сем холме бурей...» — КВ, 1827, ч. XXI, кн. 9—10, с. 52—58.
Frg VIII, X. Приведены в статье *286*.

Б

281. Муравьев А. Н. Оссиан. Галл. — В кн.: Муравьев А. Таврида. М., 1827, с. 97—100.
T VII (окончание), G.

В

282. Бороздна И. Оссиан к Сюльмале. — ВЕ, 1827, № 21, с. 48—50.
Стихи. Ossian à Sulmalla (приложение к T VIII, переделка) из Baour Lormian. M168.
— Опыты в стихах Ивана Бороздны. М., 1828, с. 40—41.

См. *108*.

Д

283. Делибюрадер [Ознобишин Д. П.] Отрывок из сочинения об искусствах. — Северная лира на 1827 год. М., 1827, с. 390—393.
Поэзия каледонских бардов.

284. [Моне Фр. Иос.] Историческое обозрение мифологии северных народов Европы. — МТ, 1827, ч. XV, № 9, с. 28.
Сравнение поэзии Ос. и бардов со скандинавскими сагами.

285. Фукс Е. Б. Один день из жизни Суворова. — В кн.: Собр. разных соч. Е. Фукса. СПб., 1827, с. 101.
Суворов об Ос.

286. О лирической поэзии. (С французского.) — КВ, 1827, ч. XXI, кн. 9—10, с. 52—59.
Ос. как пример одической поэзии бардов. См. *280*.

См. *176*.

lib.pushkinskijdom.ru

Б

287. Бороздна И. П. Песнь Фингала на развалинах Балклуты. Бой Фингала с духом Лоды. Минвана. Смерть Гидаллана. Оина. — В кн.: Опыты в стихах Ивана Бороздны. М., 1828, с. 10—12, 24—27, 53—54, 58—62, 151—160.
Chant de Fingal sur la ruine de Balclutha (Crt, отрывок); Combat de Fingal et du fantôme de Loda (CT, отрывок); Minvane (Mv); La mort d'Hidallan (WC, вставной эпизод); Oina (OM) из Baour Lormian. Здесь же переделки: *263, 282,* M169 (только «Оина»).

288. Слепцов А. Картон. Поэма Оссиана, сына Фингалова. Вольное переложение в стихи. М., 1828, 51 с.
Crt. Посвящено В. А. Слепцову. Из «Предуведомления»: «Подлинник сей поэмы состоит в одной песни. При вольном переложении ее в стихи, я осмелился в некоторых местах сделать распространение, чем, несколько увелича ее, разделил на три песни» (с. 5). M172.

См.: *153, 154, 167.*

В

289. Шаховской А. Песнь барда. Отрывок из Фингала и Роскраны [1824]. — Памятник отечественных муз. Альманах для любителей словесности на 1828 год. СПб., 1828, с. 313—314.
Стихи. Ср. *290.* M170.

290. Шаховской А. Фингал и Роскрана, или Календонские обычаи. Драматическая поэма. Действие второе, явление III [1824]. — Драматический альманах для любителей и любительниц театра, изд. на 1828 год. СПб., 1828, с. 120—132.
Стихи. В основе сюжета пьесы — C (Comala переименована в Роскрану) и вставной эпизод из WC. M171.

См.: *108, 263, 282.*

Г

291. Калачевский Н. К мечте. — Соч. в прозе и стихах. Труды Общества любителей российской словесности при имп. Московском университете, ч. VII. М., 1828, с. 165.
Стихи. Ос. среди теней великих поэтов прошлого.

Д

292. [Блэр Х.] О начале и успехах поэзии. (С французского.) — КВ, 1828, ч. XXIV, кн. 10, с. 157—158, 165—167.
Другой перевод того же, что и *91* и *158.*

lib.pushkinskijdom.ru

293. [Глотовский.] Письмо к издателю Славянина от г. Глотовского из Симбирска. — Славянин, 1828, ч. VIII, № 45, с. 236—239.
Отзыв из «Revue encyclopédique» о поэмах В. Н. Олина «Оскар и Альтос» и «Кальфон» (см.: *252, 264*).

294. С. Ш. [Шевырев С. П. Рец. на кн.:] Опыты в стихах И. Бороздны [см. *287*], Стихотворения П. Межакова [см. *153*]. — МВ, 1828, ч. X, № 14, с. 166.

295. ..... Мысли о Сумарокове и других писателях. — Отеч. зап., 1828, ч. XXXIV, № 96, с. 43—74.
«Фингал» Озерова и «Синав и Трувор» Сумарокова.

296. [Рец. на кн.:] Картон... переложение в стихи А. Слепцова [см. *288*]. — МТ, 1828, ч. XXIII, № 18, с. 228—230.
M173.

297. [Рец. на кн.:] Опыты в стихах И. Бороздны [см. *287*]. — МТ, 1828, ч. XIX, № 4, с. 554.

1829

А

298. [Песни в Сельме]. «Для чего будишь меня, ветер весенний?..» — В кн.: [Гете И. В.] Страдания Вертера. С немецкого [перевел Н. М.] Р[ожалин]. Ч. II. М., 1829, с. 137—155.
SS (без окончания), B (отрывок); ср. *2*. M177.

299. «Зачем пробуждаешь меня, ветер весенний...». «Барды поют. Мы извлекаем камень из шумящего потока...» [Перевод В. А. Жуковского]. — Собиратель, 1829, 1-й год, № 1, с. 13, 16 (Выписки).
B (отрывок), CD (отрывок), под рубриками: «Ничтожность человека на земле» и «Поэзия». Переводчик установлен В. М. Костиным.

Б

300. Веневитинов Д. В. Песнь Кольмы [1824]. — В кн.: Соч. Д. В. Веневитинова, ч. I. Стихотворения. М., 1829, с. 14—15.
SS(отрывок). M158.

301. Грамматин Н. Ф. Древние галльские песнотворения. — В кн.: Стихотворения Николая Грамматина, ч. II. СПб., 1829, с. 1—234, 327—351.
[Содержание:] Темора. Историческая поэма в осьми песнях (песни I—VI, с. 11); Картон (с. 140); Сельмские песни (с. 169); Конлат и Кютона (с. 189); Берратон (с. 204), Видение Коннала (с. 231). Примечания (с. 327).
T I—VI, Crt, SS, CnC, B, F II (начало). Ранние редакции см.: 80, *97, 111, 136*. Посвящения см. *306*. M179.

302. Слепцов А. Песни в Сельме. Поэма из Оссиана. М., 1829, 26 с.
SS. M175.

lib.pushkinskijdom.ru

303. Степ—ов [Степанов] Н. Песнь Фингала на развалинах Балклуты. — Цефей. Альманах на 1829 год. М., 1829, с. 243—246.
Chant de Fingal sur la ruine de Balclutha (Crt, отрывок) из Baour Lormian. M176.

Г

304. [Гете И. В.] Страдания Вертера [см. *298*], ч. II, с. 65—67.
Проза. Размышления Вертера об Ос. в письме LXI (ср. *4*).

305. Грамматин Н. Ф. Надписи к портретам русских писателей. На смерть Лилы. На смерть Державина. Песнь воинству Александрову. Песнь воинству Игореву. — В кн.: Стихотворения Н. Грамматина [см. *301*], ч. I, с. 30, 57, 66, 123, 177.
Стихи. Сочинитель «Слова о полку Игоревом» — российский Ос. Эпиграфы из поэм Ос. M178.

306. Грамматин Н. Ф. Ивану Ивановичу Дмитриеву. Сергею Павловичу Татищеву. — В кн.: Стихотворения Н. Грамматина [см. *301*], ч. II, 137—139, 201—203.
Стихи. Посвящения «Картона» и «Берратона» (см. *301*).

Д

307. Грамматин Н. Ф. [Введение к «Древним гальским песнотворениям»]. — В кн.: Стихотворения Н. Грамматина [см. *301*], ч. II, с. 3—7.
Историческая основа песен Ос.

308. О религии и нравах древних скандинавов. (Из В. И.) — Атеней, 1829, ч. II, апр., с. 10—11.
Сравнение скандинавов и каледонцев, изображенных Ос.

309. [Рец. на кн.:] Песни в Сельме... А. Слепцова [см. *302*]. — МТ, 1829, ч. XXIX, № 17, с. 99.

310. [Рец. на кн.:] Стихотворения Н. Грамматина [см. *301*]. — МТ, 1829, ч. XXX, № 21, с. 96.

1830

Б

См. *33*.

В

311. Лермонтов М. Ю. Гроб Оссиана [1830]. — Рус. старина, 1873, т. VII, № 4, с. 562.
Стихи. M181.

312. Ободовский П. К картине, представляющей Оссиана в пустыне. СОиСА, 1830, т. XII, № 23, с. 251.
Стихи.

lib.pushkinskijdom.ru

313. Трилунный [Струйский Д. Ю.] Лира Оссиана. — Галатея, 1830, ч. XVII, № 41, с. 194—195.
Стихи. М180.

— Оссианова лира. — Эхо, 1831, ч. I, № 3, с. 86—88.

— ЛПРИ, 1831, № 27, с. 214.

Д

314. [Пушкин А. С.? Сомов О. М.?] «Когда Макферсон издал *Стихотворения Оссиана...*» — Лит. газ., 1830, 21 янв., т. I, № 5, с. 40.
Полемика о подлинности поэм Ос.; письмо С. Джонсона. М182.

1831

В

См. *313.*

Г

315. Р[озберг М. П.] Письмо из Одессы к ***. — Одесский альманах на 1831 год. Одесса, 1831, с. 396—397.
Проза. Морской пейзаж и поэзия Ос.

См. *207.*

Д

316. Н[адеждин] Н. Необходимость, значение и сила эстетического образования. — Т, 1831, ч. III, № 10, с. 143.
Ос. в числе поэтов, вдохновлявшихся природой.

1832

Б

317. Шеин Иосиф. Минвана. (Вольный перевод из Оссиана.) — ДЖ, 1832, ч. XL, № 43, с. 58—59.
Mv. Посвящено В. И. Роговой.

318. Янцен Софья. Минвана. Оссианова песнь. (Подражание Шенье.) — ДЖ, 1832, ч. XXXVII, № 1, с. 10—12.
Minvane (Mv) М.-Ж. Шенье.

См.: *79, 127.*

В

319. Горленко П. Мщение. — Заволжский муравей, 1832, ч. III, № 22, с. 1263—1265.
Стихи. Герой баллады — рыцарь, «питомец Морвены».

lib.pushkinskijdom.ru

Г

320. Пушкин А. С. [Гнедичу. 1832.] — Соч. Пушкина, т. I. СПб., 1855, с. 181.

Стихи. Поэта призывают «скалы старца Оссиана».

См. *132.*

Л

321. П[олевой] Н. Баллады и повести В. А. Жуковского. 2 ч. СПб., 1831. — МТ, 1832, ч. XLVII, № 19, с. 361.

«Туманные песнопения» Мф. привели в восторг Англию.

322. Пещера Фингалова. (Из путешествия по Гебридским островам Панкука.) — ЛПРИ, 1832, 28 мая, № 43, с. 340—342.

1833

Г

323. П[олевой] Н. Живописец. Быль. — МТ, 1833, ч. LI, № 10, с. 269.

Проза. Копия картины Жироде «Оссиан» у губернатора.

Д

324. Мечтатель [Глинка С. Н.] Отчет Гомера о Гомере. — ДЖ, 1833, ч. XLII, № 23, с. 145—146.

Характеристика поэзии Ос. в полемике с Полевым (см. *326*).

325. Надеждин Николай. О современном направлении изящных искусств. Слово, произнесенное в торжественном собрании имп. Московского университета июля 6 дня 1833 года. М., 1833, с. 31.

Поэзия Ос. — выражение души древних народов Европы.

326. [Полевой Н. А.] «Борис Годунов». Сочинение Александра Пушкина. СПб., 1831. — МТ, 1833, ч. XLIX, № 1, с. 129.

Ос. — это «сбор баллад шотландских».

327. Трофим Романтикус. Три письма о словесности. Письмо 2. Ответ Классикусу. — СОиСА, 1833, ч. XXXV, № 21, с. 344—345, 354.

Идеал и форма в поэмах Ос.; их естественность.

---

lib.pushkinskijdom.ru

УКАЗАТЕЛИ К БИБЛИОГРАФИИ

1. Авторы, переводчики, издатели [1]

А. К. *16.* — Александровский *99.* — Артемовский-Гулак П. П. *204.* — Арцыбашев Н. С. *82.*

Б. П. . .ья *230.* — Байрон Д. Г. *249.* — Бальдауф Ф. И. *211—213.* — Батюшков К. Н. *98, 121, 163, 174.* — Бен-Грианан *204.* — Бен де Сен-Виктор Ж.-М.-Б. *110, 231.* — Бенитцкий (Беницкий) А. П. *87, 118.* — Бередников Я. И. *145.* — Бестужев А. А. *228, 253, 266.* — Блэр (Блер) Х. *10, 91, 100, 158, 175, 232, 254, 292.* — Богданович П. И. *5.* — Богословский А. *131.* — Борисов И. *141.* — Бороздна И. П. *263, 282, 287.* — Брайко Г. Л. (?) *3.* — Бутырский Н. И. *101.*

В—ва К. *165.* — Веневитинов Д. В. *300.* — Вердеревский В. Е. *239, 262.* — Виноградов И. И. *2.* — Война-Куренский П. *58, 68.* — Второв И. А. *46.* — Вышеславцев М. М. *44.* — Вяземский П. А. *176.*

Галинковский Я. (И.) А. *47.* — Галченков Ф. *2.* — Гарольд Э. *67, 75.* — Г—в *70.* — Гердер И. Г. *193.* — Гете (Гетте) И. В. *2, 4, 298, 304.* — Глебов Д. П. *119, 120, 172.* — Глинка С. Н. *215, 324.* — Глотовский *293.* — Гнедич Н. И. *78, 79, 88, 132.* — Головин В. *166.* — Гонорский Р. Т. *182, 193.* — Горленко П. *319.* — Грамматин Н. Ф. *80, 97, 100, 105, 111, 122, 136, 255, 301, 305—307.* — Греч Н. И. *12, 33, 143, 177, 241, 272.* — Григорьев В. Н. *226, 240.* — Гриффе де ла Бом А.-Ж. *134.*

Давид де Сен-Жорж Ж.-Ж.-А. *134.* — Державин Г. Р. *50, 113, 142, 159.* — Десницкий С. Е. (?) *1.* — Джеймс В. (?). *16.* — Дмитриев А. И. *5.* — Дмитриев И. И. *9.* — Дмитриев М. А. *269.* — Дурново Н. *246.* — Дуроп А. Х. *216.*

Е. В. *2.*

Жандр А. А. *219.* — Жихарев С. П. *112.* — Жуковский В. А. *44, 156, 299.*

Завадский С. П. (?) *242.* — Загорский М. П. *247, 249.* — Загоскин М. Н. *178.* — Захаров И. С. *14. 15.* — Зульцер (Сульцер) И. Г. *164.*

Иванов Ф. Ф. *106.* — Иванчин-Писарев Н. Д. *229.* — Илличевский А. Д. *278.*

К. В. *53.* — Кайсаров П. С. *37.* — Калачевский Н. *291.* — Каменев Г. П. *51, 54.* — Капнист В. В. *32, 33, 152, 160, 161.* — Карамзин Н. М. *6—8, 11, 17—20, 25, 30, 41, 43, 61.* — Катенин П. А. *127, 220, 221.* — Княжевич В. М. *189.* — Козегартен Л. Т. *29, 51.* — Козлов В. И. *256.* — Кокрель К. *233.* — Конов А. К. *10.* — Костров Е. И. *12, 21.* — Круммахер Ф. А. *250.* — Крылов А. А. *183, 203.* — Крюков А. П. *270.* — Кугушев Н. М. *128.* — Кюхельбекер В. К. *218.*

Лафонтен А. *189.* — Левицкий Н. *210.* — Лермонтов М. Ю. *311.* — Летурнер П. *22.* — Лизогуб Я. И. *69.* — Литвинов В. *151.* — Лобойко И. Н. *234.* — Любитель художеств *116.* — Львов П. Ю. *48, 55.*

---

[1] Раскрытые псевдонимы и имена, упоминаемые в аннотациях, в указатель не включены.

lib.pushkinskijdom.ru

М. Ф. *186, 187.* — Магницкий М. Л. (?) *129.* — Мансуров А. М. *173, 251.* — Маттисон Ф. *64, 86.* — Медведев П. *89, 90.* — Межаков П. А. *153, 154, 167.* — Мерзляков А. Ф. *62, 117, 179, 243.* — Мерсье Л.-С. *56.* — Мильвуа Ш.-И. *269.* — Мишо Ж.-Ф. *278.* — Моне Ф. И. *284.* — Москвина Е. О. *63.* — Москвина М. О. *63.* — Муравьев А. Н. *281.* — Муравьев М. Н. *38, 81.* — Мусин-Пушкин А. И. *52.*

Н. Л. *195.* — Надеждин Н. И. *316, 325.* — Нечаев С. Д. *279.* — Никитин А. А. *184, 185, 199, 214.* — Никольский П. А. *175.* — Норов Ал-др С. *205.*

Ободовский П. Г. *312.* — — ов — *268.* — Одоевский И. И. *104.* — Озеров В. А. *108, 109.* — Ознобишин Д. П. *283.* — Олешев М. *73.* — Олин В. Н. *144, 146, 155, 168, 169, 194, 200, 232, 252, 264.* — Остромов К. *64.*

Паки де Совиньи Н. *195.* — Палицин А. А. *114.* — Панаев В. И. *190.* — Панкук *322.* — Петров И. *277.* — Петровский Н. *201, 217.* — Писарев А. И. *265.* — Подшивалов В. С. *13, 23, 29, 31.* — Познанский Ю. (Е.) И. *170, 171.* — Полевой Н.А. *321, 323, 326.* — Полежаев А. И. *271.* — Политковский П. С. *71, 83(?), 107.* — Пп. Дм. *115.* — Протекинский А. *157.* — Пушкин А. С. *147, 149, 150*(?), *314*(?), *320.* — Пушкин В. Л. *28.*

Радищев А. Н. *123.* — Ра—ий В. *275.* — Рижский И. С. *138.* — Рихтер А. Ф. *208, 209, 235.* — Рожалин Н. М. *298.* — Розберг М. П. *315.*

Саларев Д. *137.* — Северин В. М. *10.* — Сибирский Ф. *45.* — Склабовский А. В. *202, 206.* — Слепцов А. А. *288, 302.* — Смирнов Н. С. *26. 27, 35.* — Смит Д. *126.* — Сокольский Г. В. *148, 164.* — Сомов О. М. *267*(?), *273, 314*(?). — Соц. В. И. *222.* — Ст—в А. *233.* — Степанов Н. *303.* — Струйский Д. Ю. *313.*

Татищев И. И. *56.* — Тило В. *227, 250.* — Тимковский Р. Ф. *67.* — Толстой Я. Н. *223.* — Третьяков И. А.(?) *1.* — Трофим Романтикус *327.* — Туманский Ф. О. *24.* — Тургенев Ал—др И.(?) *135.*

Ф. Ф. *34.* — Фарфаровский В. *139.* — Филатов С. *126.* — Фортунатов *162.* — Фукс Е. Б. *285.*

Ханенко А. И. *36.* — Хвостов А. С. *140.* — Хвостова А. П. *31.* — Хераскоп М. М. *39, 74.*

Цертелев Н. А. *257.*

Чаплин А. Ф. *130.*

Шаликов П. И. *49.* — Шаховской А. А. *289, 290.* — Шыряев С. П. *294.* — Шеин И. *317.* — Шкляревский П. П. *248.*

Языков Д. И. *29.* — Языков Н. М. *207.* — Яковлев М. А. *244.* — Янцен С. *318.*

N. N. *236.*

Z. *181, 188, 191, 192.*

lib.pushkinskijdom.ru

2. Оссиановские источники переводов, переложений, подражаний[1]

Macpherson J. The Poems of Ossian

Battle of Lora, The *12, 144, 169.*
Berrathon *2, 12, 69, 79, 166, 182, 239, 248, 298, 299, 301*

Calthon and Colmal *12, 151*
Carric-thura *12, 153, 213, 287*
Carthon *7, 12, 32, 33, 72, 111, 118, 152, 186, 188, 214, 226, 287, 288, 301, 303.*
Cathlin of Clutha *12*
Cath-loda *12, 60*(III)
Colna-dona *5, 12, 147, 299*
Comala *12, 87, 200, 290*
Conlath and Cuthona *12, 97, 301*
Croma *5, 12, 119, 212*

Darthula *12, 13, 14, 37*
Death of Cuchullin, The *12, 104, 129*
Death of Oscar and Dermid (прилож. к Temora) *5, 9, 12, 58, 141, 183*

Fingal *12, 27*(I), *29*(I), *80*(II), *108*(III), *144*(I), *148*(II), *168*(I), *211*(II), *247*(I), *252*(I), *262*(II), *264*(V), *301*(II).
Five bards passing the night in house chief (прилож. к Croma) *5, 112, 181*
Fragments of ancient poetry VIII, X *280*

Gaul's address to the spirit of his father (прилож. к Temora III) *57, 271, 281*

Lathmon *12*

Minvane's lamentation (прилож. к Berrathon) *5, 12, 44, 59, 89, 106, 120, 162, 167, 203, 287, 317, 318*

Oina-morul *5, 12, 15, 287*
Oithona *12, 151*
Ossian's address to Sul-malla (прилож. к Temora VIII) *282*

---

[1] В указателе учтены как первоисточники, так и французские и немецкие переводы-посредники. Отдельно расписаны только поэмы Оссиана—Макферсона, вынесенные в начало указателя и расположенные в алфавитном порядке (для «Cath-loda», «Fingal» и «Temora», если они использовались не полностью, в скобках римскими цифрами указаны соответствующие книги или песни). Остальные поэмы расписаны суммарно без заглавий под названиями сборников, расположенных в алфавитном порядке их авторов или переводчиков (анонимный сборник «Choix de contes et de poésies erses» включен в алфавит по названию).

lib.pushkinskijdom.ru

Songs of Selma, The *2, 3, 5, 8, 12, 28, 69, 71, 78, 88, 105, 127, 136, 151, 154, 165, 201, 246, 268, 298, 300, 301, 302*
Sul-malla of Lumon *12*

Temora *12, 155*(V), *281*(VII), *301*(I—VI)

War of Caros, The *5, 12, 107, 287, 290*
War of Inis-thona, The *12*

Baour Lormian P. M. L. Ossian, Poésies galliques en verse français *72, 226, 263, 271, 282, 287, 303*
Chenier M.-J. Chants imités d'Ossian *239, 318*
Choix de contes et de poésies erses *5, 9, 58, 59*
Denis M. Ossians und Sineds Lieder *112*
Goethe J. W. Die Leiden des jungen Werther *2, 4, 298, 304*
Harold E. Neu-entdeckte Gedichte Ossians *53, 67, 68, 70, 128, 130, 170, 184, 185, 187, 199, 202*
Hill [Griffet de la Beaume A.-G., David de Saint-Georges J.-J.-A.] Les Poèmes d'Ossian, Orran, Ullin et d'Ardar *126*
Letourneur P. Ossian, Poésies galliques *9, 12, 14, 15, 104, 151*
Smith J. Galic antiquities *41, 126, 171*

lib.pushkinskijdom.ru

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аблесимов А. О. 4
Аладьин Е. В. 121
Александр Невский 77
Александровский 76, 165
Алексей 109
Андроников В. А. 68
Арапов П. Н. 45, 47
Артемовский-Гулак П. П. 179
Арцыбашев Н. С. 78, 162
Астахова А. М. 62
Атаев М. И. 187

Базанов В. Г. 87, 101
Байрон Д. Г. Н. 3, 102, 128—130, 133, 184
Бак И. С. 19
Балобанова Е. В. 7, 9, 96
Бальдауф Ф. И. 56, 101, 102, 104, 180
Баратынский Е. А. 128
Барратт Г. Б. 7
Батюшков К. Н. 4, 5, 6, 23, 43, 56, 65, 68, 71, 81, 84, 94—96, 98, 120, 127, 164, 165, 168, 170, 174, 176
Бауринг Д. 117, 182
Баур-Лормиан П.-М.-Л. 54, 55, 102, 110, 139, 140, 146, 161, 181, 185, 187, 189, 191
Белинский В. Г. 49, 116
Белозерская Н. А. 84
Бен-Грианан 179
Бен де Сен-Виктор Ж.-М.-Б. 167, 182
Бенитцкий (Беницкий) А. П. 56, 87, 88, 124, 163, 168
Бередников Я. И. 171
Бестужев А. А. 32, 50, 102, 109, 181, 184, 186
Блэр (Блер) Х. 9, 10, 32, 69, 128, 150, 151, 164, 165, 173, 176, 182, 185, 189
Бобров Е. А. 135
Бобров С. С. 33, 164
Богданович П. И. 149
Богословский А. 38, 170
Болтин И. Н. 76
Бонне (Боннет) Ш. 23
Борисов И. 171
Бороздна И. П. 139, 140, 185, 188—190
Бочкарев В. А. 47
Брайко Г. Л. 23, 149
Браун А. 19
Булгарин Ф. В. 128
Бутырский Н. И. 165
Бюргер Г. А. 40, 115, 120

Вадим 82, 83, 109, 111
Вацуро В. Э. 58, 145
Введенский Д. Н. 5, 6, 9, 26, 35, 63, 78, 84
Вельтман А. Ф. 140
Венгеров С. А. 96
Веневитинов Д. В. 56, 107, 190
Вердеревский В. Е. 56, 133, 183, 185
Верстовский А. Н. 187
Веселовский Ал-др Н. 82, 90, 111
Вигель Ф. Ф. 47
Виноградов И. И. 148
Вишневский К. Д. 62
Владимир Святославович 86, 109
Владин 118

lib.pushkinskijdom.ru

Воейков А. Ф. 77, 82, 106, 107, 121, 128, 133, 134
Война-Куренский П. 32, 159, 160
Волынский А. П. 110
Вольтер Ф.-М.-А. 24, 27
Вордсворт В. 136
Востоков А. Х. 62, 87
Второв И. А. 157
Вышеславцев М. М. 39, 57, 157
Вяземский П. А. 26, 99, 100, 103, 136, 176

Гаевский В. П. 96
Галахов А. Д. 4, 26
Галинковский Я. (И.) А. 44, 157
Галченков Ф. 22, 148
Ганка В. 33
Гарольд Э. 15, 33, 55, 66, 87, 88, 94, 101. 102, 144, 146, 158, 160, 161, 169, 175, 177, 179
Геллерт Х. Ф. 42
Гельфрейх С. 185
Гервей см. Харви Д.
Гердер И. Г. 3, 16, 178
Герман Херуск 114
Геснер С. 21
Гете (Гетте) И. В. 3, 18, 22, 148, 149, 161, 191
Глебов Д. П. 56, 66, 93, 121, 168, 176
Глинка С. Н. 180, 193
Глинка Ф. Н. 101, 102
Глотовский 190
Гнедич Н. И. 4—6, 23, 43, 56, 62—66, 70—72, 95, 125, 127, 142, 162, 163, 168, 170, 193
Гоголь Н. В. 38
Годфруа Д. 97
Гозенпуд А. А. 52
Головин В. 174
Гомер (Омер, Омир) 3, 13, 16, 22, 32, 41, 66, 68, 70, 72—75, 78, 95, 104, 125, 126, 128, 152, 161, 164, 176, 182, 187, 193
Гонорский Р. Т. 177, 178
Горленко П. 119, 192
Городецкий Б. П. 96
Граббе П. Х. 93
Грамматин А. Ф. 68
Грамматин Н. Ф. 54, 55, 57, 62, 67—73, 123, 128, 136, 162, 164, 165, 167, 168, 170, 185, 190, 191,
Греч Н. И. 31, 128, 133, 134, 151, 155, 171, 176, 183, 187
Григорьев В. Н. 56, 102, 104, 181, 183
Гриффе де ла Бом А.-Ж. 146, 170
Грот Я. К. 24, 35, 117
Гуковский Г. А. 6, 20, 25, 32, 63, 64, 66, 114
Гюго В. 4

Давид де Сен-Жорж Ж.-Ж.-А. 146, 170
Данилевский Г. П. 34
Данилов Н. 121
Дельвиг А. А. 142
Денис М. 5, 23, 91, 167
Державин Г. Р. 4, 5, 24, 35—38, 43, 53, 73, 89, 92, 104, 108, 150, 158, 167, 169—171, 173, 191
Дерикер В. В. 140
Десницкий С. Е. 19, 148
Джеймс В. 22, 152
Джонсон С. 16, 181, 192
Димитрий Донской 73, 167
Дмитриев А. И. 24, 25, 91, 149
Дмитриев И. И. 24, 31, 39, 56, 57, 68, 69, 89, 136, 150, 191
Дмитриев М. А. 107, 186
Дурново Н. 184
Дуроп А. Х. 180

Егунов А. Н. 72
Екатерина II 26
Елеонский С. Ф. 74
Ермак Тимофеевич 109
Ермолов А. П. 93

Жандр А. А. 49, 181
Жерар Ф. 97, 141
Жирмунский В. М. 22, 122, 129, 130
Жироде-Триозон А.-Л. 141, 160, 193
Жихарев С. П. 23, 91, 92, 167
Жуковский В. А. 4, 6, 68, 77, 82, 83, 88—92, 108, 111—122, 129, 130, 134, 157, 173, 179, 182, 183, 190, 193

lib.pushkinskijdom.ru

Заборов П. Р. 24
Завадский С. П. 183
Загорский М. П. 102, 124, 184
Загоскин М. Н. 176
Замотин И. И. 5, 35
Захаров И. С. 24, 152
Зотов Р. М. 49, 50
Зульцер (Сульцер) И. Г. 174

Иванов И. А. 65
Иванов М. А. 65
Иванов Ф. Ф. 62, 66, 86, 88, 165, 166
Ивановский А. А. 186
Иванчин-Писарев Н. Д. 182
Игорь Рюрикович 77, 80
Иезуитова Р. В. 6, 7, 63, 74, 91, 96, 98, 112
Измайлов А. Е. 186
Измайлов Л. Д. 92, 167
Илличевский А. Д. 187

Кайсаров А. С. 68, 82, 160
Кайсаров П. С. 39, 156
Калачевский Н. 189
Каменев Г. П. 78—80, 158, 159
Кантемир А. Д. 95, 176
Капнист В. В. 39, 53, 60—62, 71, 74, 125, 155, 172—174
Карамзин Н. М. 4, 6, 21, 23, 24, 27, 29—31, 38—42, 53, 60—62, 68, 71, 73, 76, 82, 85, 149—157, 159
Каратыгин В. А. 181
Катенин П. А. 49, 56, 124, 138, 169, 181
Кафанова О. Б. 157
Кларк Д. 14
Клопшток Ф. Г. 75
Княжевич В. М. 177
Козегартен Л. Т. 79, 154, 158
Козлов В. И. 185
Козловский О. А. 183
Кокрель К. 117, 182
Конов А. К. 150
Костин В. М. 190
Костров Е. И. 4, 5, 23—35, 47, 52, 55, 65, 72, 76, 77, 84, 87, 88, 91, 93, 96, 97, 99, 124—127, 136, 137, 151, 153, 159, 163, 164, 169, 171, 184
Кочеткова Н. Д. 41, 145
Кошанский Н. Ф. 96
Круммахер Ф. А. 184
Крылов А. А. 56, 102, 177, 179
Крюков А. П. 50, 51, 187
Кугушев Н. М. 66, 169
Кулибин А. И. 104, 179
Курбский А. М. 109
Курис И. О. 34
Кутайсов А. И. 91, 93
Кутузов А. М. 21, 42
Кэмпбелл Х. (Кампбель Г.) 137, 178
Кюхельбекер В. К. 4, 75, 102—104, 141—143, 180

Лафонтен А. 177
Левицкий Н. 180
Лермонт Т. 141
Лермонтов М. Ю. 4, 56, 99, 141, 191
Лесюэр Ж.-Ф. 46
Летурнер П. 20, 25—27, 29, 30, 32, 54—56, 91, 137, 146, 150—153, 165, 172
Лизогуб Я. И. 32, 161
Линда Й. 33
Линней К. 21
Литвинов В. 33, 172
Лобойко И. Н. 182
Ломоносов М. В. 25, 31, 73, 75, 93, 104, 161
Лотман Ю. М. 73, 74, 81, 85
Львов Н. А. 60, 71
Львов П. Ю. 21, 34, 43, 74, 158, 159

Магницкий М. Л. 169
Мазюкевич Т. Г. 7
Макогоненко Г. П. 56
Макферсон Д. 5—10, 12, 14—19, 23, 27, 29, 30, 34, 46, 47, 50, 53, 55, 56, 58, 59, 61, 65, 69, 70, 74, 75, 77, 78, 81, 87, 89, 91, 94, 96, 101, 102, 106, 111, 113, 115, 123, 125, 128, 130, 131, 133, 136—139, 144, 148, 151, 160, 184, 186, 192
Малле П.-А. 36, 47, 60
Мандельштам О. Э. 3
Мансуров А. М. 105, 176, 184, 185
Марков М. 121

lib.pushkinskijdom.ru

Мартынов С. М. 184
Масанов И. Ф. 106
Маслов В. И. 6, 8, 18, 40, 41, 94, 144, 145
Маттисон Ф. 160, 163
Мегюль Э.-Н. 165
Медведев П. 66, 163
Медведева И. Н. 49
Межаков П. А. 120, 139, 140, 172, 173, 175, 190
Меншиков А. Д. 109
Мерзляков А. Ф. 48, 68, 82, 100, 160, 168, 176, 183
Мерсье Л.-С. 159
Мильвуа Ш.-И. 106, 107, 186
Мильтон Д. 21
Минин К. 168
Михаил Тверской 109
Моне Ф. И. 188
Морозов П. О. 31
Москвина Е. О. 44, 160
Москвина М. О. 44, 160
Мстислав Мстиславович 110
Муравьев А. Н. 56, 139, 188
Муравьев М. Н. 5, 20, 21, 58, 59, 81, 82, 156, 162
Муравьев Н. Н. 93
Муравьев-Апостол И. М. 125
Мусин-Пушкин А. И. 72, 73, 158

Набоков В. В. 135
Надеждин Н. И. 71, 192, 193
Назарова Л. Н. 102
Наполеон Бонапарт 4, 84, 93, 98, 108, 141
Нарежный В. Т. 5, 77, 84, 85, 169
Нарцов А. Н. 119
Нечаев С. Д. 188
Никитин А. А. 101, 108, 177, 179, 180
Никольский П. А. 176
Новиков Н. И. 21
Норов Ал-др С. 179

Ободовский П. Г. 140, 191
Одоевский И. И. 32, 165
Озеров В. А. 4, 45—52, 65, 85, 88, 100, 108, 135, 164—167, 170, 176, 182—184, 187, 190
Ознобишин Д. П. 107, 188
Оленин А. Н. 45, 47, 48, 72, 166
Оленина В. А. 72
Олешев М. 87, 161
Олин В. Н. 55, 108, 123—134, 137, 171—175, 178, 179, 182, 184—187, 190
Ольга 80
Омер, Омир см. Гомер
Орлов И. 122
Остромов К. 160

Паки де Совиньи Н. 178
Палицын А. А. 73, 167
Панаев В. И. 121, 178
Панкук 193
Парни Э.-Д. 97, 135
Петин И. А. 96
Петрарка Ф. 95
Петров А. А. 23
Петров И. 187
Петровский Н. 179, 180
Петряев Е. Д. 102
Пигарев К. В. 94, 109
Пиксанов Н. К. 5, 96
Писарев А. А. 87
Писарев А. И. 107, 133, 186
Плетнев П. А. 117, 123
Подшивалов В. С. 24, 43, 151, 153—155
Пожарский Д. М. 168
Познанский Ю. (Е.) И. 175
Покровский И. 128, 129
Покровский С. А. 19
Полевой Н. А. 193
Полежаев А. И. 4, 187
Политковский П. С. 88, 124, 161, 163, 166
Попов М. И. 62
Потапов П. О. 49
Протасова М. А. 112, 114
Протекинский А. 118, 119, 173
Пугачев Е. И. 20
Пумпянский Л. В. 6, 35
Пушкин А. С. 4, 6, 9, 51, 56, 62, 64, 66, 79, 96—99, 110, 114, 128—131, 134—136, 138, 172, 192, 193
Пушкин В. Л. 57, 154
Пыпин А. Н. 59

Радищев А. Н. 60, 71, 87, 168
Радищев Н. А. 87
Резанов В. И. 77, 78, 80, 83, 89, 112

lib.pushkinskijdom.ru

Рижский И. С. 171
Рихтер А. Ф. 103, 179, 180, 182
Рогволод 86
Рогнеда 86, 109, 162
Рогова В. И. 192
Рожалин Н. М. 190
Розанов И. Н. 123
Розберг М. П. 192
Руль И. К. 164
Рылеев К. Ф. 4, 93, 94, 96, 102, 104, 107—111, 128
Рюрик 37, 81, 82

Саади 71
Саларев Д. 170
Святополк I 110
Святослав Игоревич 77, 79
Северин В. М. 150
Селивановский С. И. 33
Сен-Виктор Ж.-Б.-М. 165
Сенковский О. И. 75
Сен-Прист А. 47
Сибирский Ф. 43, 157
Сиповский В. В. 40, 74, 76, 78
Склабовский А. В. 102, 117, 179
Скотт В. 51
Слепцов А. А. 119, 138, 139, 189—191
Слепцов А. Т. 119
Слепцов В. А. 189
Смирдин А. Ф. 4
Смирнов Н. С. 21, 124, 154, 156
Смит Д. 14, 33, 41, 55, 144, 146, 156, 169, 175
Соболевский А. И. 6, 76
Соколов А. Н. 63
Сокольский Г. В. 172
Сомов О. М. 102, 106, 134, 186, 187, 192
Софокл 167
Соц В. И. 181
Степанов Н. 191
Стерн Л. 42
Струйский Д. Ю. (Трилунный) 140, 192
Суворов А. В. 31, 33, 34, 151, 153, 158, 169, 188
Сумароков А. П. 62, 190
Сумцов Н. Ф. 102
Сусанин И. 110
Сушков П. В. 72

Тассо (Тасс) Т. 66, 127
Татищев В. Н. 76
Татищев И. И. 159
Татищев С. П. 191
Теплова Н. С. 121
Тило В. 120, 181, 184
Тимковский Е. Ф. 34
Тимковский Р. Ф. 160
Тихонравов Н. С. 83
Толстой Я. Н. 181
Томашевский Б. В. 62, 95—98
Томсон Д. 20, 21
Тончи Н. И. 64
Третьяков И. А. 18, 19, 148
Трилунный см. Струйский Д. Ю.
Трубицын Н. Н. 67
Туманский Ф. О. 31, 153
Тургенев Ал-др И. 23, 82, 90, 136, 138, 139, 170
Тургенев Андр. И. 23, 68, 82, 160
Тургенев И. П. 160
Тургенев Н. И. 138
Тынянов Ю. Н. 142

Уваров С. С. 174
Урусова Е. С. 20

Фарфаровский В. 171
Федоров А. В. 140
Филатов С. 33, 169
Флориан Ж.-П.-К. 83
Флоров А. А. 96, 110
Фомин А. 68
Фонтенель Б. 58
Фортунатов 67, 174
Фризман Л. Г. 109
Фукс А. А. 79
Фукс Е. Б. 33, 188

Ханенко А. И. 33, 156
Харви (Гервей) Д. 21, 26
Хвостов А. С. 171
Хвостов Д. И. 182
Хвостова А. П. 42—44, 155
Херасков М. М. 5, 20, 21, 42, 60—62, 73, 156, 161

Цейтлин А. Г. 94
Цертелев Н. А. 106, 185

lib.pushkinskijdom.ru

Чаплин А. Ф. 88, 169
Чезаротти М. 23, 160
Чернявский И. И. 75

Шаликов П. И. 44, 158
Шарыпкин Д. М. 36, 103, 135
Шаховской А. А. 50—52, 189
Шевырев С. П. 139, 140, 190
Шеин И. 140, 192
Шекспир В. 21, 23, 26, 39, 51, 115, 116
Шенье М.-Ж. 54, 183, 192
Шиллер Ф. 104
Ширинский-Шихматов С. А. 125
Шишков А. А. 108
Шишков А. С. 23, 29, 42
Шкляревский П. П. 184
Штокмар М. П. 62
Шувалов С. В. 141

Щербатов М. М. 76

Эсхил 104

Ювенал Д. Ю. 104
Юнг Э. 20, 21, 57, 79

Языков Д. И. 154
Языков Н. М. 56, 104, 108, 179
Яковлев М. А. 183
Ям К. Е. 58
Янцен С. 140, 192
Ярополк Святославович 86

Baour Lormian P. M. L. см. Баур-Лормиан П.-М.-Л.
Barratt G. B. см. Барратт Г. Б.
Black G. F. 17
Blair H. см. Блэр Х.
Bowring J. см. Бауринг Д.

Cadell T. 113
Coquerel Ch. см. Кокрель К.
Cross A. G. 40
Cushing M. G. 25

Dalmas H. J. 166
David de Saint-Georges J. J. A. см. Давид де Сен-Жорж Ж.-Ж.-А.
Dolanský J. 33
Dukes P. 7, 18
Dunn J. J. 17

Griffet de la Beaume A. G. см. Гриффе де ла Бом А.-Ж.

Harold E. см. Гарольд Э.
Herder J. G. см. Гердер И. Г.
Horstmeyer R. 17

James W. см. Джеймс В.

Letourneur P. см. Летурнер П.

Macpherson J. см. Макферсон Д.
Michaud J. F. 187
Monk S. H. 15

Nabokov V. см. Набоков В. В.
Neuhäuser R. 7

Saunders B. 8, 56
Simmons E. J. 7
Smart J. S. 17
Smith J. см. Смит Д.
Stern L. Ch. 17
Strahan A. 113

Thomson D. S. 17, 137
Tombo R. 17, 75
Van Tieghem P. 17, 25, 45

Wordsworth W. см. Вордсворт В.

lib.pushkinskijdom.ru

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

«Оссиан. Гальские стихотворения», перевод Е. Кострова. Титульный лист (М., 1792). (с. 28).

«Оссиан». Литография Н. И. Тончи (М., 1839). Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Литография воспроизводит фрагмент картины Анн-Луи Жироде-Триозона «Оссиан» (1802). (с. 64).

«Фингал». Заставка к трагедии в издании Сочинений В. А. Озерова (5-е изд., ч. 1. СПб., 1828). Гравюра М. Иванова с рисунка И. Иванова, выполненного по эскизу А. Н. Оленина. (с. 65).

К. Ф. Рылеев. «Думы». Титульный лист (М., 1825). Гравюра А. Флорова воспроизводит изображение Оссиана на титульном листе книги: Ossian, bard du troisème siècle. Poésies galliques en vers français; par P. M. L. Baour Lormian. Quatrième édition, avec gravures. Paris, [1822]. (с. 96).

«Оссиан заклинает духов игрою на арфе». Гравюра Джона Годфруа с картины Франсуа Жерара (1801). Гамбургская галерея искусств. О связи стихотворения В. К. Кюхельбекера «Оссиан» с картиной Жерара см. выше, с. 141 (с. 97).

lib.pushkinskijdom.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОССИАН В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

3

Приложение

Оссиан в России. 1768—1833.
(Материалы к библиографии)

144

Указатели к библиографии

194

Именной указатель

198

К иллюстрациям

204

lib.pushkinskijdom.ru

Юрий Давидович Левин

ОССИАН В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
(конец XVIII—первая треть XIX века)

Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом)
АН СССР

Редакторы издательства Е. А. Смирнова, Е. А. Гольдич
Художник Л. А. Яценко
Технический редактор Н. Ф. Соколова
Корректоры Ж. Д. Андронова и Г. М. Алымова

ИБ № 9141

Сдано в набор 06.11.79. Подписано к печати 15.05.80. М-36657. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура академическая. Печать высокая. Печ. л. 6 1/2 + 2 вкл. (1/8 печ. л.) = 11.13 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 12.08. Тираж 7550. Изд. № 7438. Тип. зак. № 878. Цена 80 к.

Издательство „Наука"
Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства „Наука"
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

lib.pushkinskijdom.ru

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»
МОЖНО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ЗАКАЗАТЬ
В МАГАЗИНАХ КОНТОРЫ «АКАДЕМКНИГА»

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

117192 Москва В-192, Мичуринский пр., 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»

197110 Ленинград П-110, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой»
Северо-Западной конторы «Академкнига»

или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой»:

480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13;
320005 Днепропетровск, пр. Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
734001 Душанбе, пр. Ленина, 95 («Книга — почтой»);
335009 Ереван, ул. Туманяна, 31;
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289;
252030 Киев, ул. Ленина, 42;
252030 Киев, ул. Пирогова, 2;
252142 Киев, пр. Вернадского, 79;
252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
277001 Кишинев, ул. Пирогова, 28 («Книга — почтой»);
343900 Краматорск (Донецкой обл.), ул. Марата, 1;
660049 Красноярск, пр. Мира. 84;
443002 Куйбышев, пр. Ленина, 2 («Книга — почтой»);
192104 Ленинград, Д-120, Литейный пр., 57;
199164 Ленинград, Таможенный пер., 2;
199034 Ленинград, 9 линия, 16;
220012 Минск, Ленинский пр., 72 («Книга —почтой»);

lib.pushkinskijdom.ru

103009 Москва, ул. Горького, 8;
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
630076 Новосибирск, Красный пр., 51;
630090 Новосибирск, Морской пр., 22 («Книга — почтой»);
142292 Пущино (Московской обл.), «Академкнига»;
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
700100 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
450025 Уфа, Коммунистическая ул., 49;
720001 Фрунзе, бульв. Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
310003 Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).

lib.pushkinskijdom.ru